

Т.Н. Белова



Актуальные проблемы становления
и развития англоязычной
литературоведческой русистики
в XIX–XX вв. на Западе

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

Т. Н. БЕЛОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ РУСИСТИКИ
В XIX–XX ВВ. НА ЗАПАДЕ

Основные этапы,
историко-культурные процессы,
доминирующие и детерминирующие
факторы



Издательство Московского университета
2018

УДК 82.091
ББК 83.3
Б 43

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

*канд. культурологии доцент И.Л. Анастасьева,
канд. филол. наук науч. сотрудник Е.А. Певак*

Белова Т.Н.

- Б 43 Актуальные проблемы становления и развития англоязычной литературоведческой русистики в XIX–XX вв. на Западе: основные этапы, историко-культурные процессы, доминирующие и детерминирующие факторы: Учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 156 с. [Электронное издание сетевого распространения]

ISBN 978-5-19-011357-0

Учебное пособие адресовано студентам гуманитарных специальностей, изучающим историю русского зарубежья, и представляет собой поэтапную характеристику наиболее актуальных проблем англо-американской русистики в процессе ее становления и развития на протяжении XIX–XX вв.

Ключевые слова: русская литература, англо-американские исследования, литературная критика

**УДК 82.091
ББК 83.3**

Belova T.N.

Vital Problems of the Rise of Russian Literature Study in England and the USA during the 19–20-th centuries. – Moscow: Moscow State University Press, 2018. – 156 p. [Electronic Edition of Network Distribution]

Key-words: Russian literature, English-American Study, literary criticism

© Т.Н. Белова, 2018

© Филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

ISBN 978-5-19-011357-0

Содержание

Введение	5	
Цели и задачи учебного курса	13	
Программа учебного курса	14	
Раздел I.		
Основные этапы становления англо-американской литературоведческой русистики.		
Актуальные проблемы ее рецепции и интерпретации.....		19
1. Роль русской эмиграции в Англии в первой трети XX в. в деле сближения национальных культур: двухсторонние творческие контакты, переводы, редакционно-издательская, научная и преподавательская деятельность		19
2. Вклад И.С. Тургенева в развитие социального американского романа в последней трети XIX в. Роль романа Е.И. Замятина «Мы» в возникновении жанра антиутопии в английской литературе		31
3. «Малая Россия» в Америке: литературная, редакционно-издательская и академическая деятельность представителей русской эмиграции в США в первой половине XX столетия		36
Раздел II.		
Многоаспектный вклад В.В. Набокова в становление англо-американской русистики в 1930–1960-е гг. как переводчика и комментатора выдающихся произведений русской литературы, академического исследователя и преподавателя американских университетов.....		59
1. В. Набоков – переводчик и комментатор произведений русской литературы. Его статьи о проблемах перевода		59

2. В. Набоков – академический исследователь русской литературы (особенности критического подхода). Его преподавательская деятельность в американских университетах и колледжах	68
--	----

Раздел III.

Доминирующие и детерминирующие факторы становления и развития англо-американской литературоведческой русистики в 1960–1980-е гг.: академическая «новая критика», советология и двухсторонние творческие и научные контакты между учеными СССР и англоязычных стран Запада	101
---	-----

1. «Новая критика» в США как доминирующий академический подход к изучению литературы (1920–1950-е гг.). Роль мифологической критики в американском литературоведении (1940–1960-е гг.).....	101
2. Советология как инструмент идеологической борьбы с советским строем (1950–1970-х гг.).....	107
3. Разрядка международной напряженности и процесс формирования объективных научных подходов к изучению русской литературы в США (1960–1980-е гг.). Вклад И. Вайля, Дж. Глэда, К. и Э. Профферов и других американских русистов в развитие и укрепление русско-американских связей (конец XX – начало XXI в.)	131

нента – американских индейцев. Однако в 1860–1870-е гг., когда в США и Европе один за другим выходят переводы социально значимых романов И.С. Тургенева и упрочиваются тесные творческие и личные контакты между ним и американскими литераторами, в литературе США происходит крутой поворот в сторону реалистической традиции: ведь романы Тургенева, ставшие литературным образцом для американских писателей, затрагивали самые насущные проблемы жизни русского общества и болевые точки явлений русской действительности. Кроме того, они поражали воображение американцев также и в художественном отношении – непривычными яркими характерами и необычными поступками их героев, такими как разночинец-нигилист Е. Базаров, или его удивительные героини – «тургеньевские девушки», пейзажными зарисовками, новыми принципами типизации и другими проявлениями реалистического начала.

Наиболее сильному литературному влиянию Тургенева подверглось творчество Г. Джеймса, который в дальнейшем развил свой собственный стиль и нашел свой оригинальный способ изображения действительности, однако признавал факт несомненного влияния русского писателя, другом которого он являлся, на свое творчество. Тургенев успешно популяризировал и творчество других русских писателей, в частности, Л.Н. Толстого, имя которого на рубеже веков стало широко известно во многих странах мира, причем не только на Западе, но и на Востоке, например в Индии, где его учение о «непротивлении злу насилием» было успешно применено на практике в деле освобождения страны от английского колониального ига великим Махатмой Ганди. О важной просветительской роли и значении творчества Тургенева в США речь идет в одной из глав первого раздела учебного пособия, где рассматриваются некоторые факторы влияния русской литературы на национальное сознание европейцев и американцев.

Во второй половине XIX в. На Западе появляются великолепные художественные переводы произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, в частности, собрания сочинений, выполненные англичанами К. Гарнетт и Э. Модом, с которых началось триумфальное шествие по миру этих русских писателей.

В XX в. произведения Толстого и Достоевского настолько завоевали американскую читающую публику, что переводы их произ-

ведений были включены в обязательную учебную программу многих американских университетов.

Художественно значимые переводы произведений русских классиков сыграли свою роль не только в деле популяризации и яркого эмоционального восприятия русской литературы на Западе, но в том числе и в ее успешном изучении, правильной оценке и несомненном влиянии на развитие английской и американской литературы. В 1900-е гг. целый ряд радикальных русских политэмигрантов, спасаясь от преследований в России, тоже внесли свою лепту в их создание, например, друг и кумир К. Гарнетт – С.С. Степняк, а также С.С. Котелянский, который плодотворно работал с английскими литераторами Вирджинией и Леонардом Вульфами над переводами произведений современных русских писателей, пятнадцать из которых были изданы в их собственном лондонском издательстве «The Hogarth Press».

В дальнейшем В. Вульф выпустила целую серию серьезных литературно-критических трудов о русской литературе, в частности, «Современный роман» (1919) и «Этапы развития романа» (1929), которые были основаны на глубоко прочувствованном ею знании произведений русских писателей. В них она прямо говорит о благотворном воздействии русской литературы на литературу английскую, о ее удивительной глубине и духовности. В первой трети XX в. английские литераторы начинают постигать и изучать влияние духовных ценностей русской литературы на английскую читательскую публику, а затем и на английскую литературу. Эти процессы подробно рассмотрены в главах первого раздела пособия.

Таким образом, творческие литературные контакты и совместные «двуязычные» высокохудожественные переводы произведений русской литературы, их постепенное распространение в США и Европе в последней трети XIX – начале XX в. стали доминирующим фактором освоения русской литературы на Западе. Не случайно А.С. Пушкин, придавая огромную роль переводам литературных произведений, писал: «Переводчики – почтовые лошади просвещения», подчеркивая их благородную миссию в культурно-историческом процессе – ликвидации инациональных барьеров непонимания, а также их просветительскую роль в культурном сближении народов мира.

ведений были включены в обязательную учебную программу многих американских университетов.

Художественно значимые переводы произведений русских классиков сыграли свою роль не только в деле популяризации и яркого эмоционального восприятия русской литературы на Западе, но в том числе и в ее успешном изучении, правильной оценке и несомненном влиянии на развитие английской и американской литературы. В 1900-е гг. целый ряд радикальных русских политэмигрантов, спасаясь от преследований в России, тоже внесли свою лепту в их создание, например, друг и кумир К. Гарнетт – С.С. Степняк, а также С.С. Котелянский, который плодотворно работал с английскими литераторами Вирджинией и Леонардом Вульфами над переводами произведений современных русских писателей, пятнадцать из которых были изданы в их собственном лондонском издательстве «The Hogarth Press».

В дальнейшем В. Вульф выпустила целую серию серьезных литературно-критических трудов о русской литературе, в частности, «Современный роман» (1919) и «Этапы развития романа» (1929), которые были основаны на глубоко прочувствованном ею знании произведений русских писателей. В них она прямо говорит о благотворном воздействии русской литературы на литературу английскую, о ее удивительной глубине и духовности. В первой трети XX в. английские литераторы начинают постигать и изучать влияние духовных ценностей русской литературы на английскую читательскую публику, а затем и на английскую литературу. Эти процессы подробно рассмотрены в главах первого раздела пособия.

Таким образом, творческие литературные контакты и совместные «двуязычные» высокохудожественные переводы произведений русской литературы, их постепенное распространение в США и Европе в последней трети XIX – начале XX в. стали доминирующим фактором освоения русской литературы на Западе. Не случайно А.С. Пушкин, придавая огромную роль переводам литературных произведений, писал: «Переводчики – почтовые лошади просвещения», подчеркивая их благородную миссию в культурно-историческом процессе – ликвидации инациональных барьеров непонимания, а также их просветительскую роль в культурном сближении народов мира.

Особенно бурным этот процесс становится после Октябрьской революции, в 1920–1930-е гг., когда вначале в Европу, а затем в 1940–1950-е гг. в США хлынул поток русского эмигрантского рассеяния, устами З. Гиппиус провозгласивший: «Мы не в изгнании, мы – в послании». Русские эмигранты видели свою миссию не только в сохранении и сбережении русского языка и русской культуры, но и в их распространении, а также внедрении ценностей русской ментальности в сознание европейцев и американцев. Их художественное творчество и критическая оценка литературных произведений опирались на константы русской культуры, заложенные еще в метрополии, и тем самым в течение XX в. за рубежом сохранялась целостность национального культурного кода.

Важная роль представителей русской эмиграции первой, а затем и второй волны в укреплении англо-русских литературных связей раскрывается в соответствующих главах первого раздела данного учебного пособия. Их литературно-критические исследования о русской литературе: статьи, учебники, монографии, обзоры, написанные зачастую на английском и французском языках, в частности, основополагающие труды Д. Святополк-Мирского, Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова и др., их блестящие лекции в университетах Европы и США способствовали глубокому восприятию и успешному проникновению молодых англоязычных русистов в загадки и тайны произведений великой русской литературы, бывшей в XIX в. единственной трибуной гласности в подцензурной России. Не случайно В. Набоков, будучи приверженцем «новой критики» в 1940–1950-е гг. в течение пятнадцати лет неимоверного труда создает к своему аутентичному переводу романа в стихах «Евгений Онегин» фундаментальный тысячестраничный комментарий, который снял плотную завесу непонимания, более века отделявшую этот шедевр от западного читателя и исследователя пушкинского творчества, поскольку тем были абсолютно незнакомы и непонятны многие реалии русской жизни, о которых говорится в произведении. А его буквальный перевод послужил основой и в дальнейшем вызвал к жизни целый ряд замечательных переводов этого произведения на английский язык.

Масштабному и в значительной степени определяющему вкладу В.В. Набокова в изучение, восприятие и оценку русской литературы в англоязычных странах Запада посвящены главы вто-

Особенно бурным этот процесс становится после Октябрьской революции, в 1920–1930-е гг., когда вначале в Европу, а затем в 1940–1950-е гг. в США хлынул поток русского эмигрантского рассеяния, устами З. Гиппиус провозгласивший: «Мы не в изгнании, мы – в послании». Русские эмигранты видели свою миссию не только в сохранении и сбережении русского языка и русской культуры, но и в их распространении, а также внедрении ценностей русской ментальности в сознание европейцев и американцев. Их художественное творчество и критическая оценка литературных произведений опирались на константы русской культуры, заложенные еще в метрополии, и тем самым в течение XX в. за рубежом сохранялась целостность национального культурного кода.

Важная роль представителей русской эмиграции первой, а затем и второй волны в укреплении англо-русских литературных связей раскрывается в соответствующих главах первого раздела данного учебного пособия. Их литературно-критические исследования о русской литературе: статьи, учебники, монографии, обзоры, написанные зачастую на английском и французском языках, в частности, основополагающие труды Д. Святополк-Мирского, Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова и др., их блестящие лекции в университетах Европы и США способствовали глубокому восприятию и успешному проникновению молодых англоязычных русистов в загадки и тайны произведений великой русской литературы, бывшей в XIX в. единственной трибуной гласности в подцензурной России. Не случайно В. Набоков, будучи приверженцем «новой критики» в 1940–1950-е гг. в течение пятнадцати лет неимоверного труда создает к своему аутентичному переводу романа в стихах «Евгений Онегин» фундаментальный тысячестраничный комментарий, который снял плотную завесу непонимания, более века отделявшую этот шедевр от западного читателя и исследователя пушкинского творчества, поскольку тем были абсолютно незнакомы и непонятны многие реалии русской жизни, о которых говорится в произведении. А его буквальный перевод послужил основой и в дальнейшем вызвал к жизни целый ряд замечательных переводов этого произведения на английский язык.

Масштабному и в значительной степени определяющему вкладу В.В. Набокова в изучение, восприятие и оценку русской литературы в англоязычных странах Запада посвящены главы вто-

рого раздела учебного пособия. Указанные нами разделы пособия освещают основные этапы зарождения и дальнейшего развития англо-американской литературоведческой русистики, знакомят с наиболее выдающимися ее представителями, стоявшими у самых ее истоков, а также с основными тенденциями в развитии национальных литератур. Особое внимание сосредоточено на своеобразии творческих контактов между русскими литераторами и критиками, переводчиками русской литературы на английский язык и их коллегами в США и Великобритании.

О важной роли английских и американских русистов, находившихся у истоков становления этого литературно-критического направления в Великобритании (Б. Пэрса, М. Бэринга, Г. Вильямса, А.В. Тырковой, Дж. Гиссинга, Дж. Мура, В. Вульф, Г. Лоуренса и др.) и США (Г. Пэри, У.Д. Хоуэллса, Х. Бойесена, Г. Джеймса, Э. Уилсона, М. Бишопа, И. Вайля, Дж. Глэда и др.) подробно говорится в каждом из трех разделов пособия, поскольку на протяжении XX в. в этих странах выросло несколько поколений исследователей русской литературы, хотя их научное формирование проходило в различных исторических обстоятельствах. В 1920–1930-х гг. круг англоязычных русистов был очень узким и состоял из людей, которые хорошо знали друг друга. Однако многочисленные работы Д. Мирского, в частности, его двухтомная «История русской литературы» (1926–1927 гг.) надолго определили пути освоения отечественной литературы на Западе, правильное восприятие и оценку того или иного писателя, а также возникновение литературных школ и направлений в англоязычных странах. В 1940–1950-е гг. центром русского рассеяния становятся США, где были сосредоточены мощные литературные силы, прибывшие из Европы и Советской России, которые, помимо литературной, редакционно-издательской деятельности, внесли большой вклад в академическое образование и научные штудии.

В первом разделе рассматривается и процесс взаимного обмена идеями, а также творческого влияния, приводятся конкретные примеры. Так, творчество И.С. Тургенева с его общественно значимым звучанием стало неким катализатором для создания в США на рубеже XIX–XX вв. национального социального романа в связи с возникшей насущной общественной потребностью в то время, который, отталкиваясь от реалистической традиции, имел сильный

налет натурализма, бурно развивавшегося в Европе и России в конце XIX в., оказавшего также сильное влияние и на американский модернизм – творчество Ш. Андерсона, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя и др. писателей.

Кроме того, в исследовании показано, каким образом такое художественное явление как роман Е. Замятина «Мы», написанный в жанре антиутопии, стал органической частью английской литературы и вызвал к жизни всемирно известные антиутопии О. Хаксли «Храбрый новый мир» (1932) и Дж. Оруэлла «1984», причем последний откровенно признавал опосредованное влияние этой книги на формирование своего творческого замысла.

Итак, после Второй мировой войны на жительство в США из Европы, а затем и России переселяются многие эмигранты первой, второй, а затем и третьей волны, которые усиленно занимались там преподавательской, а также научной деятельностью в университетах и колледжах США. Часть из них работала в редакциях, издательствах, на радио и на литературной ниве.

В 1940–1950-е гг. в США был создан целый ряд литературно-художественных и общественно-политических журналов, таких как «Новоселье», «Опыты», «Новый журнал» и др., как и издательства русской литературы, в частности Издательство имени А.П. Чехова. Эта популяризаторская деятельность рассматривается и подробно анализируется в главах первого раздела настоящего пособия.

В послевоенные годы в США возникает острая потребность в образованных носителях русского языка и русской культуры, поскольку по всей стране формируются многочисленные центры по изучению русского языка и отечественной литературы, куда на работу вынужденно принимали даже выпускников советских технических вузов, например, МИИТа. Но, конечно же, самый большой вклад в становление и развитие англо-американской литературоведческой русистики в послевоенные годы внесли наиболее образованные и талантливые представители русской эмиграции, такие как Г. Струве, М. Слоним, В. Набоков, успешно совмещавшие преподавательскую деятельность в университетах и колледжах США с подготовкой научных трудов о русской литературе на английском языке и создавшие, как Набоков, замечательные переводы и научные комментарии выдающихся произведений русской классики.

Однако в то же самое время в США существовали два влиятельных фактора как академической направленности, так и пропагандистского толка, оказавшие сильное негативное влияние на процесс становления и развития англо-американской русистики в послевоенные годы. Это доминирующее направление академической критики – «новая критика» в 1920–1950-е гг. , а также бурное развитие в 1950–1970-е гг. такого пропагандистского критического направления, как советология.

В послевоенные годы советология в США, Канаде, Великобритании стала действенным инструментом идеологической борьбы между двумя противостоящими системами: Советского Союза вместе со странами Варшавского договора, утверждавших ценности социализма, и странами Запада, неколебимо стоявших на позициях антикоммунизма. Начало «холодной войны» между ними положила печально известная Фултонская речь У. Черчилля 1946 г. Это противостояние едва не закончилось «горячей» ядерной войной во время Карибского кризиса 1962 г. Кроме того, в 1950-е гг. в США царил антикоммунистическая истерия, метко названная «охотой на ведьм». Об этих деструктивных процессах речь идет в главах третьего раздела данного учебного пособия.

В многочисленных русских центрах, образовавшихся в США в 1950-е гг., усиленно взращивались кадры американских советологов и кремленологов, в своих псевдонаучных статьях порочащих прежде всего советский строй, советский образ жизни и советскую литературу. Их работы подробно анализируются в специальной главе третьего раздела.

Вместе с тем в 1960–1970-е гг. в противовес этим негативным факторам возникает обратный конструктивный процесс прямого воздействия достижений отечественных ученых (филологов, историков, культурологов, политологов, социологов и др.), поскольку в рамках разрядки международной напряженности в 1958 г. были подписаны Межправительственные соглашения о прямых научных обменах между СССР и США, Великобританией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и некоторыми странами Западной Европы. Благодаря этим соглашениям стажеры (аспиранты) и специалисты по русской литературе и другим гуманитарным направлениям были допущены для научной работы в главные архивы нашей страны: ЦГАОР, ЦГАЛИ, ЦГАДА и др., а также их консультантами стали ве-

Однако в то же самое время в США существовали два влиятельных фактора как академической направленности, так и пропагандистского толка, оказавшие сильное негативное влияние на процесс становления и развития англо-американской русистики в послевоенные годы. Это доминирующее направление академической критики – «новая критика» в 1920–1950-е гг. , а также бурное развитие в 1950–1970-е гг. такого пропагандистского критического направления, как советология.

В послевоенные годы советология в США, Канаде, Великобритании стала действенным инструментом идеологической борьбы между двумя противостоящими системами: Советского Союза вместе со странами Варшавского договора, утверждавших ценности социализма, и странами Запада, неколебимо стоявших на позициях антикоммунизма. Начало «холодной войны» между ними положила печально известная Фултонская речь У. Черчилля 1945 г. Это противостояние едва не закончилось «горячей» ядерной войной во время Карибского кризиса 1961 г. Кроме того, в 1950-е гг. в США царил антикоммунистическая истерия, метко названная «охотой на ведьм». Об этих деструктивных процессах речь идет в главах третьего раздела данного учебного пособия.

В многочисленных русских центрах, образовавшихся в США в 1950-е гг., усиленно взращивались кадры американских советологов и кремленологов, в своих псевдонаучных статьях порочащих прежде всего советский строй, советский образ жизни и советскую литературу. Их работы подробно анализируются в специальной главе третьего раздела.

Вместе с тем в 1960–1970-е гг. в противовес этим негативным факторам возникает обратный конструктивный процесс прямого воздействия достижений отечественных ученых (филологов, историков, культурологов, политологов, социологов и др.), поскольку в рамках разрядки международной напряженности в 1958 г. были подписаны Межправительственные соглашения о прямых научных обменах между СССР и США, Великобританией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и некоторыми странами Западной Европы. Благодаря этим соглашениям стажеры (аспиранты) и специалисты по русской литературе и другим гуманитарным направлениям были допущены для научной работы в главные архивы нашей страны: ЦГАОР, ЦГАЛИ, ЦГАДА и др., а также их консультантами стали ве-

дущие специалисты гуманитарных факультетов университетов нашей страны и институтов АН СССР, что в свою очередь позволило этим исследователям получить объективные научные знания по русской литературе, истории России и другим общественным наукам.

Поэтому 1960–1970-е гг. в США и Великобритании знаменуют крутой поворот академического сообщества в сторону научно-объективного освоения явлений русской литературы, истории, культуры, отход от влияния «новой критики» и советологии. Характерным примером могут служить рассмотренные нами в одной из глав третьего раздела мемуары американского русиста И. Вайля, преданного друга нашей страны, «От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля» (М., 2016).

Указанные центростремительные и центробежные процессы в развитии американской литературоведческой русистики проанализированы в главах третьего раздела нашего учебного пособия, названы имена молодых ученых, свободных от каких-либо предвзятых идеологических подходов к изучению художественных произведений, и наиболее выдающиеся их работы, оценен их действенный вклад в развитие современной англо-американской литературоведческой русистики.

Основу данного учебного пособия составили лекционные курсы автора, прочитанные в рамках специализации «Сравнительное изучение литератур» на филологическом факультете Московского университета имени М.В. Ломоносова в 2000–2010-е гг. для студентов, аспирантов и магистрантов, а также статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных научных сборниках и периодике в 1990–2010-е гг. Они подверглись значительной переработке с учетом жанровых особенностей учебного пособия и были дополнены новейшими материалами. Специально для данного учебного пособия были написаны части разделов, посвященные истории англо-американской литературоведческой русистики, русско-американских и русско-английских литературных связей и становления творческих контактов в XIX–XX вв.

Цели и задачи учебного курса

Цель курса – ознакомить слушателей – студентов и магистрантов с достижениями англо-американской литературоведческой русистики, историей ее формирования на протяжении XIX–XX вв., важнейшими историко-литературными процессами и основными факторами, оказавшими доминирующее и детерминирующее влияние на ее развитие, а также рассказать о научных методах и критических подходах, применяемых англоязычными русистами на протяжении XX в., и ведущих центрах по изучению русской литературы в Великобритании и США.

Основная роль уделяется работам сравнительно-исторического характера, что связано с преподаванием актуальной научной дисциплины – сравнительного изучения русской и англоязычных литератур. В частности, прослеживается специфика восприятия в Великобритании и США крупнейших произведений русской литературы Толстого, Тургенева, Чехова, Достоевского, процесс их превращения в составную часть англо-американского культурного кода. Кроме того, важнейшей частью курса является исследование влияния русской критической мысли, как отечественной, так и зарубежной (преимущественно эмигрантской) на изучение, восприятие и оценку русской литературы в англоязычных странах запада. В этой связи рассматривается роль литературных контактов и художественных переводов как важный фактор освоения русской литературы в англоязычном мире. Затронуты проблемы англо-американских литературных связей, в частности, влияния русской литературы на становление и развитие американского романа в конце XIX – начале XX вв., а также на появление жанра антиутопии в Англии в 1920–1930-е гг. и т.д.

Курс дает студентам и магистрантам возможность овладеть знаниями об основных принципах сравнительного литературоведения и помогает успешно применить эти знания на практике, а также создает представление о значении русской литературной и русской критической мысли в истории развития англоязычных литератур.

Курс рассчитан на студента, изучающего, помимо русской литературы, литературу США и Великобритании в рамках компаративистики.

В результате занятий у студентов должны сформироваться:

– четкие представления об историческом и литературном процессе, его этапах и содержании принципиальных подходов и основных понятий, используемых при изучении литературных взаимосвязей;

– необходимое умение учитывать данный комплекс этих подходов и понятий при сравнительном анализе различных литературных явлений и отдельных фактов на материале русской и англоязычной литературы;

– овладение всей системой понятий и терминов, необходимой для анализа различных явлений литературного процесса;

– овладение основными методами анализа литературных произведений и возможность применять их на практике.

Программа учебного курса

Рост популярности русской литературы в Европе и влияние этого процесса на активизацию интереса к русской литературе в Англии и в США в середине XIX в. Культурные контакты. Взаимоотношения И.С. Тургенева с английским писателем Дж. Гиссингом (G. Gissing). Переводы на английский язык произведений А.С. Пушкина (1840-е гг.), Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского (1860-е гг.), А.П. Чехова (1890-е гг.). Постановка чеховских пьес в Англии. Англо-американские исследователи об этом культурном феномене.

Английские и американские писатели и критики: В. и Л. Вульф (V. & L. Woolf), Д.Г. Лоуренс (D.H. Laurence), Г. Джеймс (H. James), Д. Хоуэллс (W.D. Howells), Дж.М. Марри (J. Murry), К. Гарнет (C. Garnett) и др. – популяризаторы творчества Тургенева, Толстого, Чехова в англоязычных странах. Роль С.С. Степняка и С.С. Котелянского в этом процессе. Б. Пэрс (B. Pares) и М. Бэринг (M. Baring) – исследователи и популяризаторы русской литературы в Великобритании.

Основные этапы становления и развития англо-американской русистики

1. Первые отклики, рецензии и критические статьи о творчестве Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова в английской и американской периодике в конце XIX – начале XX в. Публикация квалифицированных переводов их произведений на английский язык: К. Гарнет (C. Garnett), Э. Мода (A. Maude) и др. Издательство «The Hogarth Press» Л. и В. Вульфов.

2. Первые серьезные научные исследования (статьи в специализированных научных журналах, сборники и монографии 1920-х – начала 1940-х гг.). Роль эмигрантов первой волны в популяризации русской литературы в Великобритании. Труды по истории русской литературы Д. Святополк-Мирского, изданные на английском языке. Их вклад в развитие англо-американской русистики. Его академическая деятельность.

Творческие контакты Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, М. Горького, А.Н. Толстого и др. с английскими писателями (Г. Уэллс, В. Вульф, Б. Шоу, Дж. Оруэлл, Д.Г. Лоуренс, О. Хаксли, Дж. Голсуорси, Т.С. Элиот и др.). Англо-американские исследователи о месте антиутопии Е. Замятина в литературном процессе Англии (сравнение с антиутопиями О. Хаксли «Этот дивный новый мир» и Дж. Оруэлла «1984»). Документальные книги о России С. Грэма (S. Graham) и Г. Уэллса. Феномен сближения культур в 1910–1930-е гг.

3. Литературоведческая русистика в 1940–1950-е гг. в США. Исследования англо-американских литературоведов о влиянии русских классиков на английских и американских писателей, на литературный процесс в этих странах. Работы Л. Аннебринка (L. Annebrink), Д. Брюстера (D. Brewster), Дж. Фелпса (J. Phelps) 1950-х гг. и более поздние исследования Д. Петерсона (D.E. Peterson) и др. Анализ динамики этого процесса, его основных особенностей. М. Уилкинсон (M. Wilkinson) о тургеневских традициях в прозе Э. Хемингуэя. Д. Лернер (D. Lerner) о влиянии творчества Тургенева на Г. Джеймса. Влияние его творчества на появление социального романа в США.

Разнообразие литературно-критических подходов в бурно развивающейся послевоенной англо-американской русистике. Укрепление позиций неопозитивистской «новой критики» как реакция на социально-исторический анализ литературы. Работы П. Лаббока (P. Lubbock), А. Тейта (A. Tate), Дж.К. Рэнсома (J.C. Ransom). Влияние школы русского формализма и чешского структурализма на развитие «новой критики». Утрата «новой критикой» лидирующего в течение полувека положения в 1970-е гг.

Сравнительное изучение литературы как одно из основных направлений англоязычного литературоведения XX в. Проблема типологических схождений и взаимодействия национальных литератур. Внимание в этих работах к русской литературе. Р. Пийс (R. Pease) о зависимости русской литературы от западных образцов. Р. Уэллек (R. Wellek) и О. Уоррен (A. Warren) о проблемах сравнительного литературоведения в книге «Теория литературы» (1949).

Изменение принципов интерпретации художественного произведения: культурно-исторический и социологический методы уступают место биографическому, мифологическому и экзистенциалистскому подходам. Эклектизм. Ослабление интереса к этической проблематике русской литературы, игнорирование в ней социально-критических аспектов, отказ от принципа историзма и акцентирование иррациональных, метафизических, религиозных вопросов, повышенный интерес к проблемам формы в работах о Н.В. Гоголе, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, А.П. Чехове и др.

Вклад В. Набокова в восприятие, изучение и оценку русской литературы в США. Роль других деятелей культуры русского зарубежья (Г.П. Струве, Б.А. Филиппова, В. Александровой) в сближении русской и американской культур. Издания произведений «задержанной» литературы в США (собрания сочинений О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева и др.). Труды представителей русской эмиграции о русской литературе и их ценный вклад в развитие англо-американской русистики. Издательства русской литературы в США.

4. Упрочение контактов отечественных и англо-американских исследователей русской литературы в связи с Межправительственными соглашениями 1958 г. о культурных обменах в 1960–1970-е гг., появившаяся у западных ученых возможность работать в российских архивах, консультироваться с российскими коллегами.

Советологические тенденции в исследовании литературы советского периода (1950–1980-е гг.) как форма идеологической борьбы с советским строем.

5. Современный период развития литературоведческой русистики (1990–2010-е гг.). Успехи англо-американских исследователей творчества многих русских писателей, высокий научный уровень их трудов. Роль эмигрантской критики и литературоведения в этом процессе.

Переход от неопозитивистской методике изучения русской литературы («новая критика») к феноменологической («читатель – текст»). Акцент на активной роли читателя в расшифровке текста как воплощенного сознания автора. Феноменологический подход в книге С. Сендеровича (S. Senderovich) «Чехов с глазу на глаз». Контакты и взаимосвязи российского и англо-американского литературоведения. Рост числа переводов книг англо-американских исследователей на русский язык и их изданий в России в 1990–2000-е гг.

Исследования традиций английской литературы в развитии русской литературы XIX в. Монографии 1980-х – 1990-х гг. М. Финке (M.C. Finke) и Л. Мак-Пайка (L. MacPike) о диккенсовских традициях в творчестве Достоевского, М. Симпсона (M.S. Simpson) – о традиции английского готического романа в произведениях Н.М. Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского. Работы С. Тернера (S. Turner) и Х. Лёве (H. Löve) об эволюции категорий художественного пространства и времени в произведениях русской литературы XIX–XX вв. Изучение европейских источников русского модернизма, например в книге М. Уочтела (M. Wachtel). Соединение в одном исследовании двух или нескольких научных подходов, например, биографического и компаративистского в книге Д. Клейтона (D. Clayton) «Лед и пламень» о романе Пушкина «Евгений Онегин» (1985). Герменевтические, психоаналитические исследования творчества русских писателей.

Сравнительно-типологические исследования. А. Воронцофф (A. Woronzotff) о поэтике символизма в романах А. Белого «Петербург» и Дж. Джойса «Улисс». Сравнительно-типологический анализ импрессионизма у Г. Джеймса и Чехова в работе Г.П. Стоуэлла (H.P. Stowell).

Англо-американское литературоведение о сходстве философской проблематики, эстетических взглядов, творческого метода,

жанровых, сюжетных и стилевых особенностях произведений двух или нескольких авторов, использовании ими сходных изобразительных средств, например, анализ Г.П. Эбботом (H.P. Abbot) дневниковой формы романа на материале произведений Лермонтова, Ж.-П. Сартра, С. Беккета; исследование особенностей психологической характеристики героев в произведениях Д. Дидро, И.-В. Гете, Л.Н. Толстого. П. Эгри (P. Egri) о жанровом своеобразии драматургии Чехова и Ю. О'Нила. Сравнительный анализ Дж. Гриффитсом (J. Griffiths) современной английской, американской и русской фантастики; исследование А.Дж. Гаррардом (A.J. Guerard) романного творчества Достоевского, Ч. Диккенса и У. Фолкнера; А. Кернан (A.V. Kernan) о социальных проблемах в творчестве В. Набокова и современных американских писателей: С. Беллоу, Б. Маламуда, Н. Мейлера; Л.М. О'Тул (L.M. O'Tool) о поэтике русского рассказа XIX века (сюжеты, образы, стиль); С. Пратт (S. Pratt) – исследователь творчества и эстетических взглядов Ф.И. Тютчева и Е.А. Баратынского.

Труды англо-американского литературоведения о развитии традиций русских классиков в отечественной и мировой литературе XX в. Сопоставительное исследование творчества русских писателей (Толстой и Достоевский) или драматургии Гоголя и Тургенева.

Раздел I.
Основные этапы становления англо-американской
литературоведческой русистики.
Актуальные проблемы ее рецепции
и интерпретации

1. Роль русской эмиграции в Англии в первой трети XX в. в деле сближения национальных культур: двухсторонние творческие контакты, переводы, редакционно-издательская, научная и преподавательская деятельность

Важным фактором, во многом облегчившим восприятие, оценку и освоение русской и советской литературы англоязычными русистами в Великобритании (в 1920–1930-е гг.) и в США (в 1940–1960-е гг.), явилась русская эмиграция первой, а затем и второй волны. Литераторы и критики русского зарубежья максимально способствовали сохранению и популяризации русской духовной культуры и литературы в этих странах и одновременно сближению русской эмиграции с англо-американским социумом и национальной культурой. В основе этого сближения – прежде всего тесные творческие контакты представителей русской эмиграции с литераторами и критиками Великобритании и США, их совместная кропотливая работа над переводами произведений русской литературы на английский язык, обширная и разнообразная редакционно-издательская и преподавательская деятельность, что способствовало появлению в 1960–1970-е гг. целой поросли молодых русистов в этих странах.

Хотя по своим масштабам русская эмиграция в Англии не может сравниться с такими мощными по своему значению и влиянию центрами русского зарубежья, как Берлин в начале 1920-х гг., Париж в 1920–1930-е гг. или довоенная Прага, а позднее Нью-Йорк

в 1940–1960-е гг. , она внесла в период между двумя войнами (1920–1940-е гг.) неоценимый вклад в культурное сближение с английской литературной элитой, что в дальнейшем вылилось в масштабную популяризацию русской литературы на Западе и ее стремительное проникновение в культурное сознание англичан.

Одним из самых известных русских литераторов-эмигрантов в Англии был потомок древнего княжеского рода Д.П. Святополк-Мирский – литературный критик, историк литературы, редактор литературных и политических изданий и видный идеолог евразийского движения. По окончании Петербургского университета, где он получил блестящее гуманитарное образование, в связи с политическими событиями в России Святополк-Мирский принимает активное участие в Гражданской войне на стороне Деникинской армии, а после ее поражения через Константинополь попадает в Грецию, в Афины, где создает серию очерков о русской литературе на английском языке, которым он в совершенстве владел, под заголовком «Письма» («Letters»). Им предпослан краткий аналитический обзор традиций русской литературы XIX в. в их эволюции.

В 1920 г. эти очерки были отправлены в Англию и опубликованы там в журнале «The London Mercury» под заголовком «Russian Letters». За этим успешным начинанием Д. Мирского как исследователя русской литературы последовал его переезд в Лондон в 1921 г., где он уже лично познакомился с редактором этого журнала Дж. Сквайром (J.C. Squire), который, продолжив сотрудничество с талантливым автором, предложил ему темы статей, чтобы тот мог в дальнейшем печататься и в других английских литературно-критических журналах: «The Literary Review», «The Contemporary Review», «The Outlook», «The Times Literary Supplement» и др., чем он успешно и воспользовался. Более того, стараниями своих давних английских знакомых, специалистов по русской литературе М. Бэринга (M. Baring) и Б. Пэрса (B. Pares), Святополк-Мирский сразу же получил место преподавателя в Школе славянских исследований Королевского колледжа (School of Slavonic and East European Studies of King's College) Лондонского университета, созданной Б. Пэрсом, а начиная с 1922 г. – и в самом колледже. В Англии он развивает бурную просветительскую и научную деятельность: читает публичные лекции о Пушкине, Блоке, Лескове и других авторах, пишет многочисленные статьи и рецензии как для английской, французской,

так и для русской зарубежной прессы. Так, в журнале «The Slavonic Review» («Славянское обозрение») под ред. Б. Пэрса благодаря его инициативе были опубликованы произведения русских писателей, поэтов и философов: И.А. Ильина, Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и других – в переводе на английский язык.

За два года (1925–1927) Святополк-Мирский выпустил в свет четыре выдающихся исследования о русской литературе: «Modern Russian Literature» (1925) – книгу о современной русской литературе, расширив ее содержание в 1926 г. изданием труда «Contemporary Russian Literature: 1881–1925», а год спустя (в 1927 г.) опубликовал «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoevsky: 1881» – «Историю русской литературы с древнейших времен до 1881 г. – года смерти Ф.М. Достоевского». В 1926 г. была издана его книга «Pushkin», которая до сих пор считается лучшим введением в изучение творчества великого русского поэта на английском языке. Благодаря выходу в свет этих трудов на английском языке Д. Мирский снискал себе имя и славу выдающегося историка русской литературы не только в Англии, но и в Европе. В 1960–1970-е гг., после множества переизданий эти исследования были переведены на европейские языки, а его «История русской литературы» до сих пор рассматривается критиками как идеальный образец для создания в других странах истории национальной литературы¹.

Как пишет отечественная исследовательница О. Казнина в своей содержательной и очень информативной книге «Русские в Англии», «в Англии в 1920-х годах Д. Мирский был главным посредником между английской и русской литературой, он был сам по себе неким звеном в цепи англо-русских и русско-европейских литературных связей», поскольку его труды формировали представление о русской литературе не только читателей, но и писателей: В. и Л. Вульф, Д.Г. Лоуренса, К. Мэнсфилд, Э.М. Форстера и др.²

Действительно, в то время многие английские писатели испытывали особый, непреодолимо острый интерес к русской литературе и искусству. Так, в своем частном издательстве «The Hogarth Press» чета Вульф в начале 1920х гг. решила опубликовать

¹ О деятельности Д.П. Мирского см. более подробно: *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. С. 119–155.

² *Казнина О.А.* Русские в Англии. С. 122.

телянским, стараясь как можно глубже проникнуть в художественный текст. В 1927–1929 гг. они перевели «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова, в предисловии к которым писатель характеризует русский тип мышления и осмысливает «загадочный русский характер», столь отличный от европейского. В 1921 г. им удалось создать блестящий перевод выдающегося рассказа И. Бунина «Господин из Сан-Франциско», талант которого Д.Г. Лоуренс очень высоко оценил и даже испытал его влияние как писатель.

Воспоминания М. Горького о Леониде Андрееве в совместном переводе Котелянского с английской писательницей К. Мэнсфилд, в творчестве которой явно ощутимы чеховские традиции, вышли в журнале «Dial» в 1924 г., а письма и дневник А.П. Чехова – в журнале «Athenaem». Кроме того, Котелянский перевел записные книжки Чехова, переписку Ф.М. Достоевского с женой, мемуары русских писателей и др., всего более 30 книг, внося свой личный вклад в популяризацию русской литературы в Англии. Критики признают, что его переводы, особенно доведенные до совершенства носителями английского языка, по качеству были не хуже, чем, например, выдающиеся переводы собраний сочинений классиков русской литературы (Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова), выполненные англичанкой К. Гарнет³. Таким образом, «почтовые лошади просвещения» – как метко А.С. Пушкин охарактеризовал гуманитарную деятельность переводчиков в развитии цивилизаций – внесли значимый вклад в популяризацию достижений русской классической и современной литературы в англоязычной и – шире – в европейской среде. Надо сказать, что статьи Д. Мирского о русской и английской литературе тоже не ограничивались публикациями в «Туманном Альбионе»: они появлялись в литературной периодике Германии и Франции, а также во всех ведущих периодических изданиях русской эмиграции – журнале «Современные записки» (Париж), газетах «Звено» и «Дни», в журналах «Воля России» (Прага) и «Благонамеренный» (Брюссель). Он также писал статьи о современной английской и американской литературе, причем некоторые из них даже публиковались в советской России в журнале «Современный Запад» в 1923 г.

Мирский постоянно посещал зарубежные центры русской эмиграции с целью расширения литературных контактов и получе-

³ См. о переводах: *Казнина О.А.* Русские в Англии. С. 94–99.

ния новых публикаций: Париж, Берлин, Прагу, Брюссель. Под его воздействием англичане и европейцы воспринимали русскую литературу XX в. как единую – без разделения на эмигрантскую и советскую, поскольку он писал и о творчестве советских писателей: Б. Пильняка, Вс. Иванова, И. Бабеля, М. Горького, – которые, по его мнению, достигли очень многого в художественной сфере. Так, в докладе «Культура смерти в русской литературе» (1926) Мирский заявил, что вся русская предреволюционная поэзия развивает тему смерти, в то время как произведения М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского проникнуты жизнеутверждающим пафосом⁴.

Некоторые подобного рода статьи Мирского даже были расценены эмигрантами как прямая апология советского строя. Встреча в Сорренто с М. Горьким весной 1928 г. оказалась ключевым моментом всей его жизни: Мирский написал книгу о Ленине и вступил в компартию Великобритании. Надо сказать, что в это время коммунизм вошел в Англии в моду и получил распространение даже в аристократических кругах. В 1932 г. в газете «Morning Post» Мирский был назван «коммунистическим агитатором», после чего ему пришлось оставить должность в Лондонском университете.

В поисках его преемника Б. Пэрс столкнулся с большими трудностями. Он обратился с предложениями к некоторым русским эмигрантам, которых лично знал, однако они не имели университетского образования, как Мирский, а их знание русской литературы было ограничено рамками гимназической программы. Положение постепенно стало меняться с прибытием в Англию «детей эмиграции» – выдающихся молодых людей, таких как Сергей Коновалов (1899–1982), Владимир Набоков (1899–1977), Глеб Струве (1898–1985) и Евгений Винавер (1899–1979). Вскоре после Первой мировой войны они закончили Кэмбридж либо Оксфорд и по праву заняли ведущее место в академических кругах, литературе и литературной критике.

Переезд Мирского в Россию совпал с триумфальным возвращением М. Горького, который в течение четырех лет (до самой смерти) всячески опекал Мирского, вовлекая его в работу по истории фабрик, заводов, строительству Беломорско-Балтийского кана-

⁴ См.: *Мирский Д.П.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. Париж, 1927. № 2. С. 247–254. В статье автор называет М.И. Цветаеву представительницей «возрождения героического» и сравнивает ее поэзию с лучшими поэтическими произведениями Б. Пастернака и Н. Гумилева.

ла и т.д. Но он продолжал писать и об английском и европейском модернизме, о творчестве как советских авторов, так и современных английских (о Киплинге, Джойсе, Олдингтоне, Эллиоте и др.). После смерти Горького в 1936 г. лишенный защиты Мирский в 1937 г. был объявлен в центральной литературной прессе троцкистом, арестован, обвинен в связях с разведслужбой Великобритании и даже подготовке английских шпионов в Школе славянских исследований, где он когда-то преподавал. Он умер в лагере под Магаданом 6 сентября 1939 г.

Другой русский литератор Г.П. Струве (1898–1985), сын известного в России политического деятеля П.Б. Струве, детские годы провел с отцом за границей (в Швейцарии, Германии, Франции), где тот находился в эмиграции. Вернувшись в Россию во время Первой мировой войны, он, как и Мирский, принял решение участвовать в ней в качестве добровольца, а после революции 1917 г. вступил в Добровольческую армию генерала Алексеева. В конце 1918 г. вслед за отцом он покинул Россию, перейдя финскую границу, а в 1919 г. они оказались в Англии, где весной 1922 г. Г. Струве закончил Оксфордский университет, получив степень бакалавра по кафедре современной истории. После этого он жил в Праге, Берлине, Париже, где вместе с отцом активно сотрудничал в издании ведущих эмигрантских газет и журналов. Там он публиковал статьи на политические и литературные темы: писал о И. Бунине, В. Набокове, М. Алданове, Н. Берберовой, Б. Пильняке, И. Эренбурге и других авторах русского зарубежья, а во французской прессе – о современных английских писателях и поэтах. В 1932 г. ему предложили должность лектора в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета (вместо оставившего этот пост Д.П. Мирского). Его первые лекции были посвящены творчеству И. Бунина, В. Набокова-Сирина, Е. Замятина, Л. Леонова. Наряду с чтением лекций, в том числе и публичных (в Славянском клубе в Оксфорде и др.), он писал статьи для английских и эмигрантских газет и журналов, английской академической периодики о советской литературе и литературе эмиграции. В 1935 г. он издал свой курс лекций «Soviet Russian Literature» – «Русская литература при Советах», дополненное переиздание выходило в 1944 г. и 1946 г., а позже монографию «Twenty Five Years of Soviet Russian Literature (1918–1943)» – «25 лет советской литературы (1918–1943)».

Во время Второй мировой войны он продолжал преподавательскую деятельность уже в Оксфорде, куда была переведена часть Школы славянских исследований, работал на радиостанции, где возглавил русский отдел. В 1946 г. он был приглашен для работы в Калифорнийский университет в Беркли (США). В 1956 г. в Издательстве имени А.П. Чехова (Нью-Йорк) вышла его самая известная книга «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы», представляющая собой информативный историко-литературный труд и справочник по истории русского зарубежья, который до сих пор востребован на Западе.

В силу своих возможностей он постоянно оказывал разнообразную помощь русским эмигрантам – собратям по перу: устраивал их вечера, осуществлял переводы их произведений, писал о них статьи, популяризируя их творчество не только в эмигрантских, но и французских и английских журналах («Le Mois», «Slavonic Review» и др.).

В лондонский период и в последующие годы Струве занимался и активной деятельностью по изданию в странах Европы и Америки произведений русской литературы XIX–XX вв. Так, в Лондоне в 1933 г. и затем в 1946 г. в двух издательствах вышел сборник рассказов И. Бунина на английском языке «The Well of the Days», а в США антология «Сто лет русской прозы и поэзии: от Пушкина до Набокова» (A Century of Russian Prose and Verse: from Pushkin to Nabokov. Berkely, 1967), аннотированная библиография В. Белинского (A Belinsky Centenary Bibliography: An annotated list of 1948 publ. / Comp. by Struve G. L., 1949). Одновременно он перевел на русский язык стихотворения Р.-М. Рильке, «Скотский хутор» Дж. Оруэлла (совместно с женой поэтессой М. Кригер). В 1971 г. в США вышло новое издание его книги о советской литературе «Russian Literature Under Lenin and Stalin: 1917–1953» (Oklahoma, 1971; «Русская литература при Ленине и Сталине: 1917–1953»). Вместе с тем в течение всей жизни Струве серьезно занимался и творчеством Пушкина. Участвуя в подготовке Пушкинских дней к столетию со дня гибели поэта в 1937 г., он напечатал ряд статей о его творчестве, в том числе и о неизвестных рукописях поэта, обнаруженных им в библиотеке Британского музея. Библиография трудов Г. Струве составила солидную, довольно объемную брошюру.

Особенно действенную, постоянную помощь Г. Струве оказывал В. Набокову (1899–1977), который вместе со своими родителями оказался в эмиграции в Англии в мае 1919 г., где осенью поступил в Тринити-колледж (Trinity College) Кембриджского университета, который закончил в июне 1922 г. по специальности французская и русская литература, получив степень бакалавра второго класса. После этого он переезжает в Берлин, к своим родителям, а затем в Париж. Набоков сотрудничает во многих эмигрантских изданиях, где публикует свои стихи и романы, переводы классиков французской и английской литературы («Николка-Персик» – в 1922 г., «Аня в стране чудес» – в 1923 г.), затем, движимый желанием получить работу преподавателя университета в Англии, а позже в США, вновь прибегает к помощи Г. Струве, который неустанно популяризировал его творчество: публиковал рецензии на его стихи и прозу в изданиях русского зарубежья, а также во французском журнале «Le Mois», перевел и опубликовал в лондонских журналах его рассказы «Возвращение Чорба» и «Пассажир», нашел для переведенного самим Набоковым романа «Отчаяние» английского редактора-стилиста. В результате роман вышел в Лондоне в 1937 г., и Набоков получил за него приличный по тем временам гонорар в 45 долларов. Таким образом, Г. Струве во многом способствовал известности Набокова в Англии, где в 1934 г. в «Славянском обозрении» («Slavonic Review») вышла его статья «Владимир Сирин» с высокой оценкой творчества писателя. К сожалению, ни преподавательской, ни редакционно-издательской должности в Англии Набоков так и не дождался и был вынужден просить влиятельных знакомых (М.И. Ростовцева, И.А. Бунина, Н.А. Бердяева и того же Г.П. Струве) способствовать его переезду в США, что и произошло в 1940 г.⁵

Помимо русских эмигрантов, важную роль в развитии культурных и литературных связей между Россией и Великобританией в эти годы сыграли и сами англичане – знатоки русской культуры и русского языка, которым довелось жить и работать в России в качестве корреспондентов газет до и после революции 1917 г., например Гарольд Вильямс (Harold Williams, 1876–1928). Уроженец Новой Зеландии, он, заинтересовавшись учением Л. Толстого, выучил русский язык, что для него не составило большого труда, поскольку

⁵ Более подробно о деятельности Г.П. Струве в Лондоне см.: *Казнина О.А. Русские в Англии. С. 174–179.*

ку он был талантливым полиглотом (знал 50 языков, в том числе даже полинезийский), и, оказавшись в России в 1904 г., сразу же отправился в Ясную Поляну. Г. Вильямс воспринимал Л. Толстого как великого реформатора христианства и в первую очередь очень высоко отзывался о его религиозно-философских произведениях. В эти годы (1904–1908) он работал корреспондентом лондонской газеты «Manchester Guardian», где в 1905 г. опубликовал свое интервью с Л. Толстым. Затем начиная с 1908 г. он отправлял свои корреспонденции об англо-русских отношениях в лондонскую газету «Morning Post», а с 1914 г. – в «Daily Chronicle», прекрасно ориентируясь в развернувшейся в эти годы политической борьбе в России. Результатом его наблюдений стала поразительная по своей глубине и объективности книга «Россия русских» («Russia of the Russians», 1914), в которой он провидчески оценил русский большевизм как «злую карикатуру» на социалистические теории Запада, одновременно справедливо отметив и кризис западной цивилизации. Говоря о русской литературе, которую он великолепно знал, критик писал, что она «поражает своей оригинальностью в выборе тем и подходе к ней, несмотря на то что в ней есть отзвуки всех европейских литератур», при этом она истинно национальна и «раскрывает русские движения души, русские настроения и устремления»⁶.

Жена Вильямса А.В. Тыркова, оказавшаяся в 1918 г. вместе с супругом в Англии, попыталась объяснить английской читательской публике суть и истинный характер русской революции в книге «От свободы к Брест-Литовску. Первый год революции», которая вышла в Лондоне в 1919 г. на английском языке. Однако к ее негативным оценкам русского коммунизма в Англии стали прислушиваться только в конце 1920-х гг.

Дом Тырковой и Вильямса в Лондоне стал одним из наиболее гостеприимных центров культурного сближения русских и англичан. Тыркова основала журнал «Русская жизнь», где публиковались статьи о литературе и искусстве. Кроме того, она активно помогала многим русским писателям-эмигрантам, поддерживала их морально и материально, в частности М.А. Ремизова и его жену. Она помогла И.С. Шмелеву организовать издание «Солнца мертвых» на англий-

⁶ Казнина О.А. Русские в Англии. С. 101. Подробнее о деятельности см. там же: Г. Вильямса – стр. 99–101, А.В. Тырковой – стр. 70–71, М. Бэринга – стр. 105–106.

ском языке; при ее участии в Лондон смогли приехать Б.К. Зайцев, М.И. Цветаева, Н. Тэффи, И.А. Бунин, которому был устроен великолепный прием в «Русском доме». Тыркова написала подробную биографию А.С. Пушкина в двух томах (Париж, 1929; 1948), а также увековечила память своего безвременно скончавшегося супруга книгой «Щедрый даритель: жизнь Гарольда Вильямса» (Cheerful Giver. The Life of Harold Williams. London, 1935).

Другим крупным специалистом по России и русской литературе был корреспондент газеты «The Morning Post» Морис Бэринг (Maurice Baring, 1874–1945), который много лет провел в нашей стране и при этом написал о ней более десяти книг (воспоминания, наблюдения, несколько романов, рассказы, стихотворения, пьесы, а также создал целый ряд исследований о русской литературе). Наиболее ценные из них: «Landmarks in Russian Literature» («Вехи русской литературы», 1910; перевод на русский язык – 1913), «An Outline of Russian Literature» («Очерк истории русской литературы», 1914), антология «The Oxford Book of Russian Verse» («Оксфордская книга русской поэзии», 1924), получившие очень высокую оценку Д.П. Святополк-Мирского, выделившего этого автора из числа других русистов как поразительно «яркое и отрадное» явление.

Бэринга отличала редкая восприимчивость к явлениям в культурной жизни других стран, особенно в России. Он первым из англичан понял значение творчества А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского для русской и мировой литературы, оценил особую роль МХАТа в современной театральной жизни России и в его постановке чеховских пьес. Он в какой-то степени способствовал зарождению непреходящей моды на Чехова в Англии и в английском театре. В России он ценил естественность в отношениях между людьми, духовность, искреннюю религиозность, не искаженную цивилизацией, как на Западе.

Таким образом, в межвоенный период в Великобритании появляются первые серьезные научные исследования о русской литературе в специализированных научных журналах и сборниках статей, а также монографические работы. Однако круг английских русистов оставался довольно узким, а научный охват самого предмета изучения был явно недостаточным. Ситуация меняется с появлением на ниве русистики литераторов и критиков русской диаспоры: Д.П. Мирского, Г. Струве, В. Набокова, С. Коновалова,

Е. Винавера, которые заняли свое место в академических кругах благодаря глубокому знанию русской и европейских литератур, литературных направлений и современных тенденций развития. Их научная и преподавательская деятельность стала краеугольным камнем, обеспечившим становление и развитие английской, а затем и американской русистики.

Таким образом, произошел огромный сдвиг по сравнению с XIX в., когда также наблюдались весьма редкие, но тем не менее плодотворные контакты английских и американских любителей русской словесности, посещавших Россию в его первой половине, следствием чего стали первые переводы произведений русских писателей и поэтов на английский язык, изданные как в Великобритании, так и в США.

В частности, в 1819 г. английский лингвист Дж. Бауринг (J. Bowring), прекрасно владевший русским языком, посетил С.-Петербурга, где познакомился с известными русскими литераторами И.А. Крыловым и Н.М. Карамзиным, в результате чего издал в 1821 г. в Лондоне, а затем в 1822 г. в Бостоне «Российскую поэтическую антологию» («Specimens of the Russian Poets») собственных переводов произведений русских поэтов: М.В. Ломоносова, И.И. Дмитриева, Г.Р. Державина, С.С. Боброва, И.А. Крылова и др. В 1834 г. в Нью-Йорке вышел перевод в то время очень известного в России романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» под заголовком «The Young Muscovite, or, The Poles in Russia», а в 1846 г. – повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в переводе Дж. Хебба (G.C. Hebbe), развернутое название которой звучало следующим образом: «Капитанская дочка, или Великодушные русского бунтовщика Пугачева». В 1845 г. в Эдинбургском литературном журнале (Великобритания) был опубликован первый очерк о жизни и творчестве А.С. Пушкина. Его автор – Томас Шоу (Th. Show) преподавал английский язык в Царскосельском лицее, овеванном пушкинской аурой. Интересно, что в этом очерке он назвал Пушкина «внуком африканца», факт, который в свою очередь не преминул использовать американский поэт-аболиционист Дж. Гр. Уитьер (J.G. Whittier) в своей борьбе за освобождение чернокожего населения Америки от рабства, обличая антинегритянские настроения в США. В 1849 г. У.Д. Льюис (W.D. Lewis), американский коммерсант, побывавший в

России в 1814–1819 гг., опубликовал в Филадельфии свой перевод «Бахчисарайского фонтана» Пушкина⁷.

Таким образом, начало восприятию русской литературы в Великобритании и США положили личные контакты и немногочисленные литературные переводы в первой половине XIX в. Вместе с тем качественные художественные переводы на английский язык произведений Пушкина в 1840-е гг., Толстого, Тургенева, Достоевского в 1860-е гг., Чехова – в 1890-е гг. способствовали значительному росту популярности русской литературы в Европе и США, как и последующие прямые контакты русских и американских писателей во второй половине XIX – начале XX в.

2. Вклад И.С. Тургенева в развитие социального американского романа в последней трети XIX в. Роль романа Е.И. Замятина «Мы» в возникновении жанра антиутопии в английской литературе

Солидный вклад в популяризацию русской литературы в Америке внес И.С. Тургенев. Он стал первым русским романистом, всколыхнувшим интерес американской читающей публики – перевод его романа «Отцы и дети», вышедший в США в 1867 г., вызвал оживленные споры в американских литературных кругах. На роман откликнулись крупнейшие периодические издания «The North American Review», «The Atlantic Monthly», «Nation», причем последний, по свидетельству Р. Геттмана, отмечал «редкое умение автора постичь и изобразить характер»⁸.

В 1870-е гг. к творчеству Тургенева обращается молодой американский исследователь Томас Пэрри (Т.С. Perry), увидевший в его романах «образец, достойный подражания»⁹, который в 1877 г. с разрешения автора перевел на английский язык его роман «Новь». Для американских писателей У.Д. Хоуэллса и Г. Джеймса романы Тургенева стали «уроком большого мастера», поскольку, по их мнению, русская жизнь там изображена убедительно и правдиво. Позднее, в

⁷ Подробнее об этом см.: *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. С. 347–359.

⁸ *Gettman R.A.* Turgenev in England and America. Urbana, 1941. С. 37.

⁹ См. об этом: *Милославская С.К.* И.С. Тургенев в оценке своих американских современников // Литература США. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 3–38.

1880-е гг., У.Д. Хоуэллс обращается к творчеству Л.Н. Толстого, который, по его признанию, повлиял не только на его эстетику, но и этику.

Находясь в Париже, Тургенев в 1873 г. неоднократно встречался с американским писателем Ялмаром Бойесеном, который опубликовал рассказ об этом событии в 1874 г., после чего американцы стали воспринимать Тургенева не только как замечательного художника, но и как своего друга. Г. Джеймс на протяжении своей жизни оставался искренним и постоянным поклонником творчества Тургенева, и в своей статье 1874 г. он восторженно пишет о богатстве содержания тургеневских произведений, о редком совершенстве их формы. По его мнению, страницы книг Тургенева «пахнут родной землей», читатель физически ощущает пейзаж¹⁰.

Таким образом, начиная с увлечения творчеством Тургенева в 1870-е гг. в США постепенно происходит широкое проникновение русской классической литературы в культурную жизнь Америки¹¹ и оказывается определенное воздействие на формирование американского реалистического романа, расцвет которого происходит в первой половине XX в.

Если бросить взгляд на литературную панораму Америки в XIX в., то становятся очевидными блистательные достижения в области новеллистики начиная от В. Ирвинга, Э. По, Н. Готорна – до М. Твена и О'Генри уже в начале XX в. Вместе с тем романы Мелвилла и Готорна полны множеством условно обобщенных, нередко мистических образов (например, «Моби Дик»), поскольку сам пафос европейского реализма был чужд американским писателям, уверовавшим в избранность американского пути развития. Таким образом, весь XIX в. литературного развития в США был озарен светом романтизма. Однако в его конце американская литература встала перед необходимостью воссоздать многообразную и усложнившуюся картину общественных связей, раскрыть их внутренний смысл и представить, по словам критика Я. Бойесена, во всей полноте систему «определившихся, ясно очерченных типов, какими уже в последней трети XIX в. располагала американская действительность»¹². Решение этих проблем могло оказаться под силу только

¹⁰ James H. French Poets and Novelists. Tauchnitz, Leipzig, 1883. С. 220.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Основова Э.Ф.* Русская литература и литературная жизнь США // История литературы США. Литература начала XX в. Т. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 905–931.

¹² Цит. по: *Милославская С.К.* И.С. Тургенев в оценке своих американских

социальному роману. Именно это время, 1960–1970-е гг., отмечено проникновением русской литературы в духовную жизнь Америки, начиная с переводов романов И.С. Тургенева, который так много сделал для популяризации там русской литературы, в том числе и творчества Л.Н. Толстого.

Для писателя и критика У.Д. Хоуэллса романы Тургенева стали, как он сам указывал, «самым значительным... литературным опытом», «уроками большого мастера». Он отмечает «правду жизни» («truth of life») и «жизнеподобие» («life likeness»), чего так не хватало американскому роману¹³.

В 1880-е гг. Хоуэллс обратился к творчеству Л. Толстого, который, по его словам, повлиял не только на его эстетику, но и на этику. Американские критики и писатели в своих выступлениях в прессе боролись за становление американского национального романа, опираясь прежде всего на богатейший опыт русской литературы. В число этих писателей входил и Г. Джеймс, который вначале был известен как литературный критик, затем как автор рассказов. По мнению отечественной исследовательницы его творчества С.К. Милославской, «на самом факте обращения Г. Джеймса к форме романа сказалось, очевидно, влияние Тургенева»¹⁴.

Американский литературовед А. Кросс также считает, что «впервые несомненное влияние русской литературы обнаруживается в творчестве Г. Джеймса, У.Д. Хоуэллса», а также английских писателей Дж. Гиссинга и Дж. Мура¹⁵.

Одновременно в конце XIX в. в Европе, как и в России, формировалось влиятельное литературное течение – натурализм – в творчестве французских писателей Э. Золя, Ги де Мопассана, бр. Гонкуров; затем возникает французский символизм начала XX в., что не могло не сказаться на развитии американского романа, как и несомненное влияние на него европейского модернизма (например, прустовский цикл «В поисках утраченного времени», 1913–1927).

современников // Литература США / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 28.

¹³ Милославская С.К. И.С. Тургенев в оценке своих американских современников. С. 22.

¹⁴ Милославская С.К. И.С. Тургенев в оценке своих американских современников. С. 31.

¹⁵ Cross A.G. Russian Theme in English Literature from the 16th Century to 1980. Oxford. G.B., 1985. P. 48.

Поэтому американский реализм, который начал развиваться гораздо позже европейского, т.е. в конце XIX – начале XX в., несет в себе очень сильные натуралистические тенденции, которые сказались не только на произведениях писателей-классиков, например, Т. Драйзера («Сестра Кэри», «Американская трагедия» и др.) и С. Льюиса («Мейн-Стрит» и «Бэббит»), но и на модернистской литературе начала XX в., например, творчестве Ш. Андерсона, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Т. Вулфа и др. писателей.

Итак, в конце XIX в. в США возникает насущная потребность создания национального социального романа, и само творчество И.С. Тургенева, а затем Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского с его общесоциальным звучанием побуждает американских авторов обратиться именно к социальному началу в своих произведениях. Не случайно, что во второй половине XX в. изучение творчества Толстого и Достоевского в переводах на английский язык в США стало неотъемлемой частью большинства университетских программ.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. американские писатели оказались весьма восприимчивыми к воздействию русской и французской литературы: они брали именно то, что отвечало духу и потребностям литературы национальной и интегрировали это в своем творчестве, стремясь избавиться от «колониальной» зависимости от английской литературы: их произведения ознаменовали победу над устоявшимися стереотипами далекого от реализма чисто книжного сентиментального английского романа.

«Русский англичанин» Е.И. Замятин также внес своеобразный вклад в литературный процесс в Англии, в частности, в развитие романа-антиутопии. Находясь там в командировке в качестве инженера-наблюдателя на судовой верфи в Ньюкасле, где строились ледоколы для военного флота России во время Первой мировой войны, он написал роман «Островитяне», в котором изобразил перманентную скуку, заурядность и пошлость английской провинциальной жизни, ее стандартизацию и бездуховность.

Эти впечатления, а также увлеченность Замятиным научно-фантастическими романами Г. Уэллса позднее легли в основу его самого известного романа «Мы», написанного в России и опубликованного в Нью-Йорке в 1924 г. на английском языке. В нем представлено общество будущего «организованного рая» с его тоталитарным контролем над личностью, неприкрытым террором,

психической обработкой людей, культом личности и т.д. Некоторые главы романа на русском языке были опубликованы в эмигрантской газете «Воля России», ее редактором был М. Слоним, после чего началась травля писателя на родине: его обвинили в сотрудничестве с белоэмигрантской прессой. Однако ему все же удалось в 1931 г. выехать в Европу – в Париж. Благодаря Д.П. Святополк-Мирскому и Г.П. Струве с творчеством Замятина смогли познакомиться англичане. Мирский писал о нем статьи, перевел его повесть «Пещера» («The Slavonic Review», 1923), а в своей книге «Современная русская литература: 1881–1925 гг.» (1926) выделил исследование о его произведениях в отдельную главу.

Когда в 1932 г. в Англии вышел в свет роман-антиутопия О. Хаксли «Brave New World» («Храбрый новый мир»), читатели и критики сразу же отметили сходство этого произведения с романом Замятина «Мы». Сам О. Хаксли отрицал какое-либо влияние, говоря, что роман Замятина никогда не читал. Замятин также не стал предъявлять претензий к автору, заметив, что сходство замыслов, возможно, объясняется тем, что идеи подобной антиутопии «носятся в воздухе». Интересно, что в 1962 г. Хаксли написал роман-утопию «Остров», название которого снова неожиданно совпало с заголовком первого романа Замятина («Островитяне»). Однако другой английский мастер слова Дж. Оруэлл все же признал опосредованное влияние книги Е.И. Замятина «Мы» на формирование замысла его антиутопии «1984»: это случилось после того, как он ознакомился с анализом романа «Мы» в исследовании Г.П. Струве «Twenty Five Years of Soviet Russian Literature (1918–1943)». В Англии роман Замятина «Мы» был издан лишь в 1970 г. в переводе Б.Г. Герни. В предисловии к этому изданию критик М. Гленни назвал Е. Замятина «главным звеном в английской традиции антиутопии», поскольку «он впитал художественный потенциал английского писателя одного поколения, придал ему новое измерение и передал его двум писателям следующего поколения»¹⁶.

Таким образом, в истории английской, как и американской, литературы наблюдаются случаи непосредственного влияния творчества русских писателей на появление новых жанров и тенденций в истории развития национального романа.

¹⁶ *Zamyatin Yevgeny. We / Transl. by B.G. Guerny; Introd. by M. Glenny. London: Penguin Books, 1972. P. 18.*

3. «Малая Россия» в Америке: литературная, редакционно-издательская и академическая деятельность представителей русской эмиграции в США в первой половине XX столетия

Русская эмиграция первой волны в 1920–1930-е гг. в США также внесла существенный вклад в развитие науки и техники (как, например, изобретатель телевидения З.К. Зворыкин, гениальный авиаконструктор И.И. Сикорский, а в области гуманитарных наук – историк М.М. Карпович, бывший секретарь русского посольства в Вашингтоне, создавший свою научную школу в Гарвардском университете и подготовивший из американских студентов крупных специалистов по русской истории). В стремлении осознать историю развития России, глубже разобраться в ее прошлом, выяснить истоки настоящего, точнее оценить смысл происходящих в ней в XX в. событий и заключена непреходящая ценность трудов русских историков, политологов, философов и их вклад в развитие американской науки о России.

Писатель Б. Зайцев справедливо назвал российскую интеллигенцию «цветом нации» с ее «духовностью и гуманизмом»; ее главным делом в изгнании было сбережение традиций и ценностей отечественной культуры для будущей возрожденной России, а также сохранение русского этноса в странах эмиграции. Потому начиная с 1920-х гг. в крупных городах Америки: Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и др. – создаются русские клубы и русские культурные центры, федерации русских детских школ, литературные, театральные, профессиональные и прочие общества; например, в Сан-Франциско был организован городской литературно-художественный кружок, выпускавший в 1920–1930-е гг. сборники эмигрантских произведений и альманахи: «Дымный след» (1925), «Калифорнийский альманах» (1934), «Земля Колумба» (1936), а в Чикаго был создан русский драматический кружок под управлением В.И. Анциферова.

Духовному единению русских переселенцев, защите их интересов, вхождению в мир американской культуры способствовали и

печатные издания: в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго и других городах в 1920-е гг. выходили ежедневные русские газеты, в частности, издающаяся по сей день в Нью-Йорке газета «Новое русское слово», которая информировала читателей о жизни русских эмигрантов в США, новостях Европы и Америки, событиях в России; газета «Русская жизнь» (Сан-Франциско), в 2016 г. отметившая свое девяностопятилетие, и др.

Кроме того, в эти годы в США силами русской эмиграции развивается журнальная и книгоиздательская деятельность, возникают первые русские издательства и русские книжные магазины, например, «Колокол», в котором продавались книги по различным отраслям знаний, вышедшие в дореволюционной России, книжный магазин «Нового русского слова» в Нью-Йорке, а также русский книжный склад – магазин «Труд», где наряду с произведениями русской классики можно было приобрести литературные новинки, научно-техническую литературу, русские газеты и журналы. В 1918 г. в Нью-Йорке было создано первое русское издательство в Америке, которое тогда выпустило и самый первый русский эмигрантский сборник рассказов, очерков и стихотворений «Досуг» (по ред. Н.Н. Сергиевского); в 1920-е гг. в Нью-Йорке при содействии известного русского писателя Г.Д. Гребенщикова возникло «алтайско-американское» издательство «Алатас», в 1928 г. переместившееся в Саутбери (шт. Коннектикут), ближе к месту жительства этого энтузиаста, задумавшего вместе с И.Л. Толстым, сыном великого русского писателя, создать на реке Помпераге русский культурно-трудовой и духовный центр Чураевку, основавшего первую русскую колонию в США, где проживало, по свидетельству литератора-эмигранта второй волны Э. Штейна, до четырех тысяч человек. Г.Д. Гребенщиков, русский писатель-сибиряк, переехал в 1924 г. в США из Франции. В Америке он ведет разнообразную общественную деятельность в качестве почетного председателя РООВ (Русского объединения общества взаимопомощи), создает Общество друзей Сибири, своими лекциями и статьями способствует укреплению культурных и научных связей России и Америки. В издательстве «Алатас» выходят его романы и другие произведения, проникнутые национальной русской тематикой: «Былина о Микеле Буяновиче» (Нью-Йорк, 1924); часть «сибирской» эпопеи «Чураевы» (Нью-Йорк; Саутбери, 1925–1952); «Купава: Роман од-

ного художника) (1936); книга «Гонец: Письма с Помперага» (1928) с подзаголовком «Первая помощь человеку» – в ней впервые возникает прообраз будущего «сибирского скита» Чураевки; «Радонега. Сказание о св. Сергии» (1938); стихотворный сборник «Златоглав» (1938); в русских журналах публикуются его статьи и рассказы.

В 1920-е годы в США издаются первые литературно-художественные журналы русской эмиграции: в октябре 1924 г. в Нью-Йорке вышел первый номер «Зеленого журнала», редактором-издателем которого был писатель Л.М. Камышников. Задачей редколлегии было не только освещение американской общественной жизни с целью облегчить русским эмигрантам вхождение в инонациональную среду, сближение с Америкой, но и сохранение в то же время тесной связи с русской культурой, а также стремление объединить представителей «старой» и «новой» эмиграции на «любви к родине, на мысли о ней, на грусти по ней и жажде ей добра и мощи»¹⁷. В 1925–1926 гг. в Нью-Йорке издавался литературный и научно-популярный журнал «Зарница» (вышло всего 16 номеров этого издания), с 1929 г. там же выпускался «общественно-культурный» журнал «Современник» под редакцией Б. Федорова, а в Чикаго – ежемесячный русско-американский журнал «Москва».

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в США довольно успешно велось строительство «Малой России» – государства без территории и границ. Эмигранты первой волны отчетливо понимали, что, сохранив общими усилиями в среде своей диаспоры духовные ценности своей страны, основные элементы культуры быта, семейного уклада, национальные и религиозные традиции и, как главную ценность, русский язык и национальную культуру, они «унесут с собой Россию». В этом и заключалась благородная миссия послереволюционной эмиграции – не дать погибнуть России, которая оставалась в них самих. «Мы не в изгнании, мы – в послании», – эта фраза З. Гиппиус хорошо передавала созидательный, творческий и патристический настрой представителей первой волны эмиграции.

Необходимо отметить, что существенную роль в духовном объединении и нравственной поддержке эмигрантов сыграла русская Православная церковь в США, проникнутая духом соборности, коллективной взаимопомощи, несущая «Русскую идею» духовного единения и возрождения Православия, что в какой-то степени

¹⁷ Зеленый журнал. 1924. № 1. Октябрь. С. 1.

стало антитезой, противовесом «Американской мечте», в основе которой – безраздельный культ индивидуализма. Благодаря этому удалось сохранить русский этнос в Америке, где русских в составе населения менее 0,5%.

Переезд из Парижа в начале 1940-х гг. в США части представителей русской литературной эмиграции первой волны, обладавших огромным культурным потенциалом и большим литературным опытом, явился весьма благоприятным фактором для упрочения духовных связей русской диаспоры в США, утверждения и сохранения русской культуры, русского языка и русской литературы в Америке.

1940-е гг. становятся новой фазой, новым этапом в культурно-литературном отношении для всего русского зарубежья – *центр русской литературной эмиграции перемещается в США*, его «столицей» по праву становится Нью-Йорк – средоточие духовной жизни русских переселенцев. Бурно развиваются и другие центры русского литературного зарубежья: Чикаго, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, возникшие еще до Второй мировой войны.

Отметим, что преподавательская деятельность русских литераторов-эмигрантов первой, а затем и второй волны в американских вузах и колледжах, их критические и литературоведческие работы, публиковавшиеся в 1940–1950-е гг. и позднее (Г. Струве, М. Слонима, В. Александровой, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова, Д. Бобышева и др.), стали катализатором вначале интереса к русской литературе, а затем и подъема американской литературоведческой русистики в 1960–1970-е гг.

В 1942 г. в Нью-Йорке силами парижской эмиграции почти одновременно были созданы два крупных журнала: «Новоселье» и «Новый журнал». Ежемесячный журнал «Новоселье» начал выходить с февраля 1942 г. под редакцией поэтессы С. Прегель, которая во вступительной статье «От редакции» писала, что «Новоселье» – журнал, свободный от политических споров и разногласий, – будет всецело посвящен «вопросам литературы, искусства и науки» с целью объединить писательские силы в деле служения русской культуре, а также с целью сближения представителей русской и американской интеллигенции¹⁸.

В журнале публиковались стихи самой С. Прегель, произведения писателей «старой» и «новой» России: были напечатаны два

¹⁸ Новоселье. Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 1.

утерянных стихотворения А. Блока, «Письмо к Татьяне» В. Маяковского, стихи М. Волошина; произведения эмигрантов первой и второй волны: В. Корвин-Пиотровского, М. Чехонина, рассказы И. Бунина, М. Алданова, А. Ремизова, Тэффи, В. Варшавского, М. Цетлина, отрывки из романа Б. Калашникова «Рождение скакуна», воспоминания С. Дубкова о М. Горьком, мемуары В. Зензинова, Н. Берберовой и т.д., а также научно-популярные статьи по истории, литературе как прошлого века, так и советской. М. Слоним писал о Денисе Давыдове, В. Александрова в обзоре «Дальний Восток в художественной литературе» – о произведениях Вс. Иванова, А. Фадеева, П. Павленко, В. Кетлинской, Ф. Фраермана, посвященных этому краю. Всего вышло 44 номера этого издания.

По мнению Г. Струве, этот журнал, хотя в нем не было политики в прямом смысле слова, объективно отражал настроения части эмиграции во время войны и в первые послевоенные годы, чувствовавшей потребность «живой связи с Родиной»¹⁹. Он отмечал некий «советофильский душок» журнала и считал, что в этом отчасти «повинен» и М. Слоним, бывший редактор «Воли России», а потом и сотрудник «Новоселья», «которому в большой степени было свойственно это настроение»²⁰. Вместе с тем Струве подчеркнул, что в первые годы своего существования журнал поместил «много ценного литературного материала»²¹.

После войны в 1950 г. журнал «Новоселье» стал издаваться в Париже, но в скором времени прекратил свое существование.

Трибуной русской эмигрантской мысли в военные и послевоенные годы в США суждено было стать «Новому журналу» – крупнейшему литературно-художественному и общественно-политическому изданию русской эмиграции в США, основанному в 1942 г. М.О. Цетлиным (1882–1945) и М. Алдановым (1886–1957) при участии и других сотрудников парижского эмигрантского журнала «Современные записки», издание которого было приостановлено в связи с оккупацией Франции нацистами в 1940 г. По словам Б. Зайцева, «Новый журнал» стал как бы «сыном» «Современных записок». М.О. Цетлин, бывший эсер, находившийся до 1917 г. одиннадцать

¹⁹ От редакции // Новоселье. 1947. № 33–34. Апрель-май. С. 3.

²⁰ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1956. С. 382.

²¹ Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. С. 382.

лет в эмиграции, после революции вернулся в Россию; в 1919 г. – эмигрировал во Францию. В Париже он основал литературно-политический салон, который посещала «русская интеллектуальная элита», по выражению Б. Зайцева, «звездная палата эмиграции» (И.А. Бунин, М.А. Алданов, М.А. Вишняк, И.С. Шмелев, В.Ф. Ходасевич, А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков, позже В.В. Набоков-Сирин и др.). Благодаря удивительной атмосфере благожелательности, создаваемой хозяином салона, все «прочнее и спокойнее», как отмечал Б. Зайцев, становились отношения между его посетителями, чьи политические взгляды сильно отличались друг от друга²². В дальнейшем все они публиковали свои художественные произведения и статьи в «Новом журнале».

С момента своего основания в 1942 г. «Новый журнал» становится центром духовного объединения русских общин в разных частях страны: отличаясь редкой терпимостью к различным философским взглядам и политическим убеждениям, кроме откровенно шовинистических и тоталитарных, он предоставлял свои страницы историкам, политологам, философам, социологам различной политической ориентации. Однако русского читателя в США в первую очередь привлекали художественные произведения: новые рассказы И.А. Бунина, которыми в течение ряда лет с первых же номеров открывался журнал, исторические романы и рассказы М. Алданова, произведения Р. Гуля, Н. Берберовой, М.А. Осоргина, М.О. Цетлина, В. Набокова, Б. Зайцева и др., критические статьи об искусстве и литературе, воспоминания современников о А. Чехове, Л. Толстом, М. Горьком и др.

«Новый журнал» издается по сей день, уже более 75 лет, и претерпел несколько периодов в своем развитии.

Первый период приходится на военные годы (1942–1945 гг.)²³. В это время журнал перенасыщен политическими злободневными статьями зачастую левой ориентации – факт, который отмечали и сами редакторы журнала²⁴.

В нем публикуются философские и культурологические работы Г.П. Федотова, социологические исследования Н.С. Тимаше-

²² Зайцев Б. Михаил Осипович Цетлин // Новый журнал. 1946. № 14. С. 48.

²³ О границах первых трех периодов эволюции «Нового журнала» и их характеристику см.: Гуль Р. Двадцать пять лет // Новый журнал. 1967. № 87. С. 6–28.

²⁴ Гуль Р. Двадцать пять лет. С. 9.

ва, аналитические обзоры политологов Ю.П. Денике, М.В. Вишняка, М.Е. Вейнбаума, а также статьи А.И. Зака, Ю. Войтинского, главная тема которых – «Россия и война»: так называлась специальная рубрика журнала, имевшаяся в нем в военные годы. Там печатались статьи о России, ведущей войну с Гитлером. В них особенно видны те перемены, которые в эти годы произошли в русской эмигрантской среде в отношении к Советской России. Беда, обрушившаяся на Родину, жертвы русского народа, зверства фашизма – все это всколыхнуло волну патриотизма среди русских эмигрантов.

В первой половине 1940-х гг. в «Новом журнале» публиковались рассказы И. Бунина «Натали», «Генрих», «Таня» и др., в дальнейшем составившие сборник его рассказов «Темные аллеи», главы исторического романа М.А. Алданова «Истоки», его остросюжетные рассказы на современную тему – о событиях Второй мировой войны (например, «Фельдмаршал»), рассказы Б.К. Зайцева, главы из книги М.О. Цетлина о русских композиторах «Пятеро и другие», глава из незаконченного романа В. Набокова «Ultima Thule» (1942. № 1), а также критические работы В. Александровой о русском театре в годы Великой Отечественной войны, обзоры В. Зензинова о советских журналах тех лет («Знамя», «Октябрь», «Новый мир»), статьи М. Чернова об А.П. Чехове, фрагменты из мемуарной книги М. Чехова «Жизнь и встречи» и др.

Поэтический отдел в те годы, к сожалению, был представлен слабыми, малооригинальными произведениями; исключение составили стихотворения В. Набокова (Сирина), а также подборка «Неизданные стихи» Н. Гумилева с предисловием Г. Струве. В рубрике «Прошлое и настоящее» публиковались воспоминания современников о Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, И.А. Бунине, М. Горьком, Вл. Ходасевиче. В те годы журнал не имел большого общественного резонанса: он распространялся только в пределах американского континента и читался довольно узким кругом лиц – русскими эмигрантами и американским «советологами».

Второй период эволюции «Нового журнала» охватывает десятилетие со второй половины 1940-х до середины 1950-х гг. – послевоенный отрезок времени до смерти Сталина и наступления «оттепели» – период начала «холодной войны». Происходят перемены

и в редакции журнала: в 1945 г. скончался М.О. Цетлин, с 1946 г. и до конца 1950-х гг. его редактором становится историк М. Карпович.

В это время журнал четко ориентирован на борьбу против тоталитаризма в СССР, за свободу русского народа. В нем появляются публицистические статьи, в которых констатируется (например, в эссе «Соблазн патриотизма» М.В. Вишняка), что «русские патриоты внутри России находятся сейчас под несравненно большим риском и гнетом, чем 90 лет назад»²⁵. В эти годы публикуются свидетельства очевидцев о репрессиях 1930-х гг. (главы из книги М. Корякова «Почему я не возвратился в СССР», М. Шаблэ «В доме заключения НКВД» и др.).

Ю. Денике отмечает, что если до войны информация из Советского Союза почти не просачивалась за границу, поскольку государство как бы отделилось от остального мира железным занавесом, то после ее окончания, когда в руки союзных войск попали захваченные немцами в СССР архивы, разлилась грандиозным потоком²⁶.

В журнал приходят и новые литературные силы: наряду с произведениями писателей-эмигрантов первой волны («Путешествием Глеба» Б. Зайцева, «В сырых туманах» А. Ремизова, автобиографической повестью Р. Гуля «Конь Рыжий», рассказами Н. Берберовой «Воскрешение Моцарта», «Плач» и ее романом «Мыс Бурь», отрывками из романа М. Алданова «Повесть о смерти», В. Набокова «Другие берега») печатаются и произведения послевоенных русских литераторов-эмигрантов: повести Л. Ржевского, Н. Нарокова, Г. Андреева, Б. Нарциссова, Б. Филиппова.

Особую значимость в 1950–1960-е гг. в «Новом журнале» приобретает стихотворный раздел, в котором рядом с поэзией М. Цветаевой, И. Одоевцевой, З. Гиппиус публикуются стихи поэтов-эмигрантов второй волны: Д. Кленовского, И. Елагина, И. Чиннова, О. Анстей, Н. Моршена, Б. Нарциссова и др.

Третий период эволюции «Нового журнала» связан с наступлением «оттепели» в СССР и приходится на вторую половину 1950-х – конец 1960-х гг., когда он становится своеобразным «мостом», соединившим русских писателей, живущих в США, с писателями и читателями СССР: впервые была установлена «обратная

²⁵ Вишняк М.В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 48.

²⁶ Денике Ю. Новые источники и их критика // Новый журнал. 1950. № 24. С. 259.

связь»²⁷ с Россией. В журнале стали публиковаться отрывки из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (№ 4–5 за 1958 г.), стихотворения А.А. Ахматовой, повести и рассказы Л. Чуковской (в частности, ее знаменитая повесть «Софья Петровна»), «Колымские рассказы» В. Шаламова, очерки Е. Ишутиной, «Оттепель» И. Эренбурга, «Не хлебом единым» В. Дудинцева и др.

В 1960-е гг. в нем печатаются и первые произведения эмигрантов «третьей волны» («Кларка-террористка» А. Кторовой, «Бабий Яр» А. Кузнецова, пьеса «Сталин» Ю. Кроткова и др.). Однако все же преобладают произведения писателей «старшего» поколения: И. Бунина, Г. Газданова, Б. Зайцева, Д. Мережковского и др. Для этого периода характерно расширение диапазона критических работ, освещающих как тенденции современной советской литературы и критики (статьи Р. Гуля, М. Слонима, Ф. Степуна, Н. Берберовой), так и творчество писателей-эмигрантов (статья Ю. Офросимова «О поэзии Вл. Корвин-Пиотровского», очерк И. Одоевцевой о Н. Моршене и др.).

Публикуются литературно-критические работы, затрагивающие проблемы русской классики: статьи В. Седуро, Н. Трубецкого, Ю. Иваска о творчестве Ф.М. Достоевского, сравнительное исследование Н. Лосского «“Война и мир” Л. Толстого и “Доктор Живаго” Б. Пастернака» и др.

В «Новом журнале» по-прежнему печатаются политические статьи Н. Тимашева, направленные против тоталитаризма в СССР, опубликована статья С. Волина «Смоленские документы. Архив обкома партии 1917–1939 гг.» (1958. № 55), помещаются интересные материалы по истории России.

После смерти М. Карповича в 1959 г. редколлегию возглавил «триумvirат»: Ю. Денике, Н. Тимашев и Р. Гуль. С 1966 г. главным редактором журнала становится Р. Гуль. Тираж «Нового журнала» к этому времени удваивается, теперь его читают в 36 странах мира, в том числе и в Советском Союзе.

Новый период эволюции «Нового журнала» приходится на 1970-е – сер. 1980 гг. В эти годы в нем преобладают произведения писателей «третьей волны» эмиграции. В частности, публикуются гротескно-иронические рассказы и повести Ю. Мамлеева (например «Полет»), Ю. Мальцева («Оперируемый»), проза А. Кузнецо-

²⁷ Гуль Р. Двадцать пять лет. С. 20.

ва («Артист миманса»), а также диссидентов московского «Самиздата», хотя журнал продолжает печатать произведения писателей и поэтов первой и второй волны (например, фрагменты книги самого Р. Гуля – «Я унес Россию: Апология эмиграции» (с 1973 г.).

С 1986 г. после кончины Р. Гуля журнал издавался редакционной коллегией, а с 1990 г. под редакцией Ю. Кашкарова, который с 1959 г. был одним из его редакторов. Так начался современный период его эволюции. В 1993 г. главным редактором «Нового журнала» стал В. Крейд (Крейдинский). Распространению журнала в США способствовали американские университеты, являвшиеся его основными подписчиками. В настоящее время он издается в России. Таким образом, сфера влияния «Нового журнала» не была ограничена только русской эмигрантской средой, его влияние в значительной степени распространялось и на академические круги США, в том числе на когорту американских советологов.

С начала 1950-х гг. (1953–1958) в Нью-Йорке издается и чисто литературный журнал «Опыты», издателем которого была М.Э. Цетлина, редакторами Р.Н. Гринберг, В.Л. Пастухов, а затем Ю.П. Иваск.

В этом журнале печатали свои стихотворения русские эмигранты первой и второй волны: Ю. Иваск, В. Набоков, Дм. Кленовский, Ю. Терапиано, И. Чиннов, О. Анстей; публиковалась проза А. Ремизова, Н. Берберовой, Б. Зайцева, Г. Адамовича, В. Вейдле, Ю. Анненкова, Ф. Степуна, Н. Оцуа и др. Однако вышло всего 9 номеров этого издания.

В 1946 г. в США был основан литературно-художественный журнал «Жар-птица» (редактор издания – Н. Чирков), с 1958 г. издается сатирико-юмористический журнал «Медведь» и др.

В 1940-е – начале 1950-х гг. помимо газет и журналов русскими литераторами-эмигрантами в США выпускается и ряд сборников-альманахов. Так, в 1942 г. под эгидой «Ассоциации русских писателей в Нью-Йорке» выходит «Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы», включивший рассказы И. Бунина, М. Алданова, М. Цетлина, А. Браиловского, А. Головина и др., стихотворения Ю. Иваска, Ю. Терапиано, А. Несмелова, Т. Остроумовой и др.; в 1953 г. в Нью-Йорке в Издательстве имени А.П. Чехова вышла книга «На Западе. Антология русской зарубежной поэзии» (составитель Ю. Иваск), в которой были опубликованы стихи самого Ю. Иваска,

Г. Адамовича, И. Бунина, Н.А. Тэффи, Вяч. Иванова, И. Одоевцевой, М. Чехонина, Л. Алексеевой, Д. Кленовского, С. Юрасова, Н. Берберовой, О. Анстей, В. Корвин-Пиотровского, И. Елагина, В. Маркова, К. Моршена, Ю. Терапиано, В. Набокова, И. Чиннова и других представителей двух волн русской эмиграции; в 1955 г. в Лос-Анжелесе был издан литературно-политический сборник «Свободная Россия», а в 1960–1967 гг. в Нью-Йорке под редакцией Р. Гринберга вышло пять книг литературного альманаха «Воздушные пути», названием которого стало заглавие рассказа Пастернака с целью подчеркнуть искусственность преград между двумя ветвями русской литературы – отечественной и зарубежной. Первый номер альманаха был посвящен юбилею этого поэта, которому в 1960 г. исполнилось 70 лет. В альманахе была представлена поэзия А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Ходасевича, Б. Пастернака, В. Хлебникова, И. Чиннова, Д. Кленовского, В. Набокова, Н. Моршена, И. Елагина, В. Вейдле и др., проза И. Бабеля, очерки и воспоминания, литературоведческие эссе и критика Ю. Иваска, Г. Адамовича, Б. Филиппова, Л. Ржевского, В. Маркова и др.

В 1952 г., как отмечает Струве в своей книге «Русская литература в изгнании», именно под влиянием представителей второй волны русской эмиграции, рассказавших страшную правду о жизни в СССР, а также правительственных и общественных организаций, их поддерживавших, в Нью-Йорке при участии Фонда Форда было создано самое крупное издательство русской книги – Издательство имени А.П. Чехова, которое в течение своей четырехлетней деятельности выпускало произведения русской классики (В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя, К.Н. Леонтьева, Н.С. Лескова, Ф.И. Тютчева и др.), стихи и прозу писателей-эмигрантов: И.А. Бунина, М.А. Алданова, Р. Гуля, Б.К. Зайцева, Н. Тэффи, И. Одоевцевой, А.М. Ремизова, В.В. Набокова, Н. Нарокова, И. Елагина, Л. Ржевского, и др.; уже упомянутую антологию: «На Западе» (антология русской зарубежной поэзии под ред. Ю. Иваска – наиболее многоаспектное собрание эмигрантской поэзии), сборник произведений молодых эмигрантских авторов «Пестрые рассказы» (под ред. В. Александровой); однотомник «Опальные повести», включивший произведения Б. Пильняка, А. Платонова, Б. Пастернака и др. (под ред. В. Александровой); антологию поэзии за «железным занавесом» «Приглушенные голоса» (под ред. В. Маркова) и др., а также про-

изведения Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, сборник «Неизданный Гумилев» (под ред. Г. Струве), «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, пользовавшиеся большим успехом в эмигрантской среде, мемуарную литературу (книги воспоминаний П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Ю. Терапиано, А.Н. Бенуа, А.Л. Толстой, Б. Ширяева, В.П. Зилоли, А.И. Деникина, В.А. Маклакова и др.), литературно-критические труды (например, «Одиночество и свобода» Г. Адамовича, указанные выше работы Г. Струве)²⁸ и др.

Стремлением запечатлеть духовную эволюцию предшественников русской литературной эмиграции первой и второй волны, сохранить для потомков художественные достижения литературы русского зарубежья и оценить их вклад в отечественную литературу проникнута уже упомянутая книга Г.П. Струве «Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы», вышедшая в нью-йоркском Издательстве имени А.П. Чехова в 1956 г., – первое крупное исследование подобного рода. Сам Г. Струве очень много сделал для сохранения литературного наследия и популяризации на Западе произведений русских писателей, в то время не издававшихся на родине. Вместе с Б. Филипповым, представителем уже второй волны русской эмиграции, в 1960-е гг. он издал трехтомные собрания сочинений О. Мандельштама (1965–1969) и Б. Пастернака (1962–1968), двухтомники произведений А. Ахматовой (1965) и Н. Клюева (1969), четырехтомник Н. Гумилева (1962–1968), стихи Н. Заболоцкого (1965)²⁹, составил антологию «К истории русской поэзии 1910 – начала 1920-х годов» и др. Причем многие из них вышли в Издательстве имени А.П. Чехова в Нью-Йорке. Там же издавалась и проза М. Цветаевой (1953), известный роман Е. Замятина «Мы», запрещенный в СССР (1952), «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка о загадочной смерти советского полковника М. Фрунзе и другие произведения; в 1954 г. Н. Берберова подготовила к печати и выпустила в свет сборник «Литературные статьи и воспоминания» В. Ходасевича, и др.

В дальнейшем подобные издания осуществлялись уже при участии либо непосредственно самими американскими славистами,

²⁸ Подробнее об этом см.: *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб., 1993. С. 180–186.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Трущенко Е. Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья // Русское литературное зарубежье. Сборник обзоров и материалов. Вып. 2. М., 1993. С. 143–162.

такими как Р. Хьюз, Э. Мальмстад, Э. Проффер и др. Так, начиная с конца 1960-х гг. в США выходят двухтомники «Избранной прозы» и «Сочинений» М. Цветаевой, первые тома пятитомного ее собрания сочинений «Стихотворения и поэмы» (Нью-Йорк), четырнадцать книг русских романов и сборников рассказов В. Набокова (Анн Арбор), начальные тома пятитомного собрания сочинений В. Ходасевича, четырехтомные – Е. Замятина и А. Белого.

Статьи Г. Струве и его книги по русской советской литературе, например, вышедшая в США на английском языке в 1951 г. монография «Русская советская литература. 1917–1950», как и труды М. Слонима, А. Ярмолинского, В. Александровой и Д. Мирского, написанные или переведенные на английский язык, способствовали углубленному изучению русской литературы американскими студентами.

Серьезную роль в становлении и самоидентификации русской эмигрантской культуры сыграли в период второй волны те литераторы, которые занялись во время и после войны преподавательской деятельностью в западных университетах. Отчасти вынужденные жизненными обстоятельствами, их обращение к академической работе привело к общему росту интереса к русской литературе на Западе, а их литературно-критическая и литературоведческая деятельность стала серьезным вкладом в осмысление самого феномена русского литературного зарубежья. В целом академические штудии Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова и других эмигрантов первой и второй волн обусловили стремительный качественный подъем западной литературоведческой русистики в 1950–1970-е гг.

В частности, В. Набоков, который проживал в Америке с мая 1940 г., очень много сделал для того, чтобы русская литература вошла в плоть и кровь американских студентов, которые, к сожалению, владели русским языком на самом начальном уровне. Первое время у него не было постоянной работы и жилья, поэтому его семья находила приют и материальную помощь у друзей и знакомых – русских эмигрантов: летом жили на даче в Вермонте у известного историка профессора Гарварда М. Карповича, два раза небольшие суммы денег Набокову передавал С. Рахманинов. Поворотным событием в его жизни стало переросшее в настоящую дружбу знакомство с влиятельным американским критиком и писателем, страстным лю-

бителем и знатоком русской литературы Э. Уилсоном (E. Wilson), который уговорил В. Набокова заняться переводом на английский язык трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери», а также предложил ему написать рецензии на книги, имеющие отношение к России, от которых после их прочтения он пришел в восторг. Более того, Уилсон познакомил Набокова с Э. Уиксом (E. Wicks), издателем крупного журнала «Атлантик Мансли» («Atlantic Monthly»), куда тот впоследствии посылал свои стихи и рассказы. Преподавательская деятельность Набокова началась в 1941 г. в частном женском колледже Уэлсли, где он вел уроки русского языка, а затем и русской литературы (1946–1948). В это же время он начал переводить на английский язык стихотворения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Ходасевича, Блока и других русских поэтов. Также в течение нескольких месяцев в рамках летних курсов он преподавал русскую литературу в Стэнфордском университете: на это место в качестве лектора приглашали М. Алданова, но тот отказался.

В декабре 1941 г. в Америке вышел первый роман Набокова на английском языке, написанный еще в Европе, – «Истинная жизнь Себастьяна Найта», для которого Э. Уилсон написал весьма желательную аннотацию.

В 1944 г. вышло в свет сразу привлекшее внимание студентов учебное пособие – эссе «Николай Гоголь», которое Набоков предполагал назвать «Гоголь в зазеркалье»³⁰.

В течение семи лет он продолжал обучать русскому языку студенток Уэлсли-колледжа и благодаря содействию Э. Уилсона получил престижную стипендию Гугенхайма (размером в 2500 долларов); при его же непосредственном участии он заключил удачный договор с влиятельным журналом «Нью-Йоркер» на приоритетные права этого издания на публикацию его произведений и получил щедрый аванс. В 1948–1956 гг. он преподает русскую и западноевропейскую литературу (1950–1951) в Корнельском университете, куда его пригласил профессор Морис Бишоп (Maurice Bishop), поклонник его произведений, и где он заканчивает свой знаменитый роман «Лолита» (опубликован во Франции в 1955; в

³⁰ Подробнее об этом см.: Белова Т.Н. Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы шестых Андреевских чтений. М.: Экон-информ, 2008. С. 63–71.

США – в 1958 г.). Лекции В. Набокова были опубликованы только после его смерти (1980–1981)³¹.

Заменяя М. Карповича в весеннем семестре 1952 г., он прочел свои лекции по русской литературе в Гарварде, где непосредственно общался с Р. Якобсоном, который там работал начиная с 1941 г. Здесь же он перевел на английский язык жемчужину древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (текст был опубликован в 1960 г.) и начал обдумывать перевод пушкинского «Евгения Онегина», поскольку существующие английские переводы были плохого качества, и дотошному Набокову приходилось постоянно вносить туда свои многочисленные исправления, когда он знакомил с ними студентов. В 1951 г. Набоков издал написанную на английском языке книгу мемуаров «Conclusive Evidence» («Убедительное доказательство»), в дальнейшем значительно углубив и расширив ее до художественно-мемуарного романа «Память, говори» («Speak, Memory»), вышедшего в Нью-Йорке в 1966 г. Он публиковал свою книгу «Conclusive Evidence» в «Нью-Йоркере» главу за главой, как и главы романа «Pnin» («Пнин»), вышедшего отдельной книгой в 1957 г. Перевод «Евгения Онегина» с обширным академическим комментарием в четырех томах был принят в рукописи издательством «Боллинджер» в 1958 г., однако, к сожалению, был опубликован лишь шесть лет спустя, в 1964 г. Годом ранее другим издательством был напечатан стихотворный перевод «Евгения Онегина», выполненный У. Арндтом: в нем точно выдерживалось сложное построение онегинской строфы – и тот неожиданно получил премию набоковского издательства «за лучший поэтический перевод», на который расстроенный Набоков написал негативную рецензию. Выход в свет аутентичного перевода В. Набокова вызвал в прессе очень бурную полемику и привел к разрыву между его автором и Э. Уилсоном, который также выступил в печати с разгромной критикой перевода. Вместе с тем эта полемика имела по большому счету и положительную сторону – она привлекла всеобщее внимание к уникальному явлению русской литературы – поэтическому творчеству А.С. Пушкина, которое так много теряло в переводе на иностранные языки; это повышенное внимание англоязычных руси-

³¹ *Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1980; Nabokov V. Lectures on Russian Literature / Ed. Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1981.*

стов вылилось в дальнейшем в появление многочисленных научных исследований о пушкинских произведениях и новых талантливых переводов его поэзии, в том числе и «Евгения Онегина» (например, Ч. Джонстона), поскольку фундаментальный комментарий Набокова к роману в стихах) убрал стену непонимания между ним, англоязычным читателем и критиком. А блестящая реконструкция Набоковым фрагментов «десятой главы» полностью была принята и западными, и советскими учеными³².

Набоков, имея в виду свои блестящие переводы классиков русской поэзии XIX–XX вв., «Слова о полку Игореве» с обширным комментарием и англоязычное эссе «Николай Гоголь», либо в шутку, либо всерьез писал Э. Уилсону: «Россия никогда не сможет уплатить мне все свои долги»³³. Кроме того, в конце жизни, когда он добился мировой известности, почти все его русские романы и рассказы были спешно переведены на английский и многие европейские языки (французский, итальянский, шведский, норвежский и др.), а все его американские романы – на русский (в этом принимал участие он сам, его сын Дмитрий и др.; в 1990-х гг. и российские переводчики), поэтому его творческое наследие стало доступно читателям всего мира.

Таким образом, со своей стороны Набоков сделал максимум возможного для популяризации русской литературы в США и тем самым создал надежный фундамент для развития англоязычной русистики (включая и свои исследования и лекции по литературе, которые стали для многих русистов отправной точкой в их работах)³⁴. Читательский и финансовый успех «Лолиты» (1955), в 1958 г. вышедшей в США, обеспечил возможность навсегда перебраться в Европу в 1960 г., где Набоковы предпочли Швейцарию – курортный город Монтрё на берегу Женевского озера.

³² См. об этом: *Белова Т.Н.* В.В. Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова. Приштина: Косовска Митровица, Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.

³³ Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.; СПб., 2004. С. 458.

³⁴ Подробнее о лекциях В. Набокова см.: *Белова Т.Н.* В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Русское зарубежье: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 204–220.

Следующий период развития англо-американской русистики – период 1960-х – начала 1970-х гг., проходивший под знаком разрядки международной напряженности, – характеризуется бурным подъемом интереса англоязычных исследователей к изучению русской литературы. После того как в 1958 г. на самом высоком уровне был подписан ряд Межправительственных соглашений о культурных и научных обменах, благодаря которым начиная с 1960-х гг. библиотеки и архивы нашей страны стали доступны широкому кругу стажеров и специалистов из многих западных стран, изучающих историю и литературу России, возрастает доля объективных работ о русской литературе на Западе. При этом их консультировали самые крупные отечественные специалисты в этой области: например, на филологическом факультете МГУ – В.И. Кулешов, Н. Либан, В. Кусков, В.Н. Турбин и др. Работы англоязычных русистов 1960–1970-х гг. несут на себе отпечаток этих взаимосвязей: авторы исследований в какой-то мере учитывают или принимают во внимание точку зрения представителей современного советского литературоведения на творчество русских писателей, хотя и полемизируют с ней, включают в свои обзоры наблюдения в области поэтики, стилистики, текстологии, известные в отечественной филологии с начала 1920-х гг. Это работы Ю. Тынянова, В. Виноградова, А. Слонимского, Л. Тимофеева, Г. Гуковского, Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, Л. Гроссмана и др. исследователей. Изучается ими и наследие революционно-демократической критики: работы Белинского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Писарева, что также приносит свои плодотворные результаты: их объективные научные работы становятся реальным противовесом исследованиям англо-американских советологов, которые, выдвигая лозунг «действенной альтернативы идеям социализма», постоянно использовали произведения Б. Пастернака (роман «Доктор Живаго», 1958), А. Солженицына и даже Е. Замятина как важное средство антисоветской пропаганды и идеологической борьбы. Кроме того, американские советологи, как, например, Э. Браун, стремились противопоставить в рамках советской литературы писателям, принявшим Октябрьскую революцию, «главных советских писателей», которыми в его книге оказываются Е. Замятин, Б. Пильняк, Ю. Олеша, И. Бабель³⁵. Важной становится и обратная тенденция: начиная с

³⁵ Это происходит, например, в следующих изданиях: Major Soviet Writers: Es-

конца 1970-х гг. , когда выходят в свет известные, крупные по своим масштабам исследования англо-американских русистов, отечественные литературоведы также начинают принимать их во внимание и опираться на них в течение 1980-х и особенно 1990-х гг. Это касается исследований по литературе эмиграции и так называемой «задержанной» литературе – творчестве В. Набокова, И. Бунина, М. Цветаевой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, И. Бабеля, Б. Пастернака, А. Платонова, В. Ходасевича, которое до 1990-х гг. замалчивалось на родине, но запрет был снят представителями русской диаспоры в Великобритании и США: оно широко популяризировалось «Новым журналом», Издательством имени А.П. Чехова, а затем его изучение было продолжено англо-американскими русистами, среди которых Б. Бойд, Р. Чэппл, Т.В. Эдвардс, В. Александров, Дж. Конноли, Т. Пахмусс, А. Аппель, Дж. Фостер, Д.Б. Джонсон, Дж. Бэйли, Э. Проффер, П. Стегнер, Д. Бетеа, С. Руди и др.³⁶ Важной особенностью и достижением 1990-х гг. явилась возможность свободной публикации произведений писателей русского зарубежья в нашей стране и образование в США многочисленных центров по изучению русской зарубежной литературы.

says in Criticism / Ed. by E. Brown. London, Oxford; New York, 1973; *Brown E. Brave New World*, 1984 and *We: an Essay on Antiutopia, Zamyatin and English Literature*. Ann Arbor, 1976.

³⁶ См.: об этом: Изучение русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.): Аннотированная библиография: сборники статей, библиографические и справочные издания / Отв. ред.: Т.Н. Белова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.

Литература

1. *Белова Т.Н.* В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Русское зарубежье: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 204–220.
2. *Белова Т.Н.* Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Шестых Андреевских чтений. М.: ЭКОН-информ, 2008. С. 63–71.
3. *Белова Т.Н.* В.В. Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.
4. *Brown E.* Brave New World, 1984 and We: an Essay on Antitopia, Zamyatin and English Literature. Ann Arbor: Ardis, 1976. 61 p.
5. *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Изд-во «Независимая газета»; СПб.: Изд-во «Симпозиум», 2004. 928 с.
6. *Cross A.G.* Russian Theme in English Literature from the 16th Century to 1980. Oxford, G.B., 1985. 385 p.
7. *Вишняк М.В.* Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 48–52.
8. *Денике Ю.* Новые источники и их критика // Новый журнал. 1950. № 24. С. 259–264.
9. *Gettman R.A.* Turgenev in England and in America. Urbana, 1941.
10. *Гуль Р.* Двадцать пять лет // Новый журнал. 1967. № 87. С. 6–28.
11. *James H.* French Poets and Novelists. Leipzig: Tauchnitz, 1883. С. 211–231.
12. *Зайцев Б.* Михаил Осипович Цетлин // Новый журнал. 1946. № 14. С. 48–54.

13. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е): Аннотированная библиография: сборник статей, библиографические и справочные издания / Отв. ред.: Т.Н. Белова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.

14. *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 416 с.

15. *Милославская С.К.* И.С. Тургенев в оценке своих американских современников // Литература США. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 271 с.

16. *Мирский Д.П.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. Париж, 1927. № 2. С. 247–254.

17. Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. By E. Brown. London, Oxford; New York, 1973. 439 p.

18. *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 408 с.

19. *Nabokov V.* Lectures on Literature / Ed. Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1980, 512 p.

20. *Nabokov V.* Lectures on Russian Literature / Ed. Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1981. 440 p.

21. *Осипова Э.Ф.* Русская литература и литературная жизнь США // История литературы США. Литература начала XX в. Т. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 905–931.

22. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 382.

23. *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Изд. «Пушкинского фонда», 1993. 204 с.

24. *Трущенко Е.Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья // Русское литературное зарубежье. Сборник обзоров и материалов. Вып. 2. М., 1993. С. 143–162.

References

1. *Belova T.N.* V. Nabokov as an Investigator of Russian Literature: Peculiarities of his Critical Approach // *Russkoje Zarubezhje: Istoria i Sovremennost'* (Russian Emigration: History and Modernity). М.: INION RAN, 2013. P. 204–220.

2. *Belova T.N.* Gogol's Artistic World through the Prism of Nabokov's Postmodern Critique // The 20th Century Literature: Results and Prospects of Study. Materials of the Sixth Readings (Conference) in Honour of Leonid Andreyev. M.: Econ-Inform, 2008. P. 63–71.

3. *Belova T.N.* V.V. Nabokov as a Translator and Commentator of Pushkin's Poetic Novel "Eugene Onegin" // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.

4. *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton University Press, 1991. 928 p.

5. *Brown E.* Brave New World, 1984 and We: an Essay on Antiutopia, Zamyatin and English Literature. Ann Arbor, 1956.

6. *Cross A.G.* Russian Theme in English Literature from the 16th Century to 1980. Oxford, G.B., 1985.

7. *Denike Yu.* New Origins and Their Critics // *Novy Journal*. 1950. № 24. P. 259–264.

8. *Gettman R.A.* Turgenev in England and in America. Urbana, 1941.

9. Gul' R. Twenty Five Years // *Novy Journal*. 1946. № 13. P. 48–54.

10. *James H.* French Poets and Novelists. Leipzig: Tauchnitz, 1883. P. 220.

11. *Kaznina O.A.* The Russians in England. Russian Emigration in the Context of English-Russian Literary Relations in the First Half of the 20th Century. Moscow: Nasledije, 1997. 416 p.

12. Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. By E. Brown. London, Oxford; New York, 1973.

13. *Miloslavskaya S.K.* I.S. Turgenev's Appraisal by his American Contemporaries // *The USA Literature*. M.: Moscow University, 1973. 270 p.

14. *Mirsky D.P.* Death's Breathing in Russian Prerevolutionary Literature // *Versty*. Paris, 1927. № 2. P. 247–254.

15. *Nabokov V.* Lectures on Literature. Ed. Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1981.

16. *Nikolyukin A.N.* Literary Relations of Russia and the United States. The Rise of Literary Contacts. Moscow: Nauka, 1981. 408 p.

17. *Osipova E.F.* Russian Literature and Literary Environment in the United States of America // The History of American Literature at the Beginning of the 20th Century. Vol. 5. M.: IMLI RAN, 2009. P. 905–931.
18. *Struve G.* Russian Literature in Exile. N.Y., 1956.
19. Study of Russian Emigré Literature Abroad (1920–1990's), an Annotated bibliography: Monographs, Collections of Articles, Bibliographic and Reference Books / Chief ed.: T.N. Belova. M.: Moscow State University Press, 2002. 96 p.
20. *Tolstoy I.A.* Italics of the Epoch. Literary Notes. StPb.: Pushkin's Fund, 1993. 204 p.
21. *Truschenko E.F.* Gleb Struve and Russian Émigré Literature // Russian Émigré Literature. A Collection of Reviews and Essays (Materials). 2nd ed. M., 1993. P. 143–162.
22. *Vishnyak M.* Temptation of Patriotism // *Novy Journal*. 1946. № 13. P. 48–52.
23. *Zaytzev B.* Mikhail Osipovich Tzetlin // *Novy Journal*. 1946. № 14. P. 48–54.

Контрольные вопросы к первому разделу

1. Русско-американские связи в первой половине XIX в.: творческие контакты и первые переводы на английский язык.
2. Восприятие и оценка социально значимого творчества И.С. Тургенева в США (1860–1870-е гг.). Его литературный вклад в развитие американского социального романа.
3. Роль переводчиков – «почтовых лошадей просвещения» – в популяризации творчества Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова в Великобритании и США во второй половине XIX в.
4. Результаты двухсторонних контактов дореволюционных эмигрантов С.С. Степняка и С.С. Котелянского с английскими литераторами Л. и В. Вульфами, Д.Г. Лоуренсом и др. в первой трети XX в.
5. Академическая деятельность Д. Святополк-Мирского в Англии как научный базис изучения русской литературы на Западе (1920–1930-е гг.).
6. «Малая Россия» в Америке (1920–1930-е гг.) – деятельность русских эмигрантов, направленная на сохранение и развитие

отечественной культуры, национальных ценностей. Центры русской эмиграции. Журнальная и издательская деятельность.

7. Послевоенная эмиграция первой и второй волны в США (1940–1950-е гг.). Роль Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова, а также эмигрантов второй волны в изучении и популяризации русской литературы: редакционно-издательская, переводческая, преподавательская и научная деятельность.

Раздел II.

Многоаспектный вклад В.В. Набокова в становление англо-американской русистики в 1930–1960-е гг. как переводчика и комментатора выдающихся произведений русской литературы, академического исследователя и преподавателя американских университетов

1. В. Набоков – переводчик и комментатор произведений русской литературы. Его статьи о проблемах перевода

Как мы уже отмечали, в 1940–1950-е гг. русские литераторы, представители первой и второй волны, эмигрировавшие в США, вынужденные жизненными обстоятельствами, занялись преподавательской и научной работой в американских университетах и колледжах. Их обращение к академической деятельности привело к общему росту интереса к русской литературе как в США, так и на Западе в целом, а их литературно-критическая и литературоведческая деятельность стала важным вкладом в осмысление и оценку самого феномена русской литературы, причем не только специалистами, но и широкой читательской публикой.

Так, в 1940–1950-е гг. Набоков, будучи преподавателем американских вузов, серьезно занимается популяризацией русской литературы в США: он переводит на английский язык трагедию А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (*New Republic*, 1941), стихотворения Пушкина, Лермонтова и Тютчева, составившие антологию «Три русских поэта. Пушкин, Лермонтов, Тютчев» (1944). В 1958 г. им переведен роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а в 1959 г. – древнерусский шедевр «Слово о полку Игореве», и, наконец, в течение пятнадцати лет – с 1949 по 1964 г. – Набоков работает над переводом одного из самых выдающихся произведений русской

словесности – романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин», который вышел в Нью-Йорке в канун 165-й годовщины со дня рождения поэта в сопровождении обширного комментария, занявшего три с половиной тома издания [Eugene Onegin 1964]³⁷.

На мысль об английском переводе «Евгения Онегина» В. Набокова натолкнула его супруга, Вера Евсеевна, наблюдая, как в очередной раз, готовясь к лекции в англоязычной аудитории, негодующий Владимир Владимирович то и дело вносит свои поправки чуть ли не в каждую строчку рифмованного переложения этого романа, сделанного крайне небрежно по отношению к оригиналу.

По свидетельству самого Набокова, он был знаком с переводами «Евгения Онегина», выполненными англичанином Генри Споддингем (Лондон, 1881), американкой Бабеттой Дейч (Нью-Йорк, 1937), американцами Доротеей Радин и Джорджем Патриком (Берлин, 1937), французом Дюпоном и некоторыми другими.

В своих двух статьях, озаглавленных «Заметки переводчика», которые публиковались во второй половине 1950-х гг. в американских русскоязычных периодических изданиях «Новом журнале» (1957. № 49) и «Опытах» (1957. № 8), Набоков приводит множество курьезных ошибок и оплошностей в переводах «Евгения Онегина» на английский и французский языки.

Так, французский переводчик Дюпон, опубликовавший свой прозаический перевод «Евгения Онегина» в 1947 г., ничтоже сумняшеся пишет о Ленском: «с душою прямо гетевской» вместо «геттингенской». Поэтический перевод англичанина Оливера Элтона, приуроченный к столетнему юбилею поэта, Набоков характеризует как безграмотный и вульгарный. Он приводит такой пример: на именах у Лариных не барышни, а... «девки» (*wenches*) сидят почему-то на скамьях (*benches*), – по-видимому, исключительно для рифмы, – а «в гостиной слышно было как сопел тяжеловесный Пустяков, имея общение со своей тяжеловесной половиной» [Набоков 1998: 816].

³⁷ Eugene Onegin. A Novel in Verse by Alexander Pushkin / Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov: In 4 vols. N.Y., 1964. Более подробно см. об этом: Белова Т.Н. В.В. Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к книжевности и културе: међународни тематски зборник радова. Приштина: Косовска Митровица, Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.

Гораздо выше Набоков оценил перевод талантливой американской поэтессы Дейч-Ярмолинской (1936; 1943), однако и ей то и дело изменяет вкус: в угоду рифме и размеру она, по его словам, вносит в текст много «бездарной отсебятины». Так, из перевода Дейч следует, что Онегин «был воспитан там, где текут серые воды старой (!) Невы» (вместо «родился на берегах Невы»); слушая рассуждения этого героя о политической экономии, его отец «хмурился и стонал» (!), в то время как в оригинале:

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Свою концепцию художественного перевода Набоков выразил в теоретической статье «Искусство перевода» (1941), где он приводит несколько выразительных примеров неудачных переложений шедевров мировой литературы. По Набокову, самое невинное зло – это ошибки, допущенные по незнанию или непониманию, но самым непростительным грехом переводчика является стремление приглаживать и приукрашивать переводимое произведение, подлаживаясь под вкусы читателей, рядить его автора в собственные одежды.

В этой статье писатель как бы впускает читателя в свою творческую лабораторию, проводя своеобразный master-class и воочию представляя ему те невероятные сложности, которые ожидают переводчика пушкинской поэзии (как он считал, сравнимой по своей прозрачности, бурному кипению и мгновенному действию только с шампанским вином, но «русским шампанским») и с которыми он столкнулся сам, переводя первую строчку одного, по его словам, из величайших стихотворений Пушкина «Я помню чудное мгновенье», «так полно выражающую автора, его неповторимость и гармонию» [Набоков 1996: 420].

В написанном по-французски эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие», опубликованном к столетию со дня трагической гибели поэта в «La Nouvelle revue française» (Париж, 1937), Набоков не только представил французскому читателю свои воззрения на объективные трудности перевода пушкинской поэзии, но и предложил несколько собственных переводов его лирики на французский язык («Три ключа», «Не пой, красавица, при мне», а также одну онегинскую строфу «Зачем крутится ветр в овраге...» из неоконченной поэмы Пушкина «Езерский»).

Эти статьи и переводы оказались первыми вехами на пути к созданию гигантского по своим масштабам труда – аутентичному переводу романа в стихах «Евгений Онегин», снабженному превосходящим его во много раз комментарием – объемом свыше 1100 страниц. Созданию перевода и комментария к нему предшествовала пятнадцатилетняя напряженная исследовательская работа в библиотеках Корнельского и Гарвардского университетов, а также библиотек Нью-Йорка.

В предисловии к переводу «Евгения Онегина» Набоков развивает свою переводческую концепцию, отдавая предпочтение не парафразическому, а буквальному, подстрочному переводу, с большой степенью точности передающему ассоциативные и даже синтаксические особенности другого языка, истинное (т.е. аутентичное) значение слов оригинала. В «Заметках переводчика» Набоков пишет, что для передачи наиболее адекватного содержания он пожертвовал всеми формальными элементами: принес в жертву «гладкость» (она, по его словам, от дьявола), изящество, идиоматическую ясность, число стоп в строках, рифму и даже в крайних случаях синтаксис. По его мнению, переводчик должен понимать и принимать во внимание все авторские реминисценции, которые так трудно выразить поэтически и которые стали предметом исследования в его авторском комментарии: «...Я бы никогда не пустился в этот тусклый путь, если бы не был уверен, что внимательному чужеземцу всю солнечную сторону текста можно подробно объяснить в тысяча и одном примечании» [Набоков 1998: 817]. Смысл этой фразы заключается в следующем: то, чем пожертвовал или что неизбежно утратил Набоков-переводчик, достигает и успешно восполняет Набоков-исследователь – автор комментария. «Сперва мне еще казалось, – пишет Набоков, – что при помощи каких-то магических манипуляций мне в конце концов удастся передать не только все содержание каждой строфы, но и все созвездие, всю Большую Медведицу ее рифм, но на деле оказалось невозможным совместить точный перевод и рифмовку онегинской строфы» [Набоков 1998: 798].

Единственно, что сохранил Набоков, – это ямб, который, по его словам, послужил «незаменимым винтом для закрепления дословного смысла» [Набоков 1998: 798]. Он считает, что каким-то неведомым образом неодинаковость длины строк становится элементом мелодии.

Это замечание имеет прямое отношение к эссе, изданному А. Белым в 1910 г., с которым Набоков был хорошо знаком и дал ему высокую оценку, где анализируется связь между ритмом и размером, и делается вывод о том, что под поверхностью ямбической нормы в русской поэзии скрывается «журчащий» контрапункт. По словам новозеландского исследователя Б. Бойда, сорок лет спустя Набоков положил его в основу сравнительного анализа русского и английского стихосложения в своем «Евгении Онегине» [Бойд 2004: 426].

Однако эта музыкальная мелодия все же не сделала перевод Набокова поэтическим. В интервью с Олвином Тоффлером, опубликованном в журнале «Плейбой» в январе 1964 г., автор характеризует свой перевод как подстрочник – дословный и буквальный. Ради точности он «пожертвовал всем: грациозностью, музыкальностью, ясностью, хорошим вкусом, современным языком и даже грамматикой» [Набоков 1997: 163].

Перевод В. Набоковым «Евгения Онегина» вызвал бурную полемику и многочисленные дискуссии в американской прессе. Резко негативную оценку переводу дал Э. Уилсон, знаток русской литературы и друг Набокова, во многом способствовавший литературной и исследовательской карьере писателя. Это привело к неизбежному разрыву между ними. Вместе с тем эта полемика имела и положительную сторону: она привлекла всеобщее внимание к уникальному явлению русской литературы – поэтическому творчеству А.С. Пушкина, которое так много теряло в переводе на иностранные языки; это повышенное внимание англоязычных русистов вылилось в дальнейшем в появление многочисленных научных исследований о пушкинских произведениях и новых талантливых переводах его поэзии, в том числе и «Евгения Онегина» (например, Ч. Джонстона), поскольку фундаментальный комментарий Набокова к роману в стихах (в 4-х томах) убрал стену непонимания между ним, англоязычным читателем и критиком. А блестящая реконструкция Набоковым фрагментов «десятой главы» была полностью принята советскими учеными. В интервью, данном Альфреду Аппелю в сентябре 1966 г., Набоков еще раз выступает в защиту своих принципов перевода, изложенных в комментарии: поэтический перевод, претендующий на художественность, имеет результатом «истерзанного автора и обманутого читателя» [Набоков 2002: 198]. Цель настоя-

щего перевода – точная передача информации, достигаемая только в подстрочнике, снабженном примечаниями. В феврале 1966 г. Набоков пишет статью «Ответ моим критикам», опубликованную в журнале «Encounter» («Полемика»). Ряд авторитетных англо-американских ученых, таких как Дж. Бейли, Н.Б. Скотт и др., высоко оценили появление первого аутентичного перевода «Евгения Онегина» на английский язык, как и авторский комментарий. В «Заметках переводчика» Набоков пишет, что как автор он ручается за предельную точность своего перевода «Евгения Онегина», «основанного на твердо установленных текстах, но о полноте комментария, увы, не может быть и речи» [Набоков 1998: 809]. В действительности своим комментарием Набоков словно снял завесу, закрывавшую этот великолепный литературный памятник от англоязычного читателя и исследователя русской литературы, и тем самым включил это произведение в число мировых литературных шедевров и западную «пушкиниану».

Тексту перевода «Евгения Онегина» предшествует «Вступление переводчика», где обстоятельно освещаются различные аспекты, связанные, например, со структурой романа в стихах, которую Набоков характеризует как чрезвычайно оригинальную, замысловатую, но удивительно гармоничную, хотя русская литература в 1820-е гг. – годы создания «Евгения Онегина» (1923–1831) – только начиналась. Самому переводу предшествует подробный разбор каждой главы, образов основных персонажей, развитие каждой темы романа и степени участия в нем автора в качестве действующего лица или лирического героя, приводится хронология публикации глав «Евгения Онегина» в альманахах «Северные цветы», «Северная пчела» и т.д.

Читатель знакомится с юлианским календарем, по которому жила Россия до 1917 г.; Набоковым приводится разбор эпитафий, лейтмотивов и многоуровневых пародий. За текстом романа в стихах следует набоковский скрупулезный комментарий, способствующий более глубокому пониманию эпохи, ее культурологических реалий, контактных и чисто литературных связей и влияний. Не умаляя самобытности и оригинальности первого русского романа в стихах, Набоков подробно анализирует истоки пушкинских тем и образов, намеченные в западноевропейской литературе. В комментарии даются справки об упомянутых в романе поэтах и писателях,

исторических деятелях, многих произведениях русской и мировой литературы, включая и произведения самого Пушкина, литературных обществах и изданиях, приводятся сравнения с произведениями более поздних писателей, например Л. Толстого.

Взгляд Набокова на роман в стихах Пушкина отмечается особой оригинальностью и субъективностью. Если Белинский видел в этом произведении «энциклопедию русской жизни», то для Набокова «это прежде всего явление стиля», заключающее в себе «пестрые литературные пародии на разных уровнях» [Набоков 1998: 36].

Единственным существенным русским элементом романа, по его мнению, является лишь «язык Пушкина, вспыхивающий на волнах музыкальной мелодии, не сравнимый ни с чем в русской литературе» [Набоков 1998: 36]. Здесь в полной мере проявляется постмодернистское видение Набоковым литературного произведения, он улавливает у Пушкина то, что отвечает его собственным представлениям об истинно великом произведении литературы: это текстуальное гармоническое целое, входящее в систему предшествующей и последующей великой литературы, подобно звезде, удаленное от действительности, воплощающее в себе игровую стилистику и изысканные литературные фантазии автора, который, подобно Творцу, воссоздает новые удивительные миры. В связи с этой установкой Набоков подробно анализирует музыкальный инструмент великого русского поэта – онегинскую строфу, которая, по его мнению, начинается – как ода, а заканчивается – как сонет.

Особое место Набоков отводит изучению структуры произведения, которая представляется ему изощренно-оригинальной и в высшей степени гармонической. Для Набокова «Евгений Онегин» – это единое гармоническое целое, где восемь глав образуют «элегантную колоннаду», при этом первая и последняя связаны системой лейтмотивов, что создает эффект эха. Он находит явную симметрию не только в письмах Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне (3-я и 8-я главы), но и в элегии Ленского к Ольге (в 6-й главе). Весьма оригинально им решена проблема системы образов в романе: это три главных мужских персонажа – Онегин, Ленский и стилизованный Пушкин и три женских – Татьяна, Ольга и пушкинская Муза. Анализируя созданный в романе образ автора, Набоков подробно рассматривает связанные с ним моменты биографии поэта (любовные, лирические, ностальгические, меланхолические),

останавливаясь на некоторых его воспоминаниях, элементах философов и развития связанных с ними тем по главам.

Особенно важной представляется поднятая Набоковым проблема влияния произведений западноевропейской литературы на роман в стихах Пушкина. Набоков утверждает, что Пушкин, как и другие его современники, в совершенстве владевшие французским языком, знакомились с европейской литературой (английской, итальянской и др.) не непосредственно, читая произведения Шекспира, Мэтьюрина, Скотта, Байрона, Ричардсона в оригинале, а через французские переводы произведений этих писателей. Следуя этому утверждению, Набоков отыскивает в «Евгении Онегине» разветвленные параллели на уровне тем, образов, мотивов с многочисленными произведениями французской и английской литературы. Подобное утверждение вызвало негативный резонанс у ряда отечественных исследователей. Например, К. Чуковский в статье «Онегин на чужбине» (Дружба народов. 1988. № 4) пишет о выводах Набокова с явным укором, считая, что тем самым умаляются достижения русского гения. Другие пушкиноведы, например Старк, наоборот, отмечают, что реминисцентные параллели «Евгения Онегина» с произведениями Шатобриана, Парни, Руссо, Босюэ, Мэтьюрина позволяют взглянуть на этот роман в стихах в контексте европейского искусства конца XVIII – начала XIX в., как поэзии, так и прозы [Набоков 1998: 18].

Таким образом, энциклопедическая точность, глубина, а также масштабность сведений библиографического, лингвистического, литературоведческого, биографического, культурно-исторического и бытового характера, представленных в комментарии, прояснили и обогатили понимание этого произведения и самой личности Пушкина на Западе; многие англоязычные исследователи русской литературы считают, что это лучший из существующих комментариев к роману в стихах «Евгений Онегин», а некоторые, например английский русист Дж. Бейли, что это лучший из всех его переводов.

В 1977 г. вышел перевод «Евгения Онегина», выполненный англичанином Чарльзом Джонстоном, который, опираясь на перевод и комментарий Набокова, сумел создать уже парафрастический его перевод, сохранив и смысловую точность, воспроизведя даже звукопись внутри стиха! Подобный весьма удачный перевод, ду-

мается, вряд ли стал бы возможным без фундаментального труда В. Набокова.

Современные переводчики «Евгения Онегина», например Дж. Фаллен (США, 1990), С.Н. Козлов (Россия, 1994), на новом, более высоком уровне попытались решить проблему передачи звукообразов, естественного звучания русской речи, ее ритмико-интонационных особенностей. В одном из интервью Набоков говорил о том, что в произведении искусства происходит как бы слияние двух вещей – «точности поэзии и восторга чистой науки» [Набоков 1997: 139]. Этого слияния точности перевода с великолепно выложенной мозаикой его комментария он добился, в какой-то степени утратив поэтическую гармонию звучания онегинской строфы. Однако его уникальный труд стал неотъемлемой частью современной пушкинианы.

Набоков, имея в виду свои блестящие переводы классиков русской поэзии XIX–XX вв. (Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Ходасевича, Блока и др.), «Слова о полку Игореве» с обширным комментарием и англоязычное эссе «Николай Гоголь», либо в шутку, либо всерьез писал Э. Уилсону: «Россия никогда не сможет уплатить мне все свои долги» [Бойд 2004: 58]³⁸. Кроме того, в конце жизни, когда он добился мировой известности, почти все его русские романы и рассказы были спешно переведены на английский и многие европейские языки (французский, итальянский, шведский, норвежский и др.), а все его американские романы – на русский (в этом принимал участие он сам, его сын Дмитрий и др., а в 1990-х и российские переводчики), поэтому его творческое наследие стало доступно читателям всего мира.

Таким образом, Набоков сделал максимум возможного для популяризации русской литературы в США и тем самым создал надежный фундамент для развития англоязычной русистики (включая и свои лекции по литературе, которые были опубликованы только после его смерти).

³⁸ Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.; СПб., 2004. С. 458.

2. В. Набоков – академический исследователь русской литературы (особенности критического подхода). Его преподавательская деятельность в американских университетах и колледжах

Научно-исследовательская деятельность В. Набокова в области русской литературы не менее многогранна. Его литературно-критическое наследие очень обширно и разнообразно. Оно включает письменные лекции по русской и зарубежной литературе, прочитанные им в американских университетах и колледжах в 1940–1950-е гг. (общим объемом 2000 страниц), опубликованные спустя несколько лет после смерти их автора (1980; 1981), уже упомянутый нами фундаментальный почти четырехтомный комментарий (объемом в 1100 страниц) к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (его аутентичному переводу на английский язык, выполненному Набоковым) – плод пятнадцатилетней напряженной исследовательской работы в библиотеках Корнельского и Гарвардского университетов, а также Нью-Йорка (1949–1964 гг.); статьи о русской литературе, проблемах перевода, публиковавшиеся в 1930–1950-е гг. в европейских и американских журналах («Руль», «Современные записки», «Новый журнал», «Опыты», «La Nouvelle revue française», «Encounter» etc.), а также его объемное эссе о Н.В. Гоголе, вышедшее отдельным изданием в США (1944) на английском языке и затем переведенное на многие языки мира³⁹. Оно было заказано Набокову американским издателем Лафлиным и предназначалось прежде всего для американских студентов и аспирантов, изучающих русскую литературу и пытающихся разгадать «загадку» Гоголя. Необычная форма этого весьма пространный эссе, метафорический стиль изложения и резко полемический тон автора наводят на мысль о том, что его сверхзадачей была попытка не только заинтересовать американского студента «самым необычным поэтом и прозаиком русской словесности... в начале XIX в.» [Набоков 1966: 56], но и в весьма эксцентричной для критического исследования

³⁹ *Nabokov V. Lectures on Russian Literature* / Ed. and with an Introduction by Fredson Bowers. N.Y.; L., 1981; *Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin* / Translated from the Russian, with a Commentary by Vladimir Nabokov: In 4 vols. N.Y., 1964; *Nabokov V. Nikolay Gogol*. Norfolk, Connecticut: New Directions, 1944.

форме высказать свои уже сложившиеся в эстетическую систему взгляды художника на литературное творчество в целом.

К тому времени Набоков, автор девяти русскоязычных романов и одного англоязычного, написанного в Европе и вышедшего в 1941 г. в США («The Real Life of Sebastian Knight»), de facto стал предтечей того литературного направления, которое во второй половине XX в. получило название постмодернизм. И с высоты открывшихся перед ним новых художественных горизонтов Набоков обозревает творчество Гоголя, напрочь отменяя все то, что связывает писателя с романтизмом или натуральной школой, безоговорочно провозглашая его писателем абсурда. Важнейшим постулатом эссе, на наш взгляд, является следующее высказывание его автора: «...под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи» [Набоков 1996: 68].

По Набокову, художественное произведение должно приоткрывать непостижимые человеческим разумом трансцендентные тайны бытия, отсвет которых доступен только сознанию и интуиции художника.

Рассматривая сквозь эту призму творчество Гоголя, автор эссе пренебрежительно отзывается о его романтических произведениях 1830-х гг. («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»), критикуя их «оперную романтику и старомодный фарс» [Набоков 1996: 53], считая достойными внимания исследователя лишь его пьесу «Ревизор», повесть «Шинель» и эпическую поэму «Мертвые души», причем отказывая этим произведениям даже в малейшей степени приближения к реальности. Мир Гоголя, по мнению Набокова, – абсолютно далекий от реальной жизни «вывернутый наизнанку» [Набоков 1996: 33], «перевернутый» [Набоков 1996: 55] абсурдный мир, герои которого «реальны лишь в том смысле, что они реальные создания фантазии Гоголя» [Набоков 1996: 59]; в произведениях Гоголя, по мнению Набокова, не надо усматривать ни морального обличения, ни социальной сатиры.

Напротив, «Шинель» – это «гротеск и мрачный кошмар, пробирающий черные дыры в смутной картине жизни» [Набоков 1996: 124], где главный герой – ничтожный чиновник – оказывается единственным подлинно человеческим лицом среди круговорота масок, а за «грубо разрисованными ширмами» [Набоков 1996: 125] ощущается нечто «подлинное» [Набоков 1996: 125], «нездешнее» [Набо-

ков 1996: 126]. Набоков считает, что Акакий Акакиевич олицетворяет дух этого тайного, но подлинного мира, который просвечивает сквозь стиль Гоголя: он «призрак, гость из каких-то трагических глубин, который ненароком принял личину мелкого чиновника» [Набоков 1996: 126].

Таким образом, художник-критик усматривает в «Шинели» и других, более поздних творениях классика то двоимирие, которое стало основной структурной особенностью его собственных произведений, а также мотив потусторонности, насквозь пронизывающий его собственное творчество, о чем писали и В.Е. Набокова, супруга писателя, и Б. Бойд, и В.Е. Александров, и другие исследователи⁴⁰. Так, по мнению героя набоковского романа «Приглашение на казнь» Цинцинната Ц., «хваленая явь... есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания...» [Набоков 1990, 4: 100].

Этот близкий собственному мировоззрению писателя образ живого страдающего человека в кукольном мире «призраков, оборотней, пародий», имитирующих живую жизнь при помощи масок и декораций, проецируясь на «Шинель» Гоголя, помогает понять, что автор эссе улавливает в нем то, что видит своим внутренним зрением писатель-постмодернист: абсурдность окружающего недолжного мира и существование другого – «вольного и воздушного» мира, после которого «тесно дышать прахом нарисованной жизни» [Набоков 1990, 4: 100]. Как и Цинциннат Ц., Акакий Акакиевич оказывается «гостем из каких-то трагических глубин» потусторонности, куда оба героя впоследствии и возвращаются.

Утверждая, что абсурд был любимой музой Гоголя, Набоков постоянно проводит мысль о том, что сам писатель не понимал того, о чем писал. Он считает, что противники «Ревизора», усмотревшие в нем нападки на российскую государственность, «произвели на Гоголя гнетущее впечатление» и даже «возбудили у писателя манию преследования, которая... донимала его до самой смерти» [Набоков 1996: 69]. Высказывание Гоголя в эпилоге к «Ревизору» о том, что его персонажи – это страсти, живущие в нашей душе, а появляю-

⁴⁰ *Набокова В.Е.* Предисловие // Набоков В. Стихи. Ann Arbor, 1978. С. 3; *Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years.* Princeton, 1990; *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность. СПб., 1999.

щийся в конце пьесы настоящий ревизор – это человеческая совесть, вызывает у Набокова резкую отповедь: он упрекает писателя в полнейшем непонимании... (?) своего собственного произведения, в искажении его сути. Набоков даже подозревает Гоголя, называя его «странным большим человеком» в обмане, «к какому прибегают сумасшедшие» [Набоков 1996: 70]⁴¹.

Эта идея о сумасшествии Гоголя красной нитью проходит через все эссе [Набоков 1996: 69, 70, 71, 107, 110, 113], обрастая антиэстетическими подробностями, в частности, в его гротескных портретных характеристиках, в изображении методов его лечения и странностей его поведения, особенно по отношению к живым существам: черной кошке, которую он в детстве якобы задушил и закопал в землю, поскольку видел в ней нечто inferнальное (своей вертлявостью она напомнила ему исчадие ада – дьявола), и ящерицам, которых он, по словам Набокова, методически убивал в Швейцарии своей тростью. Надо сказать, что сомнения в душевном здоровье Гоголя высказывались уже его современниками: в некрологах (М.Н. Погодин, Н.Г. Чернышевский) и первых биографиях (П.А. Кулиш, В.И. Шенрок). Известный западный ученый-психиатр Ч. Ломброзо привел в пример Гоголя в своей книге «Гениальность и помешательство» (1863). В 1902 г., к 50-летию со дня смерти писателя появились подробные «патографии» Гоголя, принадлежащие Н.Н. Баженову и В.Ф. Чижу⁴². Созданный Набоковым образ «душевнобольного Гоголя» можно рассматривать в контексте патографий и психиатрических истолкований творчества, популярных на рубеже XIX–XX вв.

Набоков даже сравнивает болезненную реакцию Гоголя на восприятие пьесы «Ревизор» российской публикой с неадекватным поведением героя своего произведения, причем не называя его, где «одному сумасшедшему постоянно казалось, будто все детали ландшафта и движение неодушевленных предметов – это сложный код, комментарий по его поводу и вся вселенная разговаривает о нем при помощи тайных знаков» [Набоков 1996: 71], – т.е. художник

⁴¹ См. об этом: *Белова Т.Н.* Художественный мир Н.В. Гоголя сквозь призму постмодернистской критики В.В. Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Шестых Андреевских чтений. М.: ЭКОН-информ, 2008. С. 63–71.

⁴² См., например: *Сироткина И.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX – начале XX веков. М., 2008. С. 21–59.

бокове побеждает критика: он видит Гоголя и его творчество сквозь призму своих собственных образов, как уже воплощенных, так и ждущих своего воплощения.

В данном случае это мог быть и образ Германа из уже вышедшего русском языке романа «Отчаяние» (Париж, 1934), весьма неадекватно воспринимающего детали окружающего мира, и ннящего себя северным королем в изгнании душевнобольного эмигранта Кинбота-Боткина из будущего романа «Бледное пламя», тематически тесно связанного с его незаконченным романом, две главы которого – «Solus Rex» (1940) и «Ultima Thule» (1942) – были уже напечатаны. Этот роман, по словам Набокова, должен был отличаться новым «качеством расцветки, диапазоном стиля, чем-то не поддающимся определению в его мощном подводном течении», о чем он пишет в «Предисловии» к английскому переводу рассказов «Ultima Thule» и «Solus Rex»⁴³. Кроме того, это также может быть образ психически больного молодого человека из рассказа Набокова «Знаки и символы» (1948 г.), которому все время кажется, что окружающие его предметы и детали пейзажа пытаются сообщить ему нечто очень важное, но он, к сожалению, не способен понять это зашифрованное послание, что и доставляет ему сильные душевные страдания.

Итак, Набоков создает в своем эссе гротескный образ писателя – душевнобольного человека, абсолютно беспомощного перед всеми жизненным проявлениями, казнимого врачами, обречшими его на медленную мучительную смерть. Не случайно эссе предпослан эпиграф из «Записок сумасшедшего» Гоголя, как бы предвидевшего свой ужасный конец: «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня?»... и т.д. [Набоков 1996: 30], т.е. реальный Гоголь и созданный им образ Поприщина как бы сливаются в сознании Набокова воедино.

Возникает вопрос, почему в эссе складывается именно такой образ писателя? Во-первых, подобный неканонический гротескный образ Гоголя надолго, если не навсегда, останется в памяти западного читателя и, думается, способен пробудить живой интерес к его причудливым творениям; во-вторых, маргинальность этого образа отвечает художественным задачам Набокова-писателя, как прави-

⁴³ В.В. Набоков: Pro et contra. Антология. СПб., 1997. С. 104.

ло избирающего для своих произведений образы героев-маргиналов, изгоев общества, зачастую с явными нарушениями психики (в 1930-е гг. – Лужин, Герман, а в 1950–1960-е – Пнин, Г. Гумберт, Кинбот-Боткин и др.); в-третьих, установив таким образом абсолютную отрешенность Гоголя от мира идей и реальной жизни, Набоков с полным основанием перемещает его в перевернутый зеркальный мир творчества, заставляя его воображение созерцать не то, что происходит с персонажами, – по мнению критика, «сюжет “Ревизора” так же не имеет значения, как и все сюжеты гоголевских произведений» [Набоков 1996: 57], – а «бесцельную фантазию» [Набоков 1996: 82] ирреального потустороннего мира, прорывающегося сквозь фон произведения, который и есть «подлинное царство Гоголя» [Набоков 1996: 66].

Далее, говоря о четырехмерности гоголевской прозы [Набоков 1996: 128], Набоков пишет о возникающих в ней «тнях, сцепляющих нашу форму бытия с другими формами и состояниями» [Набоков 1996: 127], – «тнях других миров», проходящих в произведениях истинного писателя «как тени безымянных и беззвучных кораблей» [Набоков 1996: 130]. Таким образом, по мнению критика, лучшие произведения мировой литературы, как и произведения Гоголя, открыты в инобытие, в них ощутим тонкий параллельный, но истинный, реально существующий мир, поистине прекрасный, «полный нежности, красок и красоты»⁴⁴, в то время как внешний мир действительности, абсурдный, неправильно устроенный, недостойный человека мир, не может и достоин быть предметом искусства, и его не надо искать в произведениях настоящего художника.

Конечно же, Набоков был сыном своего времени, и это время, как справедливо отметил Джон Апдайк, в литературе, где тон задавали «новые критики» с презрительным отношением к общественным проблемам, с верой в неангажированность художника, в то, что вся информация содержится в самом произведении, стало «благодарным театром для набоковских идей»⁴⁵. Вместе с тем Апдайк, верно характеризуя специфическую особенность Набокова и как художника и как литературного критика, добавляет, что тот требовал от своего искусства и от искусства других *«чего-то лишнего* (выде-

⁴⁴ *Набоков В.* Предисловие к роману «Bend Sinister» // В.В. Набоков: Pro et contra. СПб., 1997. С. 78.

⁴⁵ *Апдайк Дж.* Предисловие // Владимир Набоков. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 20.

лено нами. – Т.Б.) – росчерка миметической магии или обманчивого двойничества – сверхъестественного и сюрреального⁴⁶.

Таким образом, разделяя формальные позиции «новой критики», Набоков вносил в свои критические исследования аромат и собственно художнического видения мира, которое по сути было пост-модернистским. Например, он пишет: «Петербург никогда не был настоящей реальностью, но ведь и сам Гоголь, Гоголь-вампир, Гоголь-чревоушатель, тоже не был до конца реален» [Набоков 1996: 38].

Анализируя стиль гоголевских произведений, преимущественно «Шинели», «Ревизора» и «Мертвых душ», Набоков, с одной стороны, подходит к исследованию как критик-формалист, считая, что эти произведения, «как всякая великая литература, – это феномен языка, а не идей» [Набоков 1996: 131]. Подобно Творцу, Гоголь создает материю слова из хаоса: повесть «Шинель», по его словам, «развивается так: бормотание, бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, фантастическая кульминация, бормотание и возвращение в хаос, из которого все возникло. На этом сверхвысоком уровне искусства литература, конечно, не занимается оплакиванием судьбы обездоленного человека или проклятиями в адрес власть имущих» [Набоков 1996: 130].

С другой стороны, особый интерес Набокова вызывают развернутые разветвляющиеся метафоры Гоголя, где «словесные обороты создают *живых людей*» (выделено нами. – Т.Б.), при этом возникающие из небытия «побочные характеры... в его романе оживлены всяческими оговорками, метафорами, сравнениями и лирическими отступлениями» [Набоков 1996: 83].

Например, в «Мертвых душах» круглое лицо Собакевича, похожее на тыкву, вызывает в памяти гоголевского рассказчика образ двухструнной балалайки-горлянки, и тут же мгновенно его ассоциативная память творит образ «ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья» [Набоков 1996: 85].

Приводя в своем эссе данную цитату и анализируя это волшебное превращение тыквы в яркую картинку российской жизни,

⁴⁶ *Андайк Дж.* Предисловие // Набоков Вл. Лекции по зарубежной литературе. С. 20.

Набоков вслед за Гоголем характеризует подобный прием чисто метафорически, никак не связывая его с реальностью: «внезапно распахивается дверь, и в нее врывается могучий пенящийся вал поэзии, чтобы тут же пойти на снижение, или обратиться в самопародию, или прорваться фразой, похожей на скороговорку фокусника, которая так характерна для стиля Гоголя» [Набоков 1996: 126].

У него подобный прием, где *nature morte* внезапно оживает, повинуюсь ассоциативно-метафорической природе гоголевского гения, изливающего на читателя поток поэзии, источник которого – живая жизнь, вызывает ощущение чего-то смехотворного и в то же время нездешнего, потустороннего, постоянно находящегося где-то рядом – «комического и космического одновременно», при этом разница между этими двумя сторонами вещей «зависит от одной свистящей согласной» [Набоков 1996: 126] – вывод не только формалистского, но и постмодернистского толка. Таким образом, формальные позиции «новой критики», на которых стоит Набоков, дополняются его постмодернистским видением искусства как феномена, приоткрывающего тайны бытия, обнажающего существование параллельного мира, трансцендентно воздействующего на сознание художника. Вместе с тем, характеризуя творческую манеру Гоголя, Набоков неоднократно сравнивает его развернутые метафорические описания с гомеровскими [Набоков 1996: 84, 95] и даже проецирует на «Мертвые души» «интонацию и стилистику» [Набоков 1996: 87] «модернизированного» Гомера – джойсовского «Улисса». Действительно, Гомер, по словам Аристотеля, с помощью развернутой метафоры представлял неодушевленное одушевленным: «...вследствие одушевления изображаемое кажется действующим. Поэт изображает здесь все движущимся и идущим, а действие и есть движение»⁴⁷.

Как известно, Гомер, описывая даже бытовые предметы или части военного снаряжения, например щит Ахилла, вносит в статическое изображение фигур на нем дуновение живой жизни: словно запечатленные на движущейся кинематографической ленте, они оживают, динамично занимаясь привычным трудом пастушества или земледелия, торговлей, совершают ратные подвиги и даже пируют на свадьбе.

⁴⁷ *Аристотель*. Поэтика. Гл. 21 // Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб.: Алетей, 1996. С. 196.

Там же два града представил он ясновещивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вокруг их кричат, своему доброхотству каждый⁴⁸;
и т.д.

Итак, Гомер, внося стихию народной жизни в двухмерное изображение на щите, подменяет статическое описание не только трехмерным объемным, но творит его живым, движущимся во времени и пространстве: кружатся в плясках юноши, воздух наполнен веселыми звуками музыки, криками и спорами сограждан на торжище, причем передается даже само содержание их спора, т.е. создается побочный сюжет, взятый из знакомой и автору и его согражданам действительности, проникнутый настоящими страстями, чему способствуют глаголы: «клялся», «отрекался», «кричат» и др.

Та же стихия российской жизни, подобная родникам, пробивающимся из толщи земли, оживляя и обогащая основной сюжет, прорывается в пьесе «Ревизор» благодаря образам внесценических персонажей: это безудержный в своих эмоциях учитель истории, поведение которого подвергается негативной, но тоже весьма эмоциональной оценке в монологе Городничего, или целый рой министров, графов, князей, генералов и мчащихся курьеров («тридцать пять тысяч курьеров!») из монолога Хлестакова, о которых восторженно пишет Набоков; «дважды оживающие», по его словам, мертвые души Собакевича (Гоголем описаны основные моменты жизни соправшегося с колокольни Степана Пробки, извозом промышленлившего Григория Доезжай-не-доедешь и др.) или Плюшкина (тюремные злоключения его дворового человека Попова, домысленные Чичиковым). И здесь Набоков в высшей степени прав, говоря, что искус-

⁴⁸ Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990. С. 270–271.

ство слова Гоголя помогает «воскресить мертвецов» и создать их «нежные, теплые, полнокровные» образы [Набоков 1996: 99].

Метафорическим воплощением духа русского народа, живой жизни России в «Мертвых душах» явился образ несущейся «бойкой необгонимой птицы тройки»: «Чудным звоном *заливается* колокольчик; *гремит* и *становится* ветром разорванный в куски воздух; *летит* мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, *постораниваются* и *дают* ей дорогу другие народы и государства» [Набоков 1996: 105] (выделено нами. – Т.Н.).

В этом отрывке, который Набоков называет «скороговоркой фокусника» [Набоков 1996: 105], содержатся и размышления о будущей судьбе России, выраженные в метафорической форме, и та самая стихия движения, действия, которая переполняет все гоголевские лирические отступления и разветвленные метафоры при создании побочных сюжетов, а в пьесе «Ревизор» прорывается с помощью внесценических персонажей. Например, почтмейстер приводит Городничему отрывок из письма поручика: «Жизнь моя, милый друг, *течет*, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка *играет*, штандарт *скачет*»... [Набоков 1996: 62]. В монологе Хлестакова «сторож *летит* еще на лестнице» за ним со щеткой, чтобы почистить ему сапоги, суп из Парижа *везут* на пароходе и т.д. (выделено нами. – Т.Н.). Все эти глаголы – *летит*, *течет*, *играет*, *мчит-ся*, *скачет*, *гремит*, *заливается* – и есть тот пенный вал поэзии, о котором писал Набоков, как и у Гомера, волшебным превращающий простое описание в живое действие. Таким образом, рой внесценических образов в «Ревизоре», которые показаны в действии, сообщает ей, как, например, и пьесе Грибоедова «Горе от ума», огромную глубину, четвертое измерение, т.е. обеспечивает выход к реальной народной жизни, что очень оживляет ее действие и, как справедливо отметил Набоков, делает ее чрезвычайно сценичной [Набоков 1996: 66]. Но он, как правило, отмечает в произведениях Гоголя только то, что отвечает его собственным творческим принципам: внесценические персонажи (в том числе и «сюрреалистические», по его словам, огурцы, проступающие на записке городничего, наспех написанной на трактирном счете Хлестакова) неожиданно названы «потусторонними существами» [Набоков 1996: 64, 67], пьеса «Ревизор» – «государственным призраком» [Набоков 1996: 68], а негероический герой поэмы «Мертвые души» Чичиков – «посланником

сатаны, спешащим домой в ад» [Набоков 1996: 104], «призраком, прикрытым мнимо пиквикской округлостью плоти, который пытается заглушить зловоние ада... ароматами» [Набоков 1996: 90].

По-видимому, не без влияния этого inferнального образа, который, как считает Набоков, олицетворяет пошлость – «одно из главных отличительных свойств дьявола» [Набоков 1996: 80], им по аналогии с «гоголевским лейтмотивом “округлого” в пошлости» [Набоков 1996: 81] был создан образ «безбородого толстячка» [Набоков 1990, 4: 33] мсье Пьера с пухлыми ручками [Набоков 1990, 4: 124] и «жирными плечиками» [Набоков 1990, 4: 127], также распространяющего «свойственное ему зловоние» [Набоков 1990, 4: 92]. Как и Чичиков, он воплощает лоск и пухлость пошлости [Набоков 1996: 78]. Но в отличие от Чичикова, только скупающего мертвые души, т.е. имена умерших крестьян, по ревизским сказкам числящихся живыми, мсье Пьер – палач, приехавший лишить Цинцинната Ц. жизни. Вместе с тем он постоянно охотится за живой душой Цинцинната, ищет его дружбы, расположения, предлагает, как и положено дьяволу, свои услуги в обмен на душу, соблазняет «далями чувственных царств» [Набоков 1990, 4: 88], прежде чем тот без боязни «предастся» ему «на всю смерть» [Набоков 1990, 4: 101]. Подобно Чичикову, он такой же «мнимый херувим» «с гладкими как атлас» щеками [Набоков 1996: 90] и с сахарной улыбкой и одновременно, как и Чичиков, – «импотент, подобно всем недочеловекам Гоголя» [Набоков 1996: 91]: это видно из сцены его общения с Марфинькой. Интересно, что внутреннее устройство чичиковской шкапулки, подробно описанное Гоголем, символизирует для Набокова «круг ада и точную модель округлой чичиковской души» [Набоков 1996: 90]; по аналогии футляр палача мсье Пьера, заключающий в себе топор, являет собой его «гнездышко» [Набоков 1990, 4: 94], т.е. «гнездышко» его души.

Если Чичиков только напоминает Набокову гусеницу-древоточца с белым и жирным телом [Набоков 1996: 90] и кольчатого червя [Набоков 1996: 80], то мсье Пьер в конце романа фантастически уменьшается в своих размерах, и его, как личинку, уносит на руках женщина в черной шали, по-видимому символизирующая смерть. Да и сам «кругленький Чичиков» превращается «в крутящегося волчка» [Набоков 1996: 105]. Так оба посланца ада, воплощение по-

шлости в романах Гоголя и Набокова, оказываются возвращенными «своей природной стихии» [Набоков 1996: 123].

Подобное метафорическое прочтение произведений Гоголя Набоковым с его ассоциативностью и интуитивизмом и соотнесение набоковских и гоголевских образов в этом эссе позволяют говорить о сплаве в нем литературно-художественной и литературно-критической мысли, что весьма характерно и для художественных произведений Набокова, например его романов «Дар» или «Истинная жизнь Себастьяна Найта», которые также несут на себе отпечаток эстетики постмодернизма⁴⁹. Об этом же говорит и его свободная и раскованная манера изложения, подчас эпатирующая читателя, специфически лично-окрашенная, особенно тогда, когда Набоков выступает против откровенного морализаторства, дидактики: так, сатирически изображая Гоголя последних лет, Гоголя – религиозного проповедника, Набоков пишет, что в «Выбранных местах» он «словно перевоплощается в одного из своих восхитительно гротесковых персонажей» [Набоков 1996: 115] и даже сравнивает его жажду власти над душами современников с непомерными желаниями «жены рыбака в сказке Пушкина» [Набоков 1996: 107]. В соответствии с эстетикой постмодернизма Гоголь – моралист и религиозный проповедник – изображен как одинокий маргинальный герой, душевнобольной, уверенный в своей «магнетической мощи» [Набоков 1996: 107] и одновременно одержимый маниакальной идеей переустройства общества, т.е. в эссе шаг за шагом происходит его деканонизация, разрушение стереотипов его литературной репутации, выполненные Набоковым удивительно страстно и эмоционально. Так, с большой долей сарказма критик пишет: «Он использовал свое выгодное положение посланца Божьего в сугубо личных целях – например, когда отчитывал прошлых обидчиков» [Набоков 1996: 113], имея в виду критика Погодина или писателя Аксакова. Автор эссе постоянно повторяет, что Гоголь «отстал от века», его «магический кристалл помутнел» [Набоков 1996: 122], «он уже не умел создать новую художественную ткань» [Набоков 1996: 120] и т.д. Начав эссе с того, что Гоголь умер 4 марта 1852 г., Набоков заканчивает свое произведение датой его рождения – 1 апреля 1809 г.

⁴⁹ Оба эти романа также отличает высокая степень интертекстуальности, «цитатное мышление»; они ориентированы на игру с читателем, рассчитывают на его соавторство; каждый из них – это роман о создании романа, а герои-рассказчики имеют своих двойников и т.д.

Зеркально переставив дату рождения и смерти писателя, критик как бы поворачивает поток жизни Гоголя вспять, заставляя и себя и читателя увидеть предмет исследования в необычном ракурсе, в совершенно ином свете, характерном, по его мнению, для «перевернутого мира Гоголя» [Набоков 1996: 55]. Обратная перспектива позволяет читателю осознать, что распад личности и физическая смерть Гоголя-человека уже не имеют никакого значения – важна лишь дата его рождения, которую обессмертили его гениальные произведения.

Как критика-постмодерниста Набокова привлекает и эффект симульганности, который он усматривает в «Ревизоре»: «Пьеса начинается с ослепительной вспышки молнии и кончается ударом грома. В сущности, она целиком умещается в напряженное мгновение между вспышкой и раскатом» [Набоков 1996: 59]. Особый восторг у него вызывает образ новорожденного сына трактирщика, который, по словам Бобчинского, «такой пребойкий мальчик, будет так же, как и его отец, содержать трактир» [Набоков 1996: 63]. Характеризуя этот гоголевский сюжетный прием, Набоков пишет: «Обратите внимание, как новорожденный и еще безмыанный Власович умудряется вырасти и в секунду прожить целую жизнь» [Набоков 1996: 63]. Ведь для него самого жизнь лишь краткое мгновение, «щель слабого света между двумя идеально черными вечностями» [Набоков 1990, 4: 135]. Отголоски своей философии бытия он стремится найти в произведениях Гоголя, мир которого, по его словам, отвечает современным концепциями физики: «Вселенная – гармошка» или «Вселенная – взрыв» [Набоков 1996: 127], таким образом метафорически осмысливая художественную специфику его произведений, непохожих на произведения других авторов, в которых отражены «спокойно вращавшиеся, подобно часовому механизму, миры прошлых веков» [Набоков 1996: 127].

Новаторство Гоголя Набоков усматривает и в его импрессионистических открытиях прежде неизвестных литературе цветовых гамм, и в его словотворчестве, столь близком ему самому, создавшему целый ряд неологизмов, как-то: «нетки», «нимфетка», а в данном эссе – и глагол «гоголизироваться» [Набоков 1996: 127]. Так, в устах гоголевских чиновников названия игральных карт ласково искажаются: «черви» становятся «червоточиной», «пики» превращаются в «пикенции», «пикендрасы», «пичуры» или «пичурущуха». С большим удовольствием разбирая их морфологию по известному

принципу «глокая куздра», Набоков усматривает в них латинские и греческие окончания и даже – ассоциативно – «орнитологический оттенок», причем в последнем примере птица, по его словам, «превращается уже в допотопного ящера, опрокидывая эволюцию видов» [Набоков 1996: 88], т.е., как бы следуя гоголевским принципам, он из придуманного слова сам создает побочный сюжет – зазеркальный катастрофический сдвиг в эволюции видов, при этом делая совершенно неожиданный для своей творческой концепции вывод: эти слова придуманы Гоголем, чтобы «показать умственный уровень тех, кто ими пользуется» [Набоков 1996: 88], – т.е. явно типических представителей мира чиновников.

Таким образом, вопреки своей концепции о «хаосе мнимостей» [Набоков 1996: 125], составляющих мир Гоголя, «творящего жизнь из ничего» [Набоков 1996: 119], об иррациональном, потустороннем мире, просвечивающем в его произведениях, и героях-призраках, Набоков время от времени дает читателю понять, что Гоголь все же «творит жизнь», создает «нежные, теплые, полнокровные» образы «живых людей». В более позднем эссе о Л. Толстом, вошедшем в его книгу «Лекции по русской литературе», он напишет: «Кстати говоря, вся история художественной литературы в ее развитии есть исследование все более глубоких пластов жизни» [Набоков 1996: 246]. Позднее Набоков назвал свое эссе о Гоголе очень поверхностным⁵⁰, стремясь, на наш взгляд, во время его создания выглядеть сверхоригинальным с целью эпатировать несведущего читателя.

Итак, рассматривая творчество Гоголя сразу с нескольких позиций, эклектически сочетая сразу несколько критических подходов (биографический, психологический, формальный и постмодернистский), Набоков одновременно оценивает его и как художник, который мыслит образами, метафорически характеризуя новаторство Гоголя и мысленно соотнося и образ самого писателя и его творчество с образами, порожденными им самим. И хотя во главу угла Набоков-критик поставил мысль об иррациональности гоголевской прозы, несвязанности ее с российской жизнью, устремленности в потусторонний мир инобытия, Набоков-художник все же интуитивно-метафорически ощущает в ней поэзию живой народной жизни, воспетой великим классиком.

⁵⁰ *Набоков В.* Заметки переводчика // *Опыты.* N.Y., 1957. № 8. С. 45.

Аналогичные принципы критического подхода отчетливо прослеживаются и в его «Лекциях по русской литературе», опубликованных уже после смерти их автора, хотя само их соотношение меняется в пользу более традиционных способов анализа: возрастает роль культурно-исторического подхода, шире используется биографический метод исследования, все большую роль играет анализ художественного текста, стилевых особенностей писателя, его новаторских находок, да и само исследование выглядит гораздо более традиционным (Набоков подробно анализирует сюжетную канву и композицию произведений, тип героя, его отношение к действительности и т.д.).

Вместе с тем, будучи «литературоведом поневоле»⁵¹, исследователь редко представляет полную, объективную картину творчества того или иного русского писателя: он, как правило, находится в плену своих творческих пристрастий, и зачастую его оценки грешат излишней субъективностью.

Так, в иерархии русских прозаиков XIX в., которую предлагает Набоков-исследователь: «Толстой – Гоголь – Чехов – Тургенев», не нашлось места самому известному в XX в. на Западе русскому классику Ф.М. Достоевскому. В лекции, посвященной его творчеству, ставя перед собой цель «развенчать» его как писателя [Набоков 1996: 177], Набоков использует преимущественно биографический способ исследования, привлекая на свою сторону даже критиков фрейдистского толка (о которых он обычно отзывается презрительно), неоднократно отмечавших автобиографический момент в отношении героя Достоевского Ивана Карамазова к убийству своего отца: и сам писатель, по их мнению, страдал похожим комплексом вины. Исследователь постоянно подчеркивает, что житейские невзгоды, преследовавшие Достоевского, душевные и физические муки, удары судьбы (смертный приговор, отмененный лишь на эшафоте, годы каторги) сильно усугубили его недуги: неврастению, эпилепсию – и вызвали крайне болезненное состояние духа. Это определило и выбор героя: Набоков составляет картотеку и анализирует «целую галерею неврастеников и душевнобольных» [Набоков 1996: 188], созданных Достоевским, отмечает его приверженность к «бо-

⁵¹ В своих лекциях Набоков не случайно делает следующее признание: «Во мне слишком мало от академического профессора, чтобы преподавать то, что мне не нравится» (*Набоков Вл. Федор Достоевский. 1821–1881 // Набоков Вл. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 176.*

лезненной форме христианства», и в литературе – к созданию «очень искусственной и совершенно *патологической* концепции, доходившей до крайней идеализации простого русского народа» [Набоков 1996: 179] (выделено нами. – Т.Б.).

Несчастливый брак, а затем любовная связь с «инферальной» женщиной еще более расстроили его неустойчивую психику; усугубляла это расстройство и страсть к карточной игре – «бич семьи», по замечанию Набокова. «Упоение собственным падением – одна из любимых тем Достоевского», – пишет исследователь. Мир Достоевского – это «серый мир *душевнобольных*, где ничего не меняется» [Набоков 1996: 199] (выделено нами. – Т.Б.), а его самые известные произведения, по мнению критика, лишены гармонии и красоты, поскольку создавались в условиях вечной спешки: писатель часто не имел возможности даже прочитать то, что надиктовывал стенографисткам, как язвительно замечает Набоков. Причем на всех его произведениях к тому же ясно ощутимо влияние сентиментальных и готических западных романов Ричардсона, А. Радклиф, Руссо, Э. Сю в сочетании с «религиозной экзальтацией, переходящей в мелодраматическую сентиментальность» [Набоков 1996: 181]. Таким образом, Достоевский, по словам Набокова, так ненавидевший Запад, оказывается самым европейским из русских писателей, что, по-видимому, и способствовало его успеху у западного читателя. А поскольку, замечает Набоков, «подлинная мера таланта есть степень непохожести автора и созданного им мира» [Набоков 1996: 185], то Достоевского он считает писателем посредственным, банальным и безвкусным, с его «упоеанием трагедией растоптанного человеческого достоинства» [Набоков 1996: 183], нездоровым интересом к распаду личности и подробностям преступления. В лекции Набоков обрушивает ураганный огонь критики на все известные романы Достоевского. Исключение составляет лишь его петербургская поэма «Двойник» (1846) – лучшая, по мнению Набокова, повесть писателя, значительно более совершенная, чем его первый роман «Бедные люди» (1845), который сразу же вызвал живой интерес читателей и критики и имел большой успех.

Повесть «Двойник» Набоков считает «совершенным шедевром»: она искусно изложена, «со множеством почти джойсовских подробностей», отличается «фонетической и ритмической выразительностью» [Набоков 1996: 183]. Современниками же повесть

была встречена весьма холодно⁵². Думается, что столь высокая оценка повести Достоевского кроется в первую очередь в том, что двойничество, зеркальность образов – необъемлемая часть эстетики постмодернизма, поэтому Набокову столь близок подобный тип антигероя⁵³ с его расщепленным сознанием, порождающим двойников, – тип, мастерски разработанный Достоевским⁵⁴, продолжившим тем самым романтическую традицию мировой литературы (Э.Т. А. Гофмана, Э. По и др.). Начиная с повести Набокова «Соглядатай» (1930) данный тип антигероя становится важной составляющей набоковской поэтики. Более того, подобное заглавие – «Двойник» – намеревался дать своей повести душевнобольной Герман Карлович, антигерой романа «Отчаяние» (1934), задумавший совершить «идеальное преступление», основанное на кажущемся лишь ему собственном сходстве с безработным Феликсом, – своего рода творческий акт, чтобы поправить финансовое положение, получив страховку. Однако его замысел терпит крах, потому что оказывается банальным и пошлым «плагиатом»: подобные преступления уже совершались; между ним и жертвой не оказалось ни малейшего сходства – это была лишь игра больного воображения (как и у г-на Голядкина в повести Достоевского), да и к тому же на месте преступления им была оставлена трость убитого с выжженным на ней именем владельца – безработного Феликса.

Обнаружив эту деталь в своих «Записках», Герман Карлович и называет свою повесть «Отчаяние».

Как и безумный г-н Голядкин, он страдает манией преследования: оба они верят, что у них есть враги, которые хотят их погубить. Тема сумасшествия лейтмотивом проходит через оба эти произведения, нарастая, причудливо развиваясь, в конце концов

⁵² По мнению тогдашней критики, «Двойник» – «скучен и вял», растянут донельзя. См. об этом: Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. М., 1964. С. 484.

⁵³ См. об этом: Злочевская А.В. Образ антигероя в повестях и рассказах Ф.М. Достоевского // Филологические науки. 1983. № 2. С. 22–29. Параллель Набоков и Достоевский рассматривается ею в статье: Злочевская А.В. Достоевский и В.В. Набоков // Ф.М. Достоевский и мировая культура. М., 1996. С. 72–95.

⁵⁴ Достоевский с гордостью писал о «величайшем типе по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником». См.: Достоевский Ф.М. Повести и рассказы: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1979. С. 10.

окончательно погружая их героев в бездну безумия. Как отмечал Набоков, Достоевский относится к тем редким писателям, которые предпочитают сумасшедших людям нормальным. Находясь в плену художественных открытий Достоевского⁵⁵, он также делает своих героев душевнобольными, склонными к психическим расстройствам и объатыми маниакальной страстью, также наделяя их двойниками. Это Г. Гумберт в «Лолите», двойником которого является К. Куилти; Кинбот-Боткин в «Бледном пламени» – эмигрант, неудавшийся филолог с раздвоенным сознанием, считающий себя свергнутым королем сказочной Земблы; неадекватный в своем поведении шахматный гений Лужин в романе «Защита Лужина»; Аква в «Аде» со своим двойником сестрой Мариной – и целый сонм второстепенных «зеркальных» персонажей его романов и рассказов (например, Сибил Шейд и Диза, герцогиня Больна; Джеральд Эмеральд и Изумрудов; сумасшедший убийца американского поэта Шейда Джек Грей и секретный агент-цареубийца Яков Градус и др. в его романе «Бледное пламя»).

Таким образом, сурово критикуя творчество Достоевского и тем не менее явно отталкиваясь от его произведений, Набоков, как справедливо отмечает его исследователь А. Долинин, перенимает у него не стиль, который он считал сентиментально-безвкусным, не способы построения характеров и сюжета (Набоков видел в них элементы пошлости, надрывности и «художественной неубедительности»), не идеи, которые Набоков отвергал, а лишь отдельные образы, приемы и мотивы⁵⁶.

Кроме того, утверждая высокую степень свободы художника от всевозможных догм и верований, привычных литературных канонов, Набоков вслед за Достоевским продолжает вводить в литературу табуированную ранее тематику (примерами могут служить тема педофилии в «Лолите», впервые прозвучавшая в творчестве

⁵⁵ Подробнее об этом см.: *Сараскина Л.* Набоков, который бранится // В.В. Набоков: Pro et Contra. СПб., 1997. С. 542–570. Исследовательница считает, что Набоков-писатель стремился вырваться из плена «совершенно безумных персонажей» и их автора, – зависимость, которую пытался «законспирировать» своими нападками Набоков-критик. (*Сараскина Л.* Набоков, который бранится... С. 568).

⁵⁶ *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: От «Соглядатая» – к «Отчаянию» // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 11.

Достоевского (образы Ставрогина и Свидригайлова), тема инцеста в «Аде», отношения сексуальных меньшинств в «Бледном пламени») и продолжает разрабатывать тип нетрадиционного героя-маргинала с его особым неадекватно-субъективным видением мира.

На первое место в череде русских прозаиков XIX в. Набоков ставит Л. Толстого, творчество которого, по его мнению, отличается «могучая хищная сила, оригинальность и общечеловеческий смысл» [Набоков 1996: 221]. В отличие от Достоевского, который в своих произведениях «упивался жалостью к униженным и оскорбленным», а сам вел жизнь весьма далекую от своих идеалов, считает Набоков, Толстой был «органически неспособен к сделке с совестью» [Набоков 1996: 223]. Правдоискательство, любовь к истине было для него дороже, чем «легкая, красочная блистательная иллюзия правды» [Набоков 1996: 224]. Вместе с тем он велик как художник, поскольку «открыл метод изображения жизни, который точнее всего соответствует нашему представлению о ней» [Набоков 1996: 224]. Толстой-автор, подобно Флоберу, невидим в произведении и в то же время вездесущ, как Творец во Вселенной. В романах русского писателя Набокова пленяет его «чувство времени, удивительно созвучное нашему восприятию» [Набоков 1996: 225], а также он выделяет две, на его взгляд, главные темы творчества Толстого – «жизнь и смерть», которые в наибольшей степени волновали самого Набокова-художника. Их он рассматривает с позиций эстетики постмодернизма, важной составляющей которой является восприятие смерти как рождения, которая всегда сопрягается с ощущением здешнего бренного мира как абсурдного хаоса. Этой мыслью пронизан роман Набокова «Приглашение на казнь», где герою, занесенному судьбой пришельцу из другого, потустороннего мира Цинциннату Ц., через казнь открывается высшая трансцендентная сущность бытия, а «мнимый мир» абсурдного хаоса (мир «призраков, оборотней, пародий») прошлой жизни гибнет, буквально рассыпаясь на глазах. И та же мысль о смерти как о новом рождении красной нитью проходит в его лекциях о романе Л. Толстого «Анна Каренина» и повести «Смерть Ивана Ильича».

Так, образ света, вспыхивающий перед глазами Левина после рождения его женой сына Мити и в мозгу Анны непосредственно перед самоубийством, по мнению Набокова, говорит о том, что «смерть – освобождение души. Поэтому рождение ребенка и рожде-

ние души (в смерти) одинаково сопряжено с тайной, ужасом и красотой. Роды Кити и смерть Анны сходятся в этой точке» [Набоков 1996: 247]. Набоков пишет, что для Толстого смерть – рождение души [Набоков 1996: 261]. Это в полной мере ощущает и его герой Иван Ильич, который вдруг понимает, что смерти нет: вместо смерти он видит приближающийся свет и чувствует рождение в себе – дотоле мертвом человеке – светлой прекрасной души.

В этой связи в исследовании В. Набокова о романе Л. Толстого «Анна Каренина» возникает еще одна очень важная для писателя-постмодерниста гуманистического типа тема – тема непреходящей ценности дома и семьи: ведь, как правило, постмодернистский герой обречен автором на бесприютное существование: достаточно вспомнить Лолиту и Гумберта, лишенных по воле автора родительского дома, годами колесящих по Америке; незадачливого «языковеда поневоле» Т. Пнина, переезжающего из одного колледжа в другой, и прочих его бесприютных героев-эмигрантов. В изображении Л. Толстым грозы и удара молнии в Колке, где находились Кити, няня и грудной Митя, Набоков видит, что, когда молния попала в дуб, а они остались невредимы, «силы природы отступили перед могуществом семейной жизни» [Набоков 1996: 250], умилительным символом которой для Набокова являются «мокрые пеленки» этого младенца.

Стиль Толстого, по мнению Набокова, «на редкость громоздкое и тяжеловесное орудийное средство» [Набоков 1996: 309]. Анализируя в своих комментариях к роману «Анна Каренина» стилистику его начала, Набоков, отмечает, что «слово дом (в доме, домочадцы, дома)» повторяется восемь раз в шести предложениях. По его мнению, «тяжеловатый и торжественный повтор дом, дом, дом» звучит «как погребальный звон над обреченной семейной жизнью (одна из главных тем книги)» [Набоков 1996: 284]. Подобных тонких, точных и глубоких наблюдений над особенностями стиля русских классиков невероятно много в его «Лекциях по русской литературе» и обширном комментарии к «Евгению Онегину».

Необходимо отметить, что Набоков-критик зачастую сугубо метафорически оценивает новизну и художественное качество анализируемых им произведений русской литературы XIX в., внося в свой способ анализа ассоциативность и интуитивизм, свойственные постмодернистскому методу исследования.

Так, характеризуя новизну искусства Гоголя, открывшуюся читателю в «Шинели», он пишет, что там «параллельные линии могут не только встретиться, но могут извиваться и перепутываться самым причудливым образом, как колеблются, изгибаясь при малейшей ряби, две колонны, отраженные в воде» [Набоков 1996: 128]. Эта «рябь на воде» и есть, по мнению Набокова, воплощение гоголевского изобразительного гения. А анализируя проблему относительности времени в романе «Анна Каренина» Л. Толстого, он приходит к выводу, что «размеренный ход жизни Облонского» и «величавый неукоснительный распорядок дня Каренина» создают два симметричных флигеля времени в здании романа [Набоков 1996: 273]. Вместе с тем «время» Левина вводится в хронологическую канву произведения «резкими рывками», что передает нервную, порывистую натуру героя. При этом, по подсчетам Набокова, разница между отстающим «духовным» временем семейной пары Левин – Кити и «физическим» временем треугольника Вронский – Анна – Каренин составляет в романе более года (где-то 14–15 месяцев), о чем сообщает собеседнику главный герой его романа «Пнин».

Метафорический стиль широко используется и при анализе творчества Тургенева, хотя чисто внешне критический подход Набокова в этой лекции в высшей степени традиционен: это по преимуществу культурно-исторический способ исследования⁵⁷. Лучшие образцы тургеневской «добротной, ясной, но ничем не выдающейся прозы» [Набоков 1996: 145] (выделено нами. – Т.Б.), считает Набоков, это, в основном, зарисовки природы, «больше напоминают

⁵⁷ Лекция о Тургеневе оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, Набоков-лектор добросовестно и с большой долей объективности рассказывает американским слушателям о творческом пути И.С. Тургенева, говоря о несомненных достоинствах его произведений и писательском мастерстве; с другой стороны, Набоков-критик время от времени едким саркастическим замечанием исподволь расшатывает его писательскую репутацию и зачастую сводит на нет славу известного (начиная с середины XIX в.) на Западе русского классика. Например, по словам Набокова, «Тургенев всегда излишне прямолинеен и недвусмыслен» (стр. 143), скучно и нудно объясняет, что он имел в виду, эпизоды его произведений кажутся «до боли искусственными» и т.д. (стр. 143). Набоков отмечает фальшь его «Стихотворений в прозе», неоригинальность множества тургеневских рассказов, банальные примитивнейшие сюжеты его произведений; делает вывод о том, что его искусство «невозможно сравнивать с суровым искусством Флобера» и что Тургенев «не великий писатель, хотя и очень милый» и т.д. (стр. 143).

акварели, нежели сочные ослепительные фламандские портреты из галереи гоголевских персонажей» [Набоков 1996: 139]. Размеренная проза Тургенева, по его мнению, великолепно приспособлена для передачи плавного движения, причем «та или иная фраза у него наминает ящерицу, нежашую на теплой, залитой солнцем стене, а два-три последних слова в предложении извиваются, как хвост» [Набоков 1996: 145], т.е. здесь происходит явная метафоризация набоковского критического текста.

Исследователь приходит к выводу, что лучшее в тургеневской прозе – русский пейзаж – получило «изумительное развитие в прозе Чехова» [Набоков 1996: 143]⁵⁸.

Анализируя творчество Чехова, Набоков обращает особое внимание на то, что важно и дорого ему самому, что в большей мере созвучно его собственному художественному мироощущению. Чехов дорог ему прежде всего как писатель-индивидуалист, не примыкавший ни к каким литературным и прочим группировкам, и вместе с тем творец совершенных гармонических произведений, которые, как и произведения Пушкина, навсегда останутся в сокровищнице русской и мировой литературы. Набоков пишет, что Чехов умел передать ощущение красоты бытия очень скупыми средствами: «разнообразием интонаций, мерцанием прелестной иронии, подлинной художественной скупостью характеристики, красочностью деталей» [Набоков 1996: 328]. Необходимо отметить, что и в своем собственном творчестве Набоков старался следовать тем же принципам художественной изобразительности.

Анализируя чеховский рассказ «Дама с собачкой», исследователь справедливо отмечает, что для Чехова как для истинного гения одинаково важны и поэзия и проза жизни, «одинаково дорого и высокое и низкое»: ломоть арбуза, который в самый романтический момент свидания ест Гуров⁵⁹, фиолетовое море (изображая летний вечер в Ялте, Чехов пишет: «вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса»); эта цитата приводится в исследовании Набокова [Набоков 1996: 332]), как

⁵⁸ Набоков в той же фразе ядовито замечает, что «худшее в тургеневской прозе нашло наиболее полное выражение в книгах Горького» (стр. 143).

⁵⁹ Исследователь добавляет от себя: «грузно усевшись и чавкая» (стр. 334; выделено нами. – Т.Б.). Подобная изобразительная деталь в рассказе Чехова отсутствует; она понадобилась Набокову-лектору, чтобы тем самым подчеркнуть, что даже безобразное, низкое под рукой мастера становится поэзией.

и описание Толстым рук губернатора, скромно сидящего в самой глубине ложи театра, – «все это существенные детали, составляющие “красоту и убогость” мира» [Набоков 1996: 338]. Кроме того, Набоков обращает особое внимание и на две стороны жизни Гурова: ложную, которая была явной: служба в банке, посещение клуба, социальные обязанности – и истинную, наиболее интересную, которая пряталась за этой ложью, – т.е. он видит в произведениях Чехова черты эстетики двоемирия, столь присущей его собственному творчеству.

Исследователь с удовлетворением отмечает, что рассказ не несет никакой особой морали, которую нужно было бы извлечь, и никакой особой идеи, которую нужно было бы уяснить, т.е. и здесь он выступает против откровенного морализаторства, дидактики, что в высшей степени свойственно писателям-постмодернистам, отрицающим присутствие какой-либо морализующей идеи в художественном произведении. Да и саму суть чеховского метода исследователь характеризует метафорическим образом: он считает, что рассказ Чехова основан на системе волн, на оттенках того или иного настроения: «Если мир Горького состоит из молекул, то здесь у Чехова перед нами мир волн, а не частиц материи, что, кстати, гораздо ближе к современному научному представлению о строении Вселенной» [Набоков 1996: 338].

Таким образом, перед нами яркий пример метафорическое осмысления специфики произведений Горького и Чехова, столь свойственного постмодернистскому подходу к прочтению художественного произведения с его ассоциативностью и интуитивизмом.

В набоковских лекциях нет отдельного раздела, посвященного творчеству А.С. Пушкина, но всегда и везде – в критических статьях, в обширном комментарии к роману в стихах «Евгений Онегин», в своих многочисленных интервью – Набоков возносит имя поэта на недостижимую высоту. Он по праву считает его родоначальником русской литературы, классической и современной: «кровь Пушкина течет в жилах новой русской литературы с той же неизбежностью, с какой в английской – кровь Шекспира»⁶⁰. «Животворный луч» пушкинского гения освещает и творчество самого Набокова: почти во всех его произведениях звучат пушкинские темы, мотивы, явно

⁶⁰ Набоков В. Интервью Альфреду Аппелю. IX. 1966 // Набоков о Набокове и прочем / Под ред. Н. Мельникова. М.: Независимая газета, 2002. С. 178.

ощутимы пушкинские подтексты⁶¹. Пушкинские традиции лейтмотивности, автоцитатности, автобиографичности⁶², пародийности, музыкальной и звуковой гармонии, о которых Набоков пишет в комментарии к Евгению Онегину», были творчески переосмыслены и развиты в его прозаических произведениях, где поэзия оказывается внутренней составляющей его прозы. Вместе с тем взгляд Набокова на это произведение Пушкина отмечен особой оригинальностью и субъективностью. Если Белинский видел в нем «энциклопедию русской жизни», то для Набокова-критика оно – «прежде всего явление стиля», заключающее в себе «пестрые литературные пародии на разных уровнях»⁶³. С точки зрения композиции он рассматривает роман в стихах Пушкина как единое гармоническое целое, где восемь глав образуют «элегантную колоннаду», при этом первая и последняя связаны системой лейтмотивов, что создает уникальный эффект эха – и это особенно импонирует художественно-эстетическим взглядам исследователя. Однако единственным существенным русским элементом романа, по его мнению, является лишь язык Пушкина, вспыхивающий на волнах музыкальной мелодии, не сравнимый ни с чем в русской литературе. Здесь в полной мере проявилось постмодернистское видение Набоковым литературного произведения: он улавливает у Пушкина только то, что отвечает его собственным представлениям об истинно великом произведении литературы. Это текстуальное гармоническое целое, входящее в систему предшествующей и последующей великой литературы, словно звезда, удаленная от действительности, воплощающее в себе игровую стилистику и изысканные литературные фантазии автора, который, подобно Творцу, воссоздает новые удивительные миры. «Фантазия бесценна лишь тогда, когда она бесцельна» [Набоков 1996: 82] – вот писательское кредо Набокова. Даже произведениям Толстого и Достоевского он отказывает в реализме, видя в их героях «прелестных кукол» [Набоков 1996: 279], а в самих писателях – лишь кукловодов.

⁶¹ Подробнее см. об этом: А.С. Пушкин и В.В. Набоков: Сб. докладов международной конференции 15–18 апреля 1999 г. СПб.: Дорн, 1999. См. подробнее там же: Белова Т.Н. Эволюция пушкинской темы в романном творчестве Набокова. С. 95–102.

⁶² См. об этом: Ходасевич В.Ф. Окно на Невский. А.С. Пушкин // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1997. С. 489–490.

⁶³ Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 36.

Таким образом, в своих трудах по русской литературе Набоков выступает в трех ипостасях: с одной стороны, как академический исследователь он стремится к объективному изложению материала, особенно если предмет исследования ему как художнику импонирует (лекции о Толстом, Чехове); вместе с тем иногда внешний академизм оказывается маской, как, например, в лекции о творчестве Тургенева: язвительные замечания Набокова, критика постмодернистского толка, зачастую приводят к противоположному результату и сводят на нет то позитивное, что он сказал об этом классике. Думается, что во всех критических исследованиях Набокова очевидно стремление дать эстетическую переоценку литературе русского реализма, заново переоценить личность и творчество каждого писателя с высоты Критика-Творца. Это отчетливо видно в его литературоведческих работах о Гоголе, Достоевском, отчасти Тургеневе и в том числе – в его художественном творчестве (например, в четвертой главе романа «Дар», где устами своего alter ego Ф. Годунова-Чердынцева Набоков ниспровергает с пьедестала художника и мыслителя Н.Г. Чернышевского и одновременно «использует в своей творческой практике наиболее оригинальные новации его экспериментальной поэтики»⁶⁴). Постмодернистское мироощущение Набокова-критика выразилось не только в этой глобальной переоценке ценностей, но и в ярком метафорическом стиле повествования, в его откровенно публицистической риторике (эссе о Гоголе, лекции о Достоевском и др.), той «экзальтированной страсти», с которой он говорил о произведениях русской литературы. Набоков не был критиком-профессионалом, прежде всего он был художником, поэтому, создавая свои лекции и эссе, он стремился к яркой эффектной манере изложения, которая часто подменяет строгость научной логики «метафорической эссеистикой», с ее ассоциативностью, интуитивизмом, игрой воображения, в связи с чем он пишет и о том, чего не было.

⁶⁴ Злочевская А.В. Художественный мир В. Набокова и русская литература XIX в. : генетические связи, типологические параллели и оппозиции: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. С. 36. В своей диссертации А.В. Злочевская обосновывает следующее утверждение: новации русских писателей XIX в. в области поэтики (Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова, Салтыкова-Щедрина) «предвосхитили и подготовили рождение феномена писателя Набокова» (стр. 5). О традициях русской прозы в творчестве Набокова см. также: *Целкова Л.Н.* Традиции русской прозы XIX века в романах Владимира Набокова 20–30-х годов и в романе «Лолита»: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.

Еще одна ипостась Набокова – это критик-формалист, стоящий на позициях влиятельной в 1940–1950-х гг. «новой критики» (работы о творчестве Пушкина и Гоголя). Он оказывается в той же степени «у времени в плену», сколь и Набоков-художник – предтеча постмодернизма – в плену зазеркалья собственного творчества: именно через этот «магический кристалл» он субъективно оценивает творчество Достоевского, провидческие художественные открытия которого оказались столь созвучными его искусству и вырваться из плена которых он уже не в состоянии, и потому столь яростно ниспровергает его творчество, как и его образ религиозного мыслителя и пророка. Однако наиболее близким по духу новаторства Набокову оказывается Пушкин, особенно его роман в стихах «Евгений Онегин»: «на чистейший звук» пушкинского камертона настроено творчество набоковского alter ego Ф. Годунова-Чердынцева, как и творчество самого писателя, который своими оригинальными исследованиями и точными переводами так много сделал для популяризации в англоязычном мире литературного наследия Пушкина и великой русской литературы в целом.

Хотелось бы отметить, что Набоков чрезвычайно болезненно относился к проблеме влияния на свое творчество кого-либо из известных писателей, обрушивая ураганный огонь критики на произведения Достоевского, отрицая свое знакомство с произведениями Кафки в момент написания романа «Приглашение на казнь» или очевидные аллюзии в ряде произведений с романом М. Пруста «В поисках утраченного времени». В интервью Мартину Эслину в 1968 г. Набоков высказался по поводу влияния на него писателей очень определенно: «Никто конкретно – ни живой, ни мертвый – на меня влияния не оказал» [Набоков 2002: 239]. Хотя некоторые произведения современных писателей («Петербург» А. Белого, роман Дж. Джойса «Улисс») Набоков считал величайшими достижениями прозы нашего времени [Набоков 2002: 215].

Продолжая эту мысль, Набоков признается, что, по его мнению, «неповторимый ослепительный дар гения» [Набоков 2002: 285] присущ только «полудюжине» писателей: это Гомер, Шекспир, Мильтон, Пушкин, Толстой, а из современных – Дж. Джойс, поэтому Чехова, Тургенева, Г. Джеймса он относит к разряду просто талантливых писателей. Про себя он сказал следующее: «Я мыслю,

как гений, пишу, как выдающийся писатель, и говорю, как дитя» [Набоков 2002: 416].

В отношении Шекспира Набоков замечает, что языковая ткань его произведений – высшее, что создано во всей мировой поэзии, и в сравнении с этим его собственные драматургические достижения отступают на второй план. Не в них сила Шекспира, а в его метафоре [Набоков 2002: 207]. Таким образом, по Набокову, метафоричность стиля – главная ценность художественного произведения, позволяющая отнести писателя к когорте гениев. Хотя он высоко ценит творчество Л.Н. Толстого, однако к его шедеврам исследователь относит только роман «Анна Каренина» и повесть «Смерть Ивана Ильича», считая, что в сравнении с ними сильно проигрывает «разухабистый» исторический роман «Война и мир», поскольку он длинноват, в нем присутствуют «громоздкие идеи, дидактические отступления, искусственные совпадения» [Набоков 2002: 286] и т.д. Набокову «невыносимы публицистические атаки Толстого», поэтому ему совсем не нравятся «Воскресение» и «Крейцерова соната» [Набоков 2002: 286]. Аналогично он не принимает морализаторский пафос Гоголя, «его религиозный фанатизм» [Набоков 2002: 275], т.е. выступает против социальной ангажированности художника.

Как академический исследователь Набоков стремится к объективному изложению материала, особенно если предмет ему как художнику импонирует (лекции о Толстом, Чехове). Вместе с тем иногда внешний академизм оказывается маской, как, например, в его лекции о творчестве Тургенева: язвительные замечания Набокова, критика постмодернистского толка, зачастую приводят к противоположному результату и сводят на нет то позитивное, что им было сказано об этом классике. Например, знаменитые тургеневские зарисовки природы он называет «добротной, ясной, но ничем не выдающейся прозой» [Набоков 1996: 145].

Во всех литературно-критических исследованиях Набокова очевидно и стремление дать эстетическую переоценку литературе русского и западного реализма, заново переоценить личность и творчество каждого известного писателя с высоты своей неповторимой индивидуальности Критика-Творца, тем самым не только поднявшись на уровень того или иного классика, но и даже глядя на него сверху вниз. В подобной надлитературной постмодернистской позиции и содержатся истоки того карикатурно-пародийного модуса

повествования, который столь отчетливо проявился в его литературоведческих работах о Гоголе, Достоевском, Тургеневе и др. Кроме того, постмодернистское мироощущение Набокова-критика выразилось не только в этой глобальной переоценке ценностей, но и в ярком метафорическом стиле повествования, в его откровенно публицистической риторике, зачастую в подмене научной логики «метафорической эссеистикой» с ее ассоциативностью, интуитивизмом, игрой воображения. Вместе с тем его ниспровергательный пафос отнюдь не может (хотя и должен был) скрыть следы влияния богатейшего наследия не только русской, но и мировой литературы, которая так причудливо резонирует в его самобытных произведениях.

Таким образом, благодаря своей плодотворной и масштабной просветительской деятельности в 1940–1960-е гг. в США в качестве переводчика, преподавателя и академического исследователя русской литературы, а также прославленного писателя, В. Набоков внес огромный вклад в становление англо-американской русистики в эти годы, чему также в большой мере способствовали его тесные дружеские контакты и контактные связи как с ведущими, так и с начинающими русистами в англоязычных странах Запада, например А. Аппелем, Э. Филдом, Б. Бойдом и другими, ставшими известными русистами и его биографами.

Литература

1. *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1999, 318 с.
2. *Андайк Дж.* Предисловие // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998, С. 9–22.
3. *Аристотель.* Поэтика. Гл. 21 // Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб.: Алетейя, 1996. С. 170–199.
4. *Белова Т.Н.* Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы Шестых Андреевских чтений. М.: ЭКОН-информ, 2008. С. 63–71.
5. *Белова Т.Н.* В.В. Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.
6. *Белова Т.Н.* В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Русское зарубежье: история и современность. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 204–220.
7. *Белова Т.Н.* Эволюция пушкинской темы в романном творчестве Набокова // А.С. Пушкин и В.В. Набоков: Материалы Международной научной конференции. СПб.: Дорн, 1999. С. 95–102.
8. *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
9. *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2004. 928 с.
10. *Гомер.* Илиада. Л.: Наука, 1990. 464 с.
11. *Долинин А.* Предисловие // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 9–41.
12. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. М., 1964. 385 с.

13. *Достоевский Ф.М.* Повести и рассказы: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1979. 264 с.
14. *Злочевская А.В.* Образ антигероя в повестях и рассказах Ф.М. Достоевского // Филологические науки. 1983. № 2. С. 22–29.
15. *Злочевская А.В.* Достоевский и Набоков // Ф.М. Достоевский и мировая культура. М., 1996. С. 72–95.
16. *Злочевская А.В.* Художественный мир В. Набокова и русская литература XIX в.: генетические связи, типологические параллели и оппозиции: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 48 с.
17. Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary by Vladimir Nabokov: In 4 vols. N.Y., 1964.
18. *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство – СПб.; ОКБ «Набоковский фонд», 1998. 928 с.
19. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / Пер. с англ. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
20. *Nabokov V.* Nikolay Gogol. Norfolk, Connecticut: New Directions, 1944. 172 p.
21. *Набоков В.В.* : pro et contra. Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997. 974 с.
22. *Nabokov V.* Lectures on Literature / Ed. by Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1980. 512 p.
23. *Nabokov V.* Lectures on Russian Literature / Ed. by Fredson Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1981. 440 p.
24. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.
25. Набоков В. Заметки переводчика // Опыты. N.Y., 1957. № 8. С. 36–49.
26. *Набокова В.Е.* Предисловие // Набоков В. Стихи. Ann Arbor, 1978. С. 3–6.
27. А.С. Пушкин и В.В. Набоков: Сб. докладов международной конференции 15–18 апреля 1999 г. СПб.: Дорн, 1999. 384 с.

28. *Сараскина Л.* Набоков, который бранится... // В.В. Набоков: Pro et contra. Антология. СПб., 1997. С. 542–570.

29. *Ходасевич В.Ф.* Окно на Невский. А.С. Пушкин // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1997. С. 489–490.

30. *Целкова Л.Н.* Традиции русской прозы XIX века в романах Владимира Набокова 20–30-х годов и в романе «Лолита»: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001. 356 с.

References

1. *Aleksandrov V.E.* (1999) Nabokov's Otherworld. St.-Petersburg. Aleteja Publ. 320 p.

2. *Aristotel.* Poetics. Ch. 21 // Graeco-Roman Theories of Style and Language (Texts' Aythology). St.-Petersburg. Aleteja Publ. 1996, P. 170–199.

3. *Belova T.N.* Gogol's Artistic World through the Prism of Nabokov's Postmodern Critique // The 20th Century Literature: Results and Prospects of Study: Materials of the Sixth Readings (Conference) in Honour of Leonid Andreev. Moscow. Econ-Inform Publ. 2008. P. 63–71.

4. *Belova T.N.* V.V. Nabokov as a Translator and Commentator of Pushkin's Poetic Novel "Eugene Onegin" // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова / [уредници Лариса Човић-Раздобудко, Николај Гарбовски], Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина, 2012. С. 60–67.

5. *Belova T.N.* V. Nabokov as an Investigator of Russian Literature: On Some Peculiarities of his Critical Approach // Russian Emigration: History and Modernity. Moscow. 2013. P. 204–220.

6. *Belova T.N.* The Evolution of Pushkin's Theme in Nabokov's Novels // A.S. Pushkin and V.V. Nabokov: Materials of the International Conference. St.-Petersburg. Dorn Publ. 1999. P. 95–102.

7. *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The Russian Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. 696 p.

8. *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton: Princeton Univ. Press, 1991. 928 p.

9. *Dolinin A.* Introduction // Nabokov V. Collected Russian Language Works: In 5 vols. Vol. 3. St.-Petersburg. Symposium Publ. 2000. P. 9–41.
10. *Dostoevsky F.M.* The Complete Works: In 30 vols. Vol. 1. Moscow. 1964. 385 p.
11. *Dostoevsky F.M.* Long-short Stories and Tales: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1979. 264 p.
12. Eugene Onegin. A Novel in Verse by Alexander Pushkin / Translated from Russian with a Commentary by Vladimir Nabokov: In 4 vols. N.Y., 1964.
13. *Homer.* Iliad. Leningrad. Nauka Publ. 1990. 464 p.
14. *Khodasevich V.F.* The Window Faces the Nevsky Prospekt. Pushkin // Khodasevich V.F. Collection of Works: In 4 vols. Vol. 1. Moscow. 1997. P. 487–490.
15. *Nabokov V.* Lectures of Russian Literature. Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev. Moscow. Nezavisimaya Gazeta Publ., 1996. 440 p.
16. *Nabokov V.* Pro et Contra. An Anthology. Vol. 1. St.-Petersburg. The Russian Christian Humanitarian Institute Press, 1997. 974 p.
17. *Nabokov V.* Commentary on A.S. Pushkin's "Eugene Onegin". St.-Petersburg. Iskusstvo – Spb Publ.; OKB "Nabokovskiy Fond", 1998. 928 p.
18. Nabokov on Nabokov and Others: Interviews, Essays, Reviews / Compiled and edited by N. Melnikov. Moscow. Nezavisimaya Gazeta Publ., 2002. 704 p.
19. *Nabokov V.* Lectures on Literature. Ed. F. Bowers. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1980. 512 p.
20. *Nabokov V.* Lectures on Russian Literature / Ed. F. Bowers. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark Publ., 1981. 440 p.
21. *Nabokov V.* Nikolay Gogol. Norfolk, Connecticut. New Directions, 1994. 172 p.
22. *Nabokov V.* Translator's Notes // Opyty. N.Y. 1957. № 8. P. 36–49.
23. *Nabokova V.E.* Preface // Nabokov V. Poems. Ann Arbor: Ardis. 1978. P. 3–6.
24. A.S. Pushkin and V.V. Nabokov: Materials of the International Conference. St.-Petersburg: Dorn Publ., 1999. 384 p.

25. *Saraskina L. V. Nabokov – the One Who Is Swearing // V.V. Nabokov. Pro et Contra. An Anthology. Vol. 1. St.-Petersburg. The Russian Christian Humanitarian Institute Press, 1997. P. 542–570.*

26. *Tselkova L.N. (2001) Traditions of the 20th Century Russian Prose in Vladimir Nabokov's of 1920–1930's and the Novel "Lolita". PhD Thesis. Moscow. 2001. 356 p.*

27. *Updike J. Introduction // Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. by F. Bowers. New York. Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark Publ., 1980. P. 17–27.*

28. *Zlochevskaya A.V. The Antihero's Image in Long-short Stories and Tales of F.M. Dostoevsky // Philologicheskije Nauki. 1983. № 2. P. 22–29.*

29. *Zlochevskaya A.V. Dostoevsky and Nabokov. In: F.M. Dostoevsky and the World Culture. Moscow. 1996, pp. 72–95.*

30. *Zlochevskaya A.V. (2002) V. Nabokov's Artistic World and Russian Literature of the 19th Century: Genetic Relations, Typological Parallels and Oppositions. The Synopsis of PhD Thesis. Moscow. 48 p.*

Контрольные вопросы ко второму разделу

1. Масштабная переводческая роль В. Набокова: переводы произведений русской классики, комментарии и статьи о принципах переводческой деятельности.

2. В. Набоков – приверженец «новой критики» в 1940-е – 1950-е гг. Положительные и отрицательные стороны подобного подхода.

3. Эссе В. Набокова «Николай Гоголь». Особенности критического метода.

4. Оценка В. Набоковым пушкинского шедевра – романа в стихах «Евгений Онегин».

5. В. Набоков – исследователь творчества Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

6. В. Набоков о творчестве И.С. Тургенева, А.П. Чехова и М. Горького.

7. Преподавательская деятельность В. Набокова в университетах и колледжах США.

Раздел III.

Доминирующие и детерминирующие факторы становления и развития англо-американской литературоведческой русистики в 1960–1980-е гг.: академическая «новая критика», советология и двухсторонние творческие и научные контакты между учеными СССР и англоязычных стран Запада

1. «Новая критика» в США как доминирующий академический подход к изучению литературы (1920–1950-е гг.). Роль мифологической критики в американском литературоведении (1940–1960-е гг.)

Одним из факторов, затруднявших объективное изучение произведений русской литературы в США в послевоенные годы, стало укоренившееся в 1940–1950-е гг. в американской академической среде литературоведческое направление структуралистского толка – «новая критика», отнюдь не способствовавшая ее глубокому и верному освоению, поскольку русская литература XIX и XX вв. в суровых условиях российской жизни всегда выступала на стороне «униженных и оскорбленных» и стала единственным общественным институтом и своеобразной трибуной, открыто выражавшей демократические запросы, насущные проблемы, думы и чаяния прогрессивно настроенной интеллигенции, как и части аристократии, обличавших деспотизм правящих классов и стремившихся в какой-то мере улучшить бедственное положение русского народа.

«Новая критика» («new criticism») зародилась в США еще в период Первой мировой войны как реакция на кризис либерального викторианского литературоведения конца XIX – начала XX в.

Она активно выступала против основных критических направлений исследования литературы второй половины XIX в.: позитивизма, культурно-исторической школы, а также импрессионистической критики. «Новые критики» полностью отрицали тот факт, что литературное творчество опосредованно связано с экономическими, социальными и политическими условиями жизни людей и будучи продуктом индивидуального сознания может и должно быть рассмотрено сквозь призму биографии и психологии автора.

Поэтому в основу критического исследования ими был положен изолированно взятый текст, значение которого, по их мнению, могло быть понято и оценено лишь путем тщательного изучения его внутренней структуры, принципов его организации, поэтической образности.

Предтечей «новой критики» в США был Дж.Э. Спингарн, который в пророческой по своему названию лекции «Новая критика» (2011 г.) почти дословно пересказал основные положения работы итальянского филолога Б. Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902 г.), при этом отнюдь не отрицая влияния работ мэтра и даже считая себя его учеником. По мнению Спингарна, импрессионистический критик постоянно отстраняется от художественного произведения, переключая внимание на себя, на свои чувства, переживания и эмоции. Культурно-исторический метод, по его мнению, уводит читателя от самого произведения искусства в поисках среды, эпохи, социальной принадлежности, поэтической школы. Как считал сам Кроче, произведение искусства – это всего лишь чистый феномен создания, который напрямую относится к сфере духовной энергии человека.

В 1930–1940-е гг. в США о новом критическом направлении были написаны следующие основные теоретические работы: *Ransom J.C. The New Criticism*. Norfolk, 1941; *Tate A. Reactionary Essays on Poetry and Ideas*. 1936 (своеобразное название которой можно перевести как «Новый подход к поэзии как противодействие общепринятому. Очерки»); *Understanding Poetry / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren*. N.Y., 1938; *Understanding Fiction / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren*. N.Y., 1943. Так была реализована идея американского теоретика Дж.К. Рэнсома о создании цеха или корпорации критиков, которые общими усилиями сделали бы критику своей профессиональной деятельностью, сосредоточив ее в университетах и введя как обяза-

тельную дисциплину в лекционные курсы. Положительным аспектом научной деятельности «новой критики» стало углубленное изучение формы литературного произведения, которое достигло своего апогея в XX в. и продолжает успешно развиваться и в наши дни.

В 1920–1930-е гг. «новая критика» обрела и свои печатные органы, вначале в Великобритании – журналы «The Criterion» (1922–1939, главный редактор Т.С. Элиот), «Scrutinity» (1932–1953, во главе с Ф.Р. Ливисом), а затем и в США – журналы «Southern Review» (1935–1942, главный редактор К. Брукс, Р.П. Уоррен), «Kenyon Review» (1938–1959, главный редактор Дж.К. Рэнсом), «Sewanee Review» (1944–1945, главный редактор А. Тейт). Благодаря этим изданиям, объединяющим и в значительной степени стимулирующим неокритиков, к концу 1940-х гг. число подобных исследователей сильно выросло, и появились новые имена: Р.П. Блекмур, К. Берк, Р. Уэллек, У.К. Уимсет, А. Уинтерс. В 1950-е гг. «новая критика» становится главным академическим направлением в литературоведении США. Не случайно В. Набоков, создавая в 1940–1950-е гг. свои научно-исследовательские работы о творчестве Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина и многих других писателей, как русских, так и зарубежных, в первую очередь ориентировался именно на нее, хотя и приносил в академические труды свое постмодернистское видение сути художественного произведения, при этом оказывая определенное влияние как на современных ему американских литературоведов, так и на слушателей своих лекций.

Официальное учреждение «новой критики» в университетах и колледжах США началось именно в 1940–1950-е гг., поскольку Дж.К. Рэнсом, К. Брукс, Р.П. Уоррен и другие их единомышленники, в том числе и В. Набоков, активно вели там свою преподавательскую деятельность. В конце 1940-х и в 1950-е гг. издаются крупнейшие теоретические работы: «Теория литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена (1949), «Словесная икона» У.К. Уимсета (1954), «Новые защитники поэзии» М. Кригера (1956), «Литературная критика: краткая история» К. Брукса и У.К. Уимсета (1957).

Общим и основным положением «новой критики» является «пристальное прочтение» (close-reading), т.е. замкнутое, изолированное от внешних факторов скрупулезное исследование текста как постижение его «способа существования» (mode of existence), его структуры и художественной фактуры. В поэзии это ритм, метр, эв-

фония; в прозе это «пространственная форма» (spatial form), «точка зрения» (point of view), в драме – сценическая организация материала и т.д. По их мнению, структура произведения может существовать как особая организация образов, символов и предстать даже в форме мифа, что говорит о несомненном влиянии на них постулатов мифологической критики, подробнее о которой будет сказано ниже.

Таким образом, адепты «новой критики» рассматривают произведение искусства как автономный объект, не несущий никакого сообщения или послания (message); он существует независимо от художника, как «брошь от ювелира», и имеет свою органичную и целостную структуру. Обладая онтологическим статусом, произведение существует в разных структурных вариантах «органической формы» (organic form), посредством которой оно предоставляет уникальное знание о мире, если исследователь познает его структуру, т.е. при помощи структурного анализа отыскивает способ ее существования, который находится в «органическом центре», где и происходит слияние формы и содержания.

В этих постулатах явно просматриваются идеи, навеянные «новым критикам» структуралистами 1920-х гг. Так, например, крупнейший теоретик «новой критики» Р. Уэллек (1903–1995), чех по национальности, гражданин США с 1946 г., закончил Пражский университет в 1926 г., а затем в 1930–1935 гг. работал там приват-доцентом и одновременно являлся членом «Пражского лингвистического кружка», где он испытал сильное влияние идей чешского структуралиста Я. Мукаржовского. В США, увлекшись «новой критикой», возвратился к своим прежним идеям и совместно с О. Уорреном в 1949 г. выпустил монографию «Теория литературы» – итоговый документ эволюции «новой критики». Он выступил в ней как сторонник «внутреннего» микроанализа словесных структур художественного произведения (принцип «пристального прочтения») и выразил свое негативное отношение ко всем «внешним» способам исследования: культурно-историческому, биографическому, социологическому и другим подходам⁶⁵. В дальнейшем, исследуя произведения Достоевского и Чехова в трудах: «Достоевский: собрание критических статей» (1962), «Чехов, новые перспективы» (1984) – он выступает как оппонент-теоретик искусству реализма. Особой критике им под-

⁶⁵ Подробнее об этом см.: Ильин И.П., Соколова Е.В. Уэллек Рене // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. Москва: Intrada, 2004. С. 415–416.

верглось понятие «социальный тип», воплощающее связь искусства с действительностью, так как оно противоречило представлениям Уэллека о необходимости отрыва искусства от действительности. В 1969 г., отдавая дань своим коллегам и единомышленникам, он выпустил монографию о чешских структуралистах: «Литературная теория и эстетика Пражского лингвистического кружка».

После Второй мировой войны идеи «новой критики» охотно воспринимаются молодыми учеными – вторым и даже третьим поколением ее адептов. В то же время представители старшего поколения начинают постепенно выходить за пределы теоретических постулатов созданной ими школы. Так, Т.С. Элиот написал целую серию социально ориентированных литературно-критических работ; Ф.Р. Ливис стал известным культурологом, А. Уинтерс погрузился в изучение морально-этических проблем. В 1950–1960-е гг. «новая критика» выступает уже в тесном эклектическом единстве с такими академическими направлениями, как мифологическая и экзистенциальная критика.

Мифологическая критика (myth criticism) – довольно влиятельное направление в англо-американском литературоведении XX в. Ее именуют также «ритуальной» (ritual), под этим названием зародившейся в Англии, или «архетипной» (archetype) критикой, распространенной в США, которая была порождена уже концепцией Юнга. Мифологическая критика – это оригинальная литературоведческая методология, основанная на новейших учениях о мифе, как не только историческом источнике художественного творчества, но и своеобразном генераторе идей и образов современной литературы. Например, творчество писателей-модернистов, по мнению ее адептов, есть возвращение к мифу: имеется в виду целостное восприятие модернистами мира и его художественное моделирование. Надо сказать, что и известные отечественные ученые С. Аверинцев, Г. Косиков признали важность идей Юнга об архетипе: тот попытался решить малоизученную проблему литературы – репродукцию в ней константных тем и образов в их исторически обусловленных вариантах. В коллективном бессознательном, производным которого является архетип, по его мнению, заключена мудрость и ценность человеческого опыта, который передается именно благодаря последнему: именно мифы создали образы, которые затем превратились в архетипы.

Зародившись в Англии, современная мифологическая критика получила распространение в США начиная с 1940-х гг. благодаря своему плюрализму, опираясь на теоретические работы Чейза, Фрая, исследования мифа М. Элиаде, открывая широкие возможности скорее для творческой, чем для строго научной критики, чему способствовало и отсутствие строго научной концепции мифа⁶⁶.

К 1970-м гг. «новая критика»⁶⁷ перестает восприниматься как оригинальная школа, порождающая новые идеи и методы, и утрачивает свое лидирующее положение в литературоведении США, которое она занимала свыше пятидесяти лет благодаря тому, что являлась единственным критическим методом, обучение которому в течение полувека входило в обязательный курс программы американских университетов.

Действенную конкуренцию «новой критике» в американских университетах составил культурно-исторический подход к явлениям отечественной литературы, который практиковался представителями русской эмиграции, а возникшая в 1960-е гг. разрядка международной напряженности (*Détant*) после Карибского кризиса 1962 г., поставившего мир на грань ядерной войны, весьма способствовала расширению научных и творческих контактов благодаря подписанию в 1958 г. двусторонних Межправительственных соглашений о научных обменах между США, некоторыми странами Европы и СССР, куда начиная с 1960-х гг. устремились многочисленные стажеры и специалисты по гуманитарным областям знаний, которым была предоставлена возможность заниматься своей темой исследования под руководством ведущих отечественных специалистов в данной области сроком от четырех до десяти месяцев, причем с официальным разрешением для посещения Централных государственных архивов: ЦГАОР, ЦГАДА, ЦГАЛИ и др.

Окунувшись в отечественную научно-исследовательскую атмосферу, американские стажеры стали постепенно отходить от навязываемых им на родине многих стереотипов восприятия России и русской литературы, в том числе особенно активно насаждавшихся в 1950–1960-е гг. американскими советологами, которые начинают также утрачивать свое лидирующее положение в 1970–1980-е гг.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Козлов А.С.* Мифологическая критика // *Западное литературоведение XX века. Энциклопедия.* М.: Intrada, 2004. С. 258–262.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Цурганова Е.А.* Новая критика // Там же. С. 287–291.

2. Советология как инструмент идеологической борьбы с советским строем (1950–1970-х гг.)

Для начала отметим, что характерной «структурной» тенденцией западной советологии в 1950–1970-е гг. являлся процесс взаимопроникновения и в какой-то мере сращивания англоязычных исследований по русской советской литературе. Дело в том, что советологи Англии, Канады, США и других стран «творили» не изолированно: их силы были сосредоточены вокруг одних и тех же советологических журналов («Slavic Review», «The Russian Review», «Partisan Review», «Problems of Communism», «New York Times Review of Books» и т.д.), они проходили стажировку в соседних англоязычных странах, сотрудничали в процессе подготовки научных исследований. Часто, по тем или иным причинам, они покидали свою страну и находили работу в соседней англоязычной стране. А некоторые исследователи из стран с малораспространенными «редкими» языками (например, Швеции, Дании и др.) писали на английском языке и зачастую разделяли взгляды советологов.

Некоторые советологи предпочитали печататься не у себя на родине, а за рубежом – в другой англоязычной стране. Так, например, канадский советолог Б. Томпсон постоянно печатался в Англии: его книги – это своеобразный экспорт канадской советологии в Европу. Характерно, что на каждую выходящую книгу советологов довольно оперативно писались рецензии, причем вне зависимости от национальной принадлежности особенно доставалось тем, кто отступал от привычных канонов советологии. Таким образом, происходил процесс диффузии национальных советологий, причем не только англоязычных стран, но и их северных соседей. Складывалась некая советологическая общность, тон в которой все же задавали американцы.

В начале 1970-х гг. в связи с потеплением международной обстановки стан советологов на какое-то время как будто начал утрачивать свою монолитность. Даже в советологических журналах стали раздаваться протесты против откровенно тенденциозного метода интерпретации произведений советской литературы. Так, в журнале

«Russian Literature Triquarterly» (1972. № 1) была напечатана специально посвященная этой проблеме статья Присциллы Мейер, в которой она отметила, что в сочинениях советологов полностью и безраздельно господствует политический подход, исключающий анализ произведений советской литературы в их художественном качестве, что сам отбор материала определяется сугубо политическими соображениями. В следующем номере журнала было проведено обсуждение этой статьи, но, как и следовало ожидать, никакого качественного поворота в «советологическом литературоведении» не произошло: политическая тенденциозность осталась как ведущая линия, хотя некоторые советологи предложили «расцветить» ее наблюдениями в духе формалистически понимаемой поэтики. Советологи остались советологами. Но само возникновение спора в их среде свидетельствовало об их временной растерянности, об осознании отдельными деятелями «советологического фронта» того застоя, к которому приводит постоянное повторение одних и тех же сомнительных аргументов, шаблонно-тенденциозных методов анализа и оценки.

Так, 9 октября 1974 г. в «Литературной газете» было опубликовано интервью с директором Русского института при Колумбийском университете Уильямом Харкинсоном, который заявил, что роль советологии «уменьшается в результате разрядки и улучшения отношений между нашими странами. В той мере, в какой советология была инструментом или оружием практической полемики, она была откровенно антикоммунистической». Он призвал своих коллег поменьше уделять внимание советологии, и побольше – объективным исследованиям⁶⁸.

Об очевидной стагнации свидетельствовал выпущенный в 1973 г. сборник статей «Главные советские писатели»⁶⁹ под редакцией известного американского советолога Эдварда Брауна, который в то время считался в США «советологом № 1».

В этом сборнике, как в капле воды, отразились основные тенденции американской советологии на том этапе, ее программа. Так, во вступительной статье к сборнику Э. Браун пишет, что в него включены работы, посвященные исследованию собственно художественных произведений советских авторов, а не их биографий, советской

⁶⁸ Лит. газ. 1974. 9 окт. С. 9.

⁶⁹ Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London, Oxford; New York: Stanford Univ., Oxford Univ. Press, 1973.

истории или политики. По мнению Брауна, это является новым подходом к изучению советской литературы, ориентирующимся именно на анализ литературных достоинств произведения. Хотя программа эта далеко не последовательно выполнялась составителем сборника, она во всяком случае еще раз подтверждала очевидный факт, что советология к началу 1970-х гг. зашла в тупик и ее наиболее дальновидные идеологи поняли необходимость перестройки в тогдашних условиях разрядки. По-видимому, этим и объяснялось включение в сборник статей советских писателей и критиков (правда, написанных в основном в 1920-е гг.): К. Чуковского «Ахматова и Маяковский» (1920), В. Маяковского «В.В. Хлебников» (1922), отрывка из статьи Ю. Тынянова «Промежуток» (1923), посвященной анализу творчества В. Хлебникова, и статьи В. Шкловского «Исаак Бабель» (1924).

Кто же, однако, сами эти «главные советские писатели»? Советологи для наглядности даже составили специальную шкалу ценностей. Так, В. Марков в статье, отрывок из которой цитируется в сборнике, считает, например, что С. Есенин – всего лишь поэт «для массовой публики» (помещен в самом низу шкалы), Б. Пастернак находится где-то посередине, а на вершине – О. Мандельштам, доступный только «литературной элите», «поэт для немногих»⁷⁰.

Характерно, что Мандельштам до конца 1960-х гг.⁷¹ был почти неизвестен в США даже среди специалистов. То, что он был вынесен «на вершину шкалы»,шний раз доказывает, что американские советологи стремились сознательно регулировать интерес широкой публики и молодых исследователей, начинающих изучение русской советской литературы. В статье «Читая Мандельштама» Кларенс Браун называет его «мастером изображения пустоты и молчания», подчеркивает «элегантность формы» его произведений, в частности «Египетской марки»⁷². Специально анализу этого произведения Мандельштама посвящена монография Дафны М. Уэст, вышедшая в Англии в 1980 г.⁷³ В работе Уэст явно переоцениваются литературные достоинства «Египетской марки» как некоего важ-

⁷⁰ Major Soviet Writers. Essays in Criticism. P. 146.

⁷¹ В конце 1960-х гг. в США было выпущено собрание сочинений О. Мандельштама в трех томах: *Mandelstam O. Collected Works: In 3 vols.* / Ed. by G.P. Struve & B.A. Filippov. N.Y., 1967.

⁷² Brown C. On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers. P. 149.

⁷³ West D.M. Mandelstam: the Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. Vol. 10. Birmingham, 1980.

ного вклада в модернистскую прозу 1920-х гг. Исследовательницу привлекают запутанность, усложненность формы этого «намеренно сюрреалистического» произведения, его модернистская поэтика.

К числу «наиболее важных» поэтов XX в. Э. Браун относит и Б. Пастернака, который также был почти неизвестен на Западе, пока там в 1958 г. не был опубликован его роман «Доктор Живаго». После этого в США появились многочисленные работы о нем и его творчестве. Анализ романа «Доктор Живаго» дан и в помещенной в сборнике статье Э. Баумана «Постскрипtum о Пастернаке»⁷⁴. Как и в большинстве советологических публикаций о Пастернаке, методология автора отчетливо тенденциозна: «исследование» посвящено не столько роману, сколько политическим – разумеется, антисоветским – рассуждениям автора «вокруг» романа.

Среди величайших поэтических гениев «современности и даже всех времен» Э. Браун числит В. Хлебникова⁷⁵. Не случайно его творчеству отведены три статьи в сборнике: оно пользовалось особым вниманием советологов. В 1970-е – начале 1980-х гг. в США вышел целый ряд специальных работ, посвященных творчеству Хлебникова и футуристов.

Так, в 1976 г. была издана монография Вагана Барушьяна «Русский кубо-футуризм 1910–1930: анализ авангардизма»⁷⁶. Рассматривая в отдельных главах творчество В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка, А. Крученых и В. Каменского, деятельность «Лефа», Барушьян в двух последних главах демонстративно сближает русских футуристов с итальянскими футуристами и французскими сюрреалистами. А девятый номер выходящего в Амстердаме журнала «Русская литература» за 1981 г. был целиком посвящен творчеству В. Хлебникова. Там помещены статьи молодых американских исследователей: Г. Барана, Р. Вроона, Б. Лённkvист – автора монографии «Хлебников и карнавал. Исследование стихотворения “Поэт”»⁷⁷.

Следует отметить, что позиции исследователей уязвимы с методологической точки зрения. Например, в статье «“Хаджи-Гархан”

⁷⁴ *Bowman E.* Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers. P. 138–145.

⁷⁵ Major Soviet Writers. P. VI.

⁷⁶ *Barooshian V. D.* Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism, second print. Paris: The Hague Mouton, 1976.

⁷⁷ *Lönkvist B.* Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”, Stockholm: Almquist & Wiksell, International, 1979.

Велимира Хлебникова и ломоносовская традиция»⁷⁸ Вроон сочетает компаративистский и структуралистский принципы анализа, что приводит к явным натяжкам в толковании творчества поэта. Сопоставляя поэму «Хаджи-Тархан» с одами Ломоносова, В. Вроон рассматривает ее как трансформацию панегирической оды, считая, что «нанизывание» (термин Р. Якобсона) в поэме не вытекающих одного из другого мотивов, группирующихся по принципу формального сходства или контраста, можно отождествить с алогическим структурным построением классической оды.

Напомним, что подобная точка зрения высказывалась в 1920-е гг. отечественным литературоведом Ю. Тыняновым, который в статье «Промежуток» писал: «Стиховой культуре XIX в. Хлебников противопоставляет принципы построения, которые во многом близки ломоносовским»⁷⁹. Но тот же Тынянов тремя годами позже в статье «О литературной эволюции» предупреждал: «Вырывать из системы отдельные элементы и соотносить их вне системы, т.е. без их конструктивной функции, с подобным рядом других систем неправильно»⁸⁰. Тынянов не мог не чувствовать однолинейности и парадоксальности подобных сравнений и уже в девятой главе статьи «Промежуток» признавался: «Не хочется к живым людям прицеплять исторические ярлыки. Маяковского сравнивают с Некрасовым. (Сам я нагрешил еще больше, сравнив его с Державиным, а Хлебникова – с Ломоносовым.)»⁸¹.

Особенно отчетливо идеологическая тенденциозность советологов проявилась при их обращении к творчеству Маяковского. Так, в книге «Маяковский. Поэт и революция»⁸² Э. Браун попытался представить основателя социалистического реализма в поэзии как одинокую, страдающую личность, отчужденную от читателя и не понятую им, как «жертву» революции, как художника «разменявшего» свой поэтический талант на мелкие, недостойные поэзии темы.

В конце 1970-х годов в США вышло несколько книг, посвященных творчеству Маяковского. Наиболее скандальную извест-

⁷⁸ *Vroon R.* Velimir Chlebnikov's "Chadži-Tarchan" and the Lomonosovian Tradition // *Russian Literature*. 1981. IX. P. 107–131.

⁷⁹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 182.

⁸⁰ Там же. С. 273.

⁸¹ Там же. С. 186–187.

⁸² *Brown E.* Mayakovsky. A Poet in the Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1979.

ность даже среди советологов приобрела вышедшая в Нью-Йорке в 1979 г. книга супругов Чартерс (как сразу же выяснилось, бесконечно далеких от знакомства с проблемами русской советской литературы и творчеством Маяковского) «Я люблю: история взаимоотношений Владимира Маяковского и Лили Брик»⁸³. О каком-либо научном подходе в этой книге говорить не приходится: ее содержание составляют интимные «признания» Лили Брик, якобы сделанные ею супругам Чартерс в Москве и Переделкине в 1972–1974 гг. Эта книга вызвала уничижительные отклики даже у советологов. Так, Э. Браун в рецензии на книгу Чартерсов писал: «Чем меньше будет сказано об этой книге, тем лучше. В ней говорится об истории взаимоотношений Маяковского и Лили Брик без какого-либо внутреннего проникновения в нее. К сожалению, эти два человека мертвы и не могут защитить себя»⁸⁴. Он также отметил многочисленные филологические ошибки авторов⁸⁵. Отрицательно оценил книгу Чартерсов и Кларенс Браун, который в рецензии, помещенной в «New York Times Book Review», назвал ее «отвратительной», «хаотически документированной», «лишенной какого-либо внутреннего анализа»⁸⁶. Американский критик Гордон Мак-Вэй констатировал, что «попытки авторов проанализировать такие сложные вопросы, как футуризм, поэзия Маяковского, а также литературную и политическую ситуацию в России, несостоятельны и некомпетентны»⁸⁷.

Надо, однако, заметить, что помимо всего прочего книга Чартерсов проникнута фрейдизмом самого дешевого толка; подобная

⁸³ *Charters A. and S. I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik*. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1979.

⁸⁴ *The Russian Review*. 1980. Vol. 39. № 2. April. P. 267–268.

⁸⁵ *The Russian Review*. 1980. Vol. 39. № 2. April. P. 268.

⁸⁶ *Ibidem*.

⁸⁷ *Slavic Review*. 1982 Spring. P. 175. «Несостоятельность и некомпетентность» были отнюдь не редкостью в публикациях американских исследователей тех лет. В 1980 г. в издательстве «Ардис» вышла «Фотобиография» Марины Цветаевой с предисловием Карла Проффера, директора этого издательства (*Tsvetaeva: Fotobiographia / Tsvetaeva: A Pictorial Biography / Ed. by Ellendea Proffer; Introduction by Carl Proffer*. Ann Arbor: Ardis, 1980). Основу этой книги составляет биография М. Цветаевой, снабженная большим количеством фотографий. А предисловие и подписи под фотографиями изобилуют многочисленными ошибками. Отрицательная рецензия Евы Вайтинс на это издание была напечатана в журнале «Славик Ревью» в 1982 г. (*Vitins J. Rec. // Slavic Review*. 1982. Spring. P. 176–177). Она отметила как ошибки, так и недостаток вкуса у издателей книги.

тенденция также была распространена в работах советологов, проникая и в более «состоятельные» исследования, в том числе и самого Г. Мак-Вэя, критиковавшего Чартерсов. Он выпустил о С. Есенине две книги биографического характера: «Жизнь Есенина»⁸⁸ и «Айседора и Есенин»⁸⁹. В них представлен обширный фактический материал – многочисленные выдержки из писем, воспоминаний (письменных и устных) современников С. Есенина и А. Дункан. Мак-Вэй бывал в СССР, пользовался материалами государственных архивов СССР, отделов рукописей библиотек и музеев Москвы и Ленинграда, встречался с людьми, близко знавшими Есенина. По мнению советских и американских критиков, первая книга является наиболее полной из имеющихся биографий о Есенине. Однако при всей кажущейся «объективности» повествования Г. Мак-Вэй постоянно заостряет внимание на всевозможных подробностях интимного или нарочито скандального толка, носящих фрейдистский оттенок с уклоном в сексопатологию и призванных создать рассчитанную на определенный вкус дешевую сенсацию. А последние страницы книги «Айседора и Есенин» проникнуты чистейшим иррационализмом и мистикой, что также является данью модным тенденциям современной западной буржуазной идеологии.

Таким образом, и в книгах Г. Мак-Вэя о С. Есенине присутствуют элементы фрейдистского подхода, на мутной волне которого всплыла упоминавшаяся выше советологическая книга Чартерсов о Маяковском. И это в целом не просто дань моде. И в том и в другом случае подобный подход рассчитан на то, чтобы снизить авторитет поэтов, пользующихся в нашей стране всенародной любовью и признанием, принизить значение их личности, а зачастую и творчества.

Из приведенных нами выше примеров со всей очевидностью ощущается откровенное стремление советологов представить в качестве эталона «элитарную», по их формуле, поэзию О. Мандельштама, В. Хлебникова, Б. Пастернака, М. Цветаевой и других поэтов, противопоставить ее, например, гражданской, исполненной революционным пафосом поэзии В. Маяковского.

Что касается советской прозы, то «главными советскими писателями» в сборнике Э. Брауна оказываются Е. Замятин, которому посвящены две статьи сборника, Б. Пильняк, Ю. Олеша, И. Бабель.

⁸⁸ *Mc Vay G. Esenin: a Life.* Ann Arbor: Ardis, 1976.

⁸⁹ *Mc Vay G. Isadora & Esenin.* Ann Arbor (Michigan): Ardis Publishers, 1980.

И здесь также налицо тенденция характерная и для предыдущих этапов развития «советологического литературоведения» в США: выдвигание на первый план писателей, далеких от основного направления развития советской литературы в те годы, не понявших или не принявших Октябрьской революции, – и замалчивание или принижение писателей открыто гражданственного пафоса, наиболее тесно связанных с ее идеалами, таких как А. Серафимович, А. Макаренко, Н. Островский и др.

Так, в статье Ричарда Грега о Замятине, помещенной в сборнике Э. Брауна, делается попытка сопоставить «пророческое», по выражению автора, произведение Е. Замятина «Мы» не только с библейскими мифами, но и с «Записками из мертвого дома» и «Братьями Карамазовыми» Достоевского, а также с антиутопическими романами английских писателей О. Хаксли и Дж. Оруэлла. Сопоставление с Достоевским призвано придать роману Замятина масштабность классики, а сопоставление с Хаксли и Оруэллом – акцентировать его антисоветскую направленность. Последняя операция была проделана Э. Брауном в 1976 г.⁹⁰ В своей книге он однозначно квалифицировал роман Е. Замятина «Мы» как сатиру, направленную против «русского коллективизма», – и как бы забыл о том немаловажном обстоятельстве, что и этот роман, и повесть Замятина «Островитяне» (1918), которую сам Э. Браун называет «предварительным наброском романа», были написаны под непосредственным влиянием негативных впечатлений от буржуазной Англии, где Е. Замятин оказался во время Первой мировой войны.

Что касается романа Дж. Оруэлла «1984», изобразившего тоталитарное государство, где живут люди-роботы, то нарастание подобных тенденций было характерно для современной ему действительности, и именно на ее материале Оруэлл создавал свою антиутопию⁹¹, не случайно опираясь на роман Замятина.

⁹⁰ *Brown E. Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor: Ardis, 1976, p. 38.*

⁹¹ Стоит напомнить также, что в 1978 г. в Лондоне вышла нашумевшая затем на Западе книга Э. Берджеса «1985» (*Burgess A. 1985. London: Hutchinson, 1978*), название которой подчеркивает непосредственную связь с книгой Дж. Оруэлла. Во многом, как и Оруэлл, искажая социалистическую идею как таковую, Берджес, однако, в то же время доказывал, что действительность, которая послужила прообразом для романа Оруэлла, – это послевоенный Лондон, его «сатирическая транскрипция», откуда Оруэлл воспринял и перенес в роман практику «организованной ненависти». Берджес вступил

Как бы то ни было, особенно показателен тот факт, что при столь пристальном «монографическом» анализе Замятина или Пильняка, романы известных советских писателей, например, лауреата Нобелевской премии М. Шолохова, Л. Леонова, А. Толстого, Н. Островского разбираются лишь в одной статье сборника – статье Руфуса Мэтьюсона, представляющей отрывок из его книги «Положительный герой русской литературы»⁹².

Р. Мэтьюсон создает свою «шкалу ценностей», безапелляционно поместив в самый ее низ роман Н. Островского «Как закалялась сталь», причем позволив себе ряд недостойных для настоящего ученого выпадов против самого автора. Оказывается, главный его недостаток – в беззаветной преданности Павла Корчагина делу партии и народа, в том, что понятия «счастье» и «борьба» для него равнозначны. Для Р. Мэтьюсона этот герой – надуманный, наивный. Он не верит, что подобный герой может существовать в жизни, хотя его прототипом являлся сам автор романа. В жизни молодого советского государства подобный герой был не только не единственным в своем роде, но и типичным. Тысячи молодых юношей и девушек участвовали в гражданской войне, а потом своими руками восстанавливали заводы и железные дороги. Именно благодаря массовому героизму наша страна вырвалась из тисков голода и разрухи, превратилась в мощную индустриальную державу, выстояла и победила в войне с фашизмом.

Характерно, что молодой английский ученый Дж. Хоскинг в книге «За пределами социалистического реализма»⁹³ упрекает своих западных коллег в недооценке сущности социалистического реализма и противопоставляет их измышлениям реальный факт – популярность советской литературы у широких читательских кругов в СССР. Если произведения социалистического реализма, например, роман Н. Островского «Как закалялась сталь», не имеют никакой ценности, спрашивает он, то почему же тогда советские люди в бло-

в полемику с теми истолкователями романа «1984», которые рассматривали его как сатиру на реально существующее социалистическое общество. По мысли Берджеса, это скорее сатира на «британский социализм». Берджес подчеркнул, что ряд подмеченных в книге Оруэлла негативных тенденций общественного развития так или иначе проявляется в современных развитых капиталистических странах.

⁹² *Mathewson R.W.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed.: 1978 (rev. & enl.).

⁹³ *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. L., 1980.

кадном Ленинграде вставляли в очередь, чтобы купить эту книгу? Необходимо отметить, что этот роман очень хорошо известен и до сих пор переиздается в Китае и Вьетнаме, имеет там миллионы читателей. При этом он был написан в 1927 г., за несколько лет до провозглашения этого термина на I Съезде советских писателей, и мгновенно обрел всенародную славу.

Дж. Хоскинг пытается самостоятельно разобраться в некоторых проблемах, которые советологи считают для себя давно уже «решенными». Так, в первой главе своей книги, озаглавленной «Традиция социалистического реализма», он подробно разбирает содержание этого термина, пять его признаков, широко цитируя работы советских литературоведов и критиков, в частности, помещая в этой главе отрывок из речи А.А. Жданова на I Съезде Союза советских писателей в 1934 г., а также большую цитату из книги известного отечественного исследователя А. Овчаренко⁹⁴.

В результате Дж. Хоскинг сделал нежелательный для советологов объективный вывод, против которого они сразу же ополчились: социалистический реализм с самого начала был создан на практике, в творчестве писателей 1920-х годов (в качестве примера он приводит романы «Цемент» Гладкова, «Чапаев» Фурманова, «Разгром» Фадеева, первую часть «Тихого Дона» Шолохова). А ведь с точки зрения англо-американских советологов он был якобы навязан писателям по декрету свыше! Дж. Хоскинг считает, что западные советологи сознательно выбирали наименее удачные произведения социалистического реализма, тем самым умаляя его достижения, и что после 1953 г. в советской литературе произошло не размывание, а укрепление социалистического реализма. Таким образом, некоторые существенные выводы Дж. Хоскинга довольно сильно отличаются от привычных стереотипов советологии.

В те годы в советологических журналах «Russian Review» или «Slavic Review» все чаще можно было встретить раздраженную рецензию на книгу или статью того или иного молодого английского, американского или канадского ученого, идущую вразрез с представлениями советологов. Так, молодой канадский ученый Дж. Харьян выпустил книгу, посвященную творчеству Л. Леонова⁹⁵.

⁹⁴ См.: *Овчаренко А.* Основные типы социалистического реализма // Социалистическая литература и современный литературный процесс. М.: Современник, 1975. С. 200.

⁹⁵ *Harjan G. Leonid Leonov. A Critical Study.* Toronto: Arowhene Publishing

Через год после ее выхода в свет в журнале «Slavic Review» появилась резко отрицательная рецензия на нее канадского советолога Б. Томпсона⁹⁶.

Б. Томпсон безапелляционно заявляет, что, во-первых, Л. Леонов не относится к числу тех писателей, о которых следует писать монографии; во-вторых, по содержанию эта книга похожа на те, которые издаются в СССР. Например, пишет Б. Томпсон, Дж. Харьян считает, что патриотизм и оптимизм определяют ценность художественного произведения, с чем он не согласен. Его возмущает, что в библиографии слишком много работ советских авторов и литературоведов социалистических стран (в ущерб исследованиям советологов). Эта книга, раздраженно заключает рецензент, как будто переведена с русского языка, настолько сильно она отличается и по выбору предмета, и по характеру своего критического подхода от «произведений» советологов.

Необходимо отметить, что в 1970-е гг. на десятки языков были переведены произведения многих советских авторов: Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, Г. Бакланова, В. Белова, В. Быкова, С. Залыгина, Г. Маркова, П. Проскурина, В. Распутина, К. Симонова, З. Тендрякова, Ю. Трифонова, В. Шукшина и других; за рубежом были изданы антологии и сборники советской поэзии, прозы и драматургии.

В США в конце 1970-х гг. публиковались произведения В. Шукшина, Б. Окуждавы, В. Распутина, Ю. Трифонова, В. Тендрякова, Ю. Бондарева. Однако в начале 1980-х гг. в связи с усилением идеологической борьбы американские советологи затратили немало усилий, чтобы охладить интерес американской общественности к литературе и искусству СССР. Многие американские буржуазные издательства блокировали дорогу произведениям советской литературы к американскому читателю. В результате объем переводов советской литературы в США резко сократился: в 1980-е гг. были переведены и опубликованы лишь рассказы А. Платонова, а из современных произведений – повести И. Грековой, романы Ф. Абрамова, Ф. Искандера и А. Рыбакова. Целенаправленный характер издательской практики был очевиден для самих деятелей культуры США. Так, известная американская пи-

Со., 1979.

⁹⁶ Slavic Review. 1980. Dec. P. 717.

сательница и критик Джойс Кэрол Оутс после беседы с группой советских писателей, участвовавших в двухсторонней встрече с американскими коллегами, отправила письмо директору издательства «Ардис» К. Профферу, в котором выразила свое недоумение в связи с тем обстоятельством, что многие современные советские писатели неизвестны читателям США⁹⁷.

Наряду с координированием издательской политики в задачи американской советологии входила также искаженная, недобросовестная интерпретация советской литературы.

Принижая мировое значение советского искусства, американский советолог М. Фридберг в одной из своих статей утверждал, что произведения советских писателей того времени даже в СССР почти не читают, предпочитая им переводную западную литературу⁹⁸. Тем самым в сознание американцев внедрялось априорно негативное отношение к литературе социалистического реализма⁹⁹.

Расчет советологов был прост: американский читатель, который и шагу не сделает без рекламы, узнав, что советскую литературу... не читают даже в СССР, предпочитая ей переводы европейской и американской прозы, вряд ли станет искать в книжных магазинах новинки советской литературы – скорее он купит какой-нибудь американский бестселлер.

Другой беспрецедентной по своему лицемерию явилась попытка целого ряда англо-американских советологов «закрывать» современную советскую литературу, объявить ее «несуществующей». И американец Деминг Браун в книге «Советская русская литература после смерти Сталина», и англичанин Рональд Хингли в книге «Русские писатели и советское общество, 1917–1978» в один голос утвер-

⁹⁷ The New Republic. 1981. 14 February. P. 32.

⁹⁸ Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev // Problems of Communism. 1983. May-June. P. 53.

⁹⁹ В качестве контраргумента можно привести научные данные из работы советского критика Ю. Андреева «Массовая культура и культура масс». На основании тщательного изучения социологических трудов, изданных в СССР, исследователь пришел к категорическому заключению: «Наибольший интерес читатели проявляют прежде всего к литературным новинкам, а если говорить шире, к современной советской литературе. До 70–75 процентов читаемой литературы составляет советская... Около 20 процентов читаемой литературы – это книги зарубежных авторов» (Андреев Ю.А. Массовая культура и культура масс // Звезда. 1982. № 7. С. 152).

ждают, что термин «советская литература» стал «непригодным», «в сущности, бессмысленным» и надо говорить не о советских, а «о современных русских писателях, проживающих в СССР»¹⁰⁰ или «о русской литературе в советский период»¹⁰¹.

Наиболее часто в работах англо-американских советологов можно было встретить предвзятое, тенденциозное истолкование следующих проблем теории и истории советской литературы. Это советологические трактовки художественного метода современной советской литературы, ее гуманизма, партийности и народности, темы города и деревни, Великой Отечественной войны, проблемы положительного героя и интернациональной сущности современной советской литературы.

Так, в работах многих советологов начала 1970-х гг. красной нитью проходит тезис о том, что социалистический реализм – не художественный метод, а политическая доктрина, инструмент, нивелирующий всякое различие между писателями. Подобная мысль проводится в книге Т. Фрэнкел «Русский художник. Творческая личность в русской культуре»¹⁰², в антологии «Марксизм и искусство», составленной М. Соломоном¹⁰³, в книге «Литература и идеология в советском образовании» Н. Шнайдемана¹⁰⁴ и других работах.

Д. Браун в своей книге пытается создать ложное, превратное представление о художественном методе советских писателей. Он утверждает, что социалистический реализм – это, дескать, «узкие ограничения»¹⁰⁵, «запреты» и «заранее предопределенные искажения истины»¹⁰⁶, что советские писатели пишут чуть ли не под диктовку партии. А советолог Джордж Гибиан называл социалистический реализм «главным официальным жанром», избегая слова «метод»; компаративист Р. Мэтьюсон, смыкаясь с советологами, сводил его смысл на нет, называя «мифическим реализмом» и т.д.

Необходимо отметить, однако, что начиная с 1970-х гг. советология не представляла собой монолитного целого: в ней уже на-

¹⁰⁰ *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. P. 1.*

¹⁰¹ *Hingley R. Russian Writers and Soviet Society 1917–1978. N.Y., 1979. P. XV.*

¹⁰² *Frankel T. The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972.*

¹⁰³ *Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y., 1973.*

¹⁰⁴ *Shneidman N.N. Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington, Mass., 1973.*

¹⁰⁵ *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 20.*

¹⁰⁶ *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 377.*

метились новые тенденции, когда заметно усилилось стремление к объективной и непредвзятой оценке некоторых явлений советской литературы¹⁰⁷. В трудах некоторых исследователей проявилось искреннее желание разобраться в сути творческого метода советской литературы.

Так, английский исследователь В. Джеймс при всей тенденциозности и односторонности в освещении многих принципиальных проблем, в частности партийности в художественном творчестве, в то же время верно отмечает, что социалистический реализм зародился в недрах революционного движения в России и связан с марксистско-ленинским пониманием законов развития общества и искусства, с практикой советской литературы¹⁰⁸. Он критикует советологов за «фрагментарность» и «политическую тенденциозность» их работ, посвященных советской литературе и вопросам социалистического реализма. «...В западном обществе, – пишет критик, – не только отсутствует широкое признание теории социально-политической роли искусства, но это общество, в сущности, враждебно идее о необходимости разработки такой теории»¹⁰⁹.

В. Джеймс признает новаторский и творческий характер социалистического искусства. В отличие от большинства своих коллег, считающих социалистический реализм «чисто русским» явлением, он рассматривает этот феномен как «выходящий за пределы Советского Союза»¹¹⁰. В самом деле, это явление интернациональное, присущее не только многонациональной советской литературе, но и литературам социалистических стран.

Взгляды В. Джеймса сразу же подверглись критике со стороны советолога старшего поколения Г. Свейза, который выразил неприкрытую тревогу в связи с появлением подобной книги, очень близкой, с его точки зрения, «официальным» советским толкованиям социалистического реализма¹¹¹.

В связи с проблемой интернационального характера социалистического реализма необходимо отметить, что в работах «специалистов по национальному вопросу» М. Фридберга и Д. Брауна под видом «заботы» о развитии национальных культур

¹⁰⁷ См. об этом: *Борщук В.* Поле битвы идей. М., 1983. С. 241.

¹⁰⁸ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory.* L., 1973. P. X–XI.

¹⁰⁹ *James V. Soviet Socialist Realism.* P. IX.

¹¹⁰ *James V. Soviet Socialist Realism.* P. 85.

¹¹¹ *Russian Review.* 1974. № 4. P. 444.

предпринимались настойчивые попытки извратить интернациональный характер современной советской литературы, обвинить ее в «шовинизме», изобразить насильственную «русификацию» национальных литератур.

Стремлением подменить идейно-политическое единство многонациональной советской литературы плюрализмом националистических идеалов проникнут специальный выпуск журнала «Обозрение национальных литератур», озаглавленный «Россия: дух национализма»¹¹². Большинство советологов, чьи работы опубликованы в этом выпуске, проводят идею о том, что русской литературе, начиная с А.С. Пушкина, будто бы присущ «дух национализма», замаскированный понятиями «народность» и «патриотизм». Подобные вымыслы распространялись и на современную им советскую литературу. В частности, Д. Браун усматривал в ней даже несколько «типов» национализма: от «официального национализма» до «национализма разрушительного». Выдвигая тезис о «множественности национализмов», советолог пытался таким образом убедить читателей, что единства советской литературы на основе принципов социалистического реализма не существует.

Когда русскую советскую литературу обвиняют в проведении политики «русификации» по отношению к национальным литературам, то в литературах нерусских народов СССР, естественно, жаждут выискать проявления «борьбы против этой политики». Например, советологи обнаружили «националистические настроения» в творчестве Чингиза Айтматова, произведения которого в действительности насквозь проникнуты идеями интернационализма и братства народов¹¹³.

Несколько иную позицию в этом вопросе занимал Д. Браун, что весьма любопытно. По его мнению, тезис о том, что в СССР в ходе исторического развития создана единая советская многонаци-

¹¹² Russia: the Spirit of Nationalism // Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.

¹¹³ Высказывание самого Ч. Айтматова о существовании идейно-эстетической функции национального начала в произведениях советских писателей полностью опровергает мнение «советологов». Он пишет: «...придавая большое значение национальному духу искусства, нельзя считать, что национальное своеобразие играет какую-то наиглавнейшую роль и может служить некоей самоцелью в творчестве художника. Решающее значение для всех национальных литератур имеет развитие их социалистического содержания» (Лит. газ. 1984. № 31. 1 авг. С. 2).

ональная литература, охватывающая все нации и народности нашей страны, включая языковые группы и этнические меньшинства, – выдумка, ибо «почти все, что есть примечательного в советской литературе, написано на русском языке»¹¹⁴.

Таким образом, перед нами откровенно беспринципное манипулирование концепциями в зависимости от потребности текущего момента или тематики публикации.

В интерпретации М. Фридберга подлинной трагедией предстает факт двуязычия отдельных писателей из национальных республик. Свой мрачный прогноз о том, что число писателей, пишущих на двух языках, в будущем возрастет, он обосновывал тем, что владение литературным русским языком в СССР необходимо для «получения литературной известности»¹¹⁵. Критик явно искажал реальную картину литературной жизни в СССР: скрыл факты о масштабах переводческой деятельности в нашей стране, о больших тиражах произведений советских писателей, пишущих не на русском языке, о журнале «Дружба народов», об издательствах, специализирующихся на выпуске литературы народов СССР. Однако его интересовала отнюдь не истина.

Весьма распространенной в советологии была тенденция полностью отрывать творчество отдельных советских писателей от эстетики социалистического реализма. При этом достижения советской литературы, в частности произведения писателей «деревенской» и «городской» прозы, интерпретировались лишь как творческие успехи некоторых талантливых художников слова, якобы сумевших «преодолеть ограниченность метода» социалистического реализма.

Поэтому не случайно первая монография на английском языке о советской литературе 1960–1970-х гг., изданная английским исследователем Дж. Хоскингом, названа «За пределами социалистического реализма»¹¹⁶.

Эта книга, безусловно, политизирована. Ее автор, будучи в докторантуре, провел весенний семестр 1976 г. в Институте русских исследований при Колумбийском университете (США). Не напрасными оказались и «бесценные замечания» ведущих амери-

¹¹⁴ *Brown D.* Soviet Russian Literature since Stalin. P. 1.

¹¹⁵ *Friedberg V.* Soviet Letters under Brezhnev. P. 63.

¹¹⁶ *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. L., 1980.

канских советологов Катерины Кларк, Деминга Брауна и других, подсказавших «новые направления» монографии Дж. Хоскинга¹¹⁷. При этом автор книги действительно хорошо владеет материалом исследования: советской литературой он занимался и в период своего пребывания в СССР, был знаком с работами советских критиков. Дж. Хоскинг сосредоточивает внимание на «городской» и в особенности на «деревенской» прозе, представленной именами Ф. Абрамова, С. Залыгина, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина и др. Он справедливо отмечает, что эти писатели стремятся честно и правдиво изобразить советскую жизнь, запечатлеть важные духовные и философские проблемы нашего общества. Подобный подход, на первый взгляд, в корне противостоит советологическим стереотипам оценки советской литературы. Однако это не так. Политическая тенденциозность исследования Дж. Хоскинга, то выплывая на поверхность, то уходя в подтекст, пронизывает всю монографию. Анализируя, в частности, произведения Ф. Абрамова, действие которых происходит во время или сразу после войны, и скорбя по поводу «негуманных повинностей», возложенных в деревне на плечи женщин, стариков и детей, Дж. Хоскинг далек от понимания того, что война с фашизмом была всенародной трагедией, когда решался вопрос «быть или не быть» для всего Советского государства, и что главной задачей Абрамова было изображение героического подвига советского народа в тылу. Этот подвиг писатель приравнивает к подвигу солдат на фронте¹¹⁸.

¹¹⁷ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. X.*

¹¹⁸ Сам Федор Абрамов, отвечая читателям на вопрос, почему он, участник Великой Отечественной войны, доброволец Ленинградского ополчения, не написал ни одного произведения о войне, сказал: «Разве беспрерывные сражения баб, подростков и стариков в тылу за жизнь, за помощь отцам и братьям, воевавшим на фронте, – разве это не война?»

Давно сказано: страна была единым военным лагерем. И бабья, подростковая и стариковская война в тылу, – а я один из тех, кто всю жизнь писал произведения об этой войне, – была не менее страшной и героической, чем война на фронте.

Да, снаряды не падали, не рвались. Но работа на износ, работа и за себя и за мужиков, ушедших воевать, голод, разутость и раздетость – сколько они унесли баб, стариков, подростков, детей? Кто пытался подсчитать эти жертвы войны?.. Это ли не всенародная трагедия?.. И худо ли, хорошо ли – им, их беспримерной стойкости, их подвигу, их взлетам духа и величайшей трагедии, которая продолжается еще и сегодня (да, да, и сегодня продолжается у нас опустошающая работа войны), я отдал свое перо» (*Абрамов Ф. На ком*

Дж. Хоскинг «сожалеет» также об «упадке» старых крестьянских традиций в деревне, чувства сплоченности и взаимопомощи. Он пишет, что в более поздних своих произведениях («Пелагея», «Алька») Ф. Абрамов изображает современную зажиточную деревенскую жизнь, в которой этой сплоченности почти не осталось ввиду механизации сельскохозяйственных работ и распространившихся в деревне городских обычаев. Идеино-художественное своеобразие последних произведений Ф. Абрамова исследователь сводит к единственному резюме: благоденствие ставит не менее сложные проблемы, чем бедность¹¹⁹.

Тему «упадка» русской деревни Дж. Хоскинг считает главной и в произведениях В. Белова. Анализируя его рассказ «Не гáривали», он усматривает причину трудностей деревенской жизни не в тяжелых последствиях войны, а в коллективизации и урбанизации деревни. Критик называет В. Белова «политическим писателем»¹²⁰ и даже усматривает в его произведениях 1970-х гг. (например, в «Канунах» и в «Плотничьих рассказах», поднимающих исторические проблемы русской деревни периода коллективизации) «апологию идей Бухарина и правой оппозиции 1928–1929 гг.»¹²¹, что явно отдаёт намеренной тенденциозностью.

Столь же тенденциозен английский критик Филипп Льюис, автор статьи «Деревенская ностальгия в современной литературе»¹²². Противопоставляя традиции старой русской деревни, ушедшие в небытие, жизни современного колхозного села, автор навязчиво проводит тезис о том, будто все «наиболее русское является наименее советским»¹²³. Так он пытается «обосновать» заведомо тенденциозный вывод, что современная советская интеллигенция, якобы «отказывается от классового подхода к истории и культуре»¹²⁴. Противопоставляя принцип народности, трактуемый внеисторически и внеклассово, принципу партийности, подобные критики стремились внушить ложное впечатление о том, что прин-

земля держится. Из архива // Лит. газ. 1985. № 10. 6 марта. С. 7).

¹¹⁹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 56.*

¹²⁰ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 70.*

¹²¹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 67.*

¹²² *Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // Soviet Studies. Univ. of Glasgo. 1976. Vol. XXVIII. October. № 4.*

¹²³ *Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature. P. 564.*

¹²⁴ *Ibidem.*

цип народности в произведениях советских писателей утратил свои классовые черты. Народность советского писателя всегда была обусловлена тем, насколько полно он отражал в своем творчестве жизнь и чаяния народа и в какой степени сам он и его творчество принадлежали людям труда.

Так предвзято и искаженно интерпретируются глубоко народные, проникнутые мыслью о бесконечной жизнеспособности народа, о преемственности его исторической памяти произведения В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Шукшина.

Советская литература о деревне поднимала важные социальные проблемы, представляющие собой часть проблем развития всего советского общества и привлекавшие к себе особое внимание, поскольку они обнажили острые, но не антагонистические противоречия, разрешения которых потребовала сама жизнь. Сильная сторона этих произведений о деревне заключалась именно в правдивом, неприкрашенном показе происходивших и происходящих в ней эмоционально-психологических и социальных процессов. Изображая с большой степенью достоверности и глубины народные характеры, народную трудовую нравственность, эти писатели выступали против плоскостного нигилистического отношения к духовным богатствам и ценностям трудовой крестьянской жизни, сельской природы. Быть может, иногда они несколько идеализировали патриархальные формы прежнего бытия, как, например, это делает В. Белов в «Ладе». Однако он ратует отнюдь не за реставрацию традиционных форм жизни и культуры прошлого, а за творческое развитие народных традиций. В его произведениях слышен призыв взглянуть на великий и трудный путь, который за несколько десятилетий проделала наша страна, «оком народной памяти». Поэтому нет никаких оснований преувеличивать роль и значение этой черты в творчестве В. Белова, что пытается сделать Дж. Хоскинг, прибегая к преднамеренной и тенденциозной политизации своих выводов.

В англо-американской советологии был весьма распространен также тезис о том, что гражданская социально-политическая позиция советских писателей якобы мешает им изображать духовный мир человека. Подобную точку зрения высказывают Дж. Гибан в книге «Советские писатели „малого мира“»¹²⁵, Н. Натова в статье

¹²⁵ Gibian G. Soviet Writers of the "Little World". Hamilton, Ontario, 1972.

«Повседневная жизнь и психология личности в русской советской прозе 1970-х годов»¹²⁶ и др.

Глубокое раскрытие характеров героев, как утверждали эти литературоведы, возможно только тогда, когда они изображаются вне связи с общественными проблемами своего времени. Намеренно противопоставляя героев современной им советской литературы героическим образам предыдущих литературных периодов, советологи стремились представить персонажи произведений писателей того времени «обычными, заурядными, хорошими по природе, но слабовольными людьми», не способными сопротивляться «мелкому злу повседневной жизни»¹²⁷, лишенными высоких идеалов, замкнутыми в узком бытовом мире, занятыми только личным благополучием. Так оценивает Н. Натова героев Ю. Трифонова, сводя все его творчество лишь к этому аспекту. Еще более сужает богатое идейно-художественное содержание трифоновских повестей Дж. Хоскинг, усматривая в них главным образом проблему кризиса «среднего возраста». Ю. Трифонов, утверждает он, «предлагает читателю... христианские ценности «другого мира», бессмертие, любовь к ближнему» и т.д. (анализ повести «Другая жизнь»). Серьезные проблемы нравственного выбора, поднимаемые в творчестве Ю. Трифонова, менее всего интересуют советологов. В произведениях этого писателя Дж. Хоскинг видит даже «разрыв с традицией социалистического реализма», поскольку этот художник слова «концентрирует свое внимание на быте»¹²⁸. При этом совершенно не принимается во внимание мнение самого Ю. Трифонова, который неоднократно писал в советской печати, что он изображает не быт, а обыкновенную жизнь, «испытание жизнью, где проявляется и проверяется новая сегодняшняя нравственность»¹²⁹.

В «городских» повестях Ю. Трифонова анализируются, казалось бы, обычные житейские коллизии, в которых, на первый взгляд, нет ничего крупного, общественно значимого: квартирные проблемы («Обмен»), семейные неурядицы («Предварительные итоги»), любовные связи («Долгое прощание»). Но именно в них

¹²⁶ *Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970-s // Russian Review. 1974. Vol. 33. October. № 4.*

¹²⁷ *Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970-s. P. 368.*

¹²⁸ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 194.*

¹²⁹ *Трифонов Ю. В. Повести. М., 1978. С. 528.*

художественно убедительно и с полной мерой авторского соучастия показано, как «микросоглашения», мелкие уступки самому себе или обстоятельствам, накапливаясь, ведут в конечном счете к утрате истинно человеческого в людях, к забвению идеалов и ценностей, обретенных в ходе революционной борьбы и десятилетий самоотверженного труда¹³⁰.

Обращаясь к проблеме положительного героя в советской литературе 1960–1970-х гг., Д. Браун и Дж. Хоскинг всерьез заявляют, что и этот герой не имеет никакого отношения к методу социалистического реализма: он не герой в прямом смысле слова, поскольку «безыдеен и инертен»¹³¹, «абсолютно индифферентен к идеологии»¹³².

Вопрос о положительном герое современной советской прозы непрост. В нашей критике тоже были отдельные выступления, когда Михаила Пряслина (героя Ф. Абрамова) обвиняли в мелком собственничестве, а Ивана Африкановича Дрынова (героя В. Белова) – в пассивности и патриархальности, забывая, что Иван Африканович – депутат местного Совета, участник Великой Отечественной войны: ведь не за свою же пассивность получил он орден Славы? Поставленный перед проблемой нравственного выбора, этот герой всегда действует активно и сознательно. Присуща ему и самокритическая оценка своей личности, своего поведения, отношения к миру. В этом Иван Африканович сходен с Михаилом Пряслиным, о котором на VII Съезде советских писателей Георгий Марков говорил: он «воплощает в себе черты той части коренного слоя крестьянства, который выстоял перед трудностями военного и мирного времени. На таких людях держалась и держится деревня, именно из Пряслиных складываются самые испытанные, самые преданные своему долгу совхозные и колхозные мастера полей и ферм – становая сила современной деревни»¹³³. Героиня повести В. Быкова «Знак беды» Степанида Богатык – простая необразованная крестьянская женщина, в

¹³⁰ Советологи абсолютно не принимали во внимание историко-революционную тему, которая звучит даже в «городских» повестях Ю. Трифонова и которой посвящены его романы «Нетерпение», «Старик», документальное повествование «Отблеск костра», а также последнее эссе писателя «Загадка и провидение Достоевского».

¹³¹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 81.*

¹³² *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 291.*

¹³³ *Марков Г. Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI Съезда КПСС // Вопр. лит. 1981. № 8. С. 19–20.*

прошлом батрачка – после установления Советской власти и в годы колхозного строительства «познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом»¹³⁴. И это позволяет ей активно сопротивляться злу и насилию, которые принесли в мирный хутор фашисты; сцена самоожжения героини, избравшей смерть, но не давшей в руки врагу, – свидетельство стойкости и непреклонности ее духа, глубоко народного характера.

Чрезвычайно показательно, что «военная» тема в советской литературе не привлекала особого внимания англоязычной критики в силу того, что она героична и изображает лучшие черты русского характера, воспитанные в новом обществе. Но и те немногочисленные работы о советской «военной прозе», которые были опубликованы, несут на себе отпечаток предвзятых советологических концепций.

Традиционный интерес русской классической и советской литературы к военной тематике, согласно концепции советологов, обусловлен не обстоятельствами нашей драматической истории, а лишь тактическими соображениями, необходимостью поддерживать у населения постоянную готовность к военным действиям. Произведениям на военную тему отказывали в художественности. В 1973 г. на английском языке вышел восьмой том сравнительной энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество» («Marxism, Communism and Western Society»), подготовленной американскими и западноевропейскими советологами. Автор одной из статей К. Аймермахер, сопоставляя советскую прозу о войне с западноевропейской, толкует о «неполноценности» и «старомодности» произведений советских писателей, отсутствию в них «реалистической достоверности и... эпической цельности»¹³⁵.

Критик из Канады Н. Шнайдман, отдавая в какой-то мере должное таланту В. Быкова, охарактеризовал его повести как философские по своей концепции и психологические по природе. Вместе с тем его трактовка повести «Сотников» полностью противоречит идейно-художественному замыслу автора, ибо критик находит некий «позитивный» (позитивный, так сказать, «для себя») момент

¹³⁴ Быков В. Знак беды // Дружба народов. 1983. № 4. С. 109.

¹³⁵ Eimermacher K. War Literature // Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y., 1972–1973. P. 337.

в исследовании и психологическом анализе характера предателя и обнаруживает даже писательскую «симпатию к тем, кто оказался слишком слабым, чтобы сопротивляться неистовому давлению обстоятельств и хочет любой ценой спасти свою жизнь»¹³⁶. В качестве доказательства «апологии» предателя Н. Шнайдман приводит мысль Сотникова о том, что «Рыбак не добрал чего-то как человек и гражданин». Однако это прямая передержка: совершенно ясно, что не об оправдании предательства идет речь у Быкова!

Отметим, что некоторые зарубежные критики зачислили В. Быкова в разряд экзистенциалистов. Они рассуждают о «тотальном одиночестве его героя», заброшенности в мире, о пограничных ситуациях, роковом стечении обстоятельств, в которых оказываются персонажи писателя; возводится в абсолюте элемент трагизма в произведениях писателя в ущерб героическому началу, т.е. используют подход экзистенциалистской критики, бытовавшей в США в те годы.

А ведь В. Быков один из первых в советской литературе начал исследовать, как испытывается на прочность характер советского человека, поставленного в критическую ситуацию. Главная проблема, поставленная в его произведениях, – это как и почему простой советский человек, «не герой» оказывается, вовсе о том не подозревая, настоящим героем¹³⁷. Даже погибая, как Сотников, герои В. Быкова остаются победителями. Символичен конец повести. Сотников сознательно идет на гибель, подтверждая и смертью свое право на высокое звание человека. Перед казнью Сотников – сын комиссара гражданской войны – как бы передает свою нестигаемую

¹³⁶ Canadian Slavonic Papers. 1978. Vol. 20. March. № 7.

¹³⁷ Откуда брались у героев, у этих простых людей (Сотникова, Степаниды Богатко, путевого обходчика Едигея, старухи Анны у Распутина, Ивана Африкановича, Пряслиных) силы на то, чтобы совершить – на войне или в тылу – подвиг? Думается, от масштаба и страстности идеи, воспринятой не только умом, но всем эмоциональным существом человека. Они смогли прожить свою жизнь по совести, т.е. по идее, обладая способностью ощущать себя «на пределе», на крайнем рубеже, ничем и никак не смягчая личной ответственности перед людьми, перед страной. Процесс терпеливого всматривания в человека, который столь показателен в произведениях Ч. Айтматова, В. Распутина, В. Быкова, В. Белова, Ф. Абрамова, не исключает осмысленной концептуальности и идейной содержательности романов и повестей этих писателей. При этом их идейность полностью растворена в самой художественной ткани произведений.

волю, веру, честь мальчику «в старой армейской буденовке» – эпизод, являющийся собой символ преемственности от поколения к поколению идеалов революции и гражданской войны.

Конечно, не все зарубежные исследователи предвзято и искаженно трактуют произведения советской военной прозы. «Я только что прочитал в журнале “Советская литература” роман Бориса Васильева «В списках не значился», – заявил в письме в редакцию журнала видный австралийский прозаик Ральф де Буассьер. – Роман написан так сурово, с такой болью, что иногда я откладывал чтение этого произведения на день-другой. Борис Васильев показал, какими гигантами могут стать люди при социализме... Я не могу забыть этот роман. Он слишком убедителен, правдив. Я хочу, чтобы вы передали мои слова Борису Васильеву. Я хочу сделать ему лучший комплимент, который может сделать писатель писателю: я хотел бы, чтобы эта книга была написана мною...»¹³⁸

Необходимо отметить, что прогрессивная зарубежная критика, непредубежденные иностранные читатели, все люди доброй воли высоко оценивают произведения советских писателей как военной, так и сугубо мирной тематики, поскольку в них произошла художественная кристаллизация жизненного опыта советского народа в узловые, переломные моменты его истории. В них присутствуют ветер истории, «большое время» и дается оценка событий с народной точки зрения. Этот факт лишний раз свидетельствует о тенденциозной предвзятости и уязвимости рассмотренных нами советологических работ.

¹³⁸ Лит. газ. 1982. № 7. 17 февр. С. 2.

3. Разрядка международной напряженности и процесс формирования объективных научных подходов к изучению русской литературы в США (1960–1980-е гг.). Вклад И. Вайля, Дж. Глэда, К. и Э. Профферов и других американских русистов в развитие и укрепление русско-американских связей (конец XX – начало XXI в.)

Как мы уже видели, хотя большинство молодых англо-американских исследователей в выборе тем также шли в фарватере советологического литературоведения, некоторые из них все же пытались идти против течения, дорожа научными принципами и избегая антисоветских выпадов. К числу таких исследователей относятся, кроме упомянутых нами, также ученые Северо-Западного университета (США), который проводил прогрессивную политику в сфере культуры и стремился избегать контактов с агрессивно-антикоммунистическими кругами. Это еще раз продемонстрировал советско-американский симпозиум, посвященный проблемам русской литературы конца XIX – начала XX века, проходивший в этом университете (Эванстон, близ Чикаго) в конце 1982 г., в котором с американской стороны приняли участие около ста профессоров и преподавателей ряда университетов США (в том числе университетов Колорадо, Виргинии, Чикаго, Гарвардского университета), а также аспирантов и студентов. Характерной особенностью этого симпозиума было отсутствие антисоветских советологических выступлений. Все споры носили научный характер и не нарушали общей дружественной атмосферы. В составе советской делегации был и заместитель директора Института мировой литературы имени А.М. Горького, член-корреспондент АН СССР В. Щербина, который в интервью, помещенном в «Литературной газете», подчеркнул, что «молодое поколение американских русистов, в отличие от многих своих старших коллег, все менее использует изучение нашей литературы в политических антисоветских целях, стремясь к объективному научному исследованию»¹³⁹.

¹³⁹ Лит. газ. 1982. 1 дек. С. 5.

Знаменательно, что как раз в эти годы в Северо-Западном университете преподавал большой друг Советского Союза, известный американский русист профессор И. Вайль. В 2016 г. в Москве на русском языке вышла книга его воспоминаний «От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля». В ней, как в капле воды, отразился типичный путь молодого американского исследователя русской литературы в послевоенный период.

Автор подробно рассказывает о своем становлении как специалиста по русскому языку, русской литературе и изучению культуры России на протяжении более полувека. Его первым преподавателем в начале в Чикагском университете, куда он поступил в 1947 г., был С. Харпер, сын известного американского поэта У.Р. Харпера, основавшего этот университет в 1891 г. при солидной финансовой поддержке (более 100 миллионов долларов) Дж.Д. Рокфеллера. С. Харпер одним из первых представителей академической среды в США начал серьезно изучать и всячески популяризировать русский язык и русскую литературу в своей стране. К сожалению, в 1930-е гг. русистика была полностью свернута в университете в связи с экономическим кризисом, поразившим Америку в эти годы.

Однако после Второй мировой войны и сокрушительной победы над нацизмом, в которой основную роль сыграл Советский Союз, в США пришло понимание значимости советского государства в мировой истории и политике, благодаря чему возникла объективная необходимость изучения истории России, ее культуры, литературы и русского языка, что способствовало возобновлению преподавания этих предметов, причем на самом высоком научном уровне, в ведущих американских университетах, в том числе и в Чикагском. Как отмечает И. Вайль, «это была своего рода попытка открыть дверь в славную культуру русской литературы» [Вайль 2016: 75]. В своих мемуарах он постоянно подчеркивает роль представителей русской эмиграции первой волны в данном академическом процессе.

Вместе с тем конец 1940-х гг. – это начало «холодной войны» между СССР и США, поддерживаемой и западноевропейским альянсом после печально известной Фултонской речи У. Черчилля.

Автор книги передает атмосферу горячих научных споров в Чикагском университете, которая вместе с тем сильно отличалась

от нагнетания атмосферы «холодной войны», как пишет ее автор, «в пропагандистских источниках»: газетах, журналах, на радио, в фильмах – во всех средствах массовой информации, формирующих общественное мнение в США. Так, например, в чикагском оперном театре была поставлена опера М. Мусоргского «Борис Годунов», где русский царь был представлен... кровожадным коммунистом, причем даже само имя Мусоргского было изменено: вместо Модест («скромный») – на его противоположность – «нескромный», что чрезвычайно поразило И. Вайля.

В то время факультет русского языка Чикагского университета возглавлял русский эмигрант – аристократ Дж. Бобринский, белый офицер, потомок незаконного сына Екатерины II и ее фаворита графа Г. Орлова. Бобринский очень внимательно и ответственно относился к обучению своих студентов и много сделал для их развития в области русистики.

В книге содержится много интересных подробностей о процессе обучения И. Вайля в этом учебном заведении, а также представлена его точка зрения как уже сложившегося ученого-русиста. Например, он пишет о значимости переводов произведений русской литературы, созданных британскими авторами: К. Гарнетт и Б. Гурнеем, причем в их сравнении; о противоречивой роли В. Набокова как преподавателя Корнельского университета, его явном субъективизме в оценке творчества Гоголя, Достоевского и других русских писателей, а также о его аутентичном переводе романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который трактуется И. Вайлем как не в полной мере удачный.

После получения степени магистра славистики в Чикагском университете в 1951 г. спустя некоторое время И. Вайль в течение трех лет работал в библиотеке Конгресса под руководством русского ученого, эмигранта первой волны, члена Кадетской партии в Петербурге Е.М. Кулишера, соратника В.Д. Набокова, отца писателя. Как отмечает И. Вайль, он научил его тому, «что такое настоящее исследование», чему тот «от души благодарен ему... и по сей день» [Вайль 2016: 89]. Говоря о сталинских репрессиях, он приводит один важный факт из своей научной практики: изучая многотомные публикации переписи населения России от 1897 г. и 1926 г., исследователь после долгих поисков обнаружил... всего лишь двухстраничную публикацию от 1939 г. о результатах второй советской переписи

си, появившуюся в печати лишь через три года после ее проведения в 1936 г. в том виде, «который явно скрывал демографическую катастрофу 1930-х годов»: провал коллективизации, последовавший за ним голод и начало сталинских репрессий [Вайль 2016: 90].

Надо сказать, что и у себя на родине в 1950-е гг. И. Вайль подвергся процедуре так называемой «охоты на ведьм» как подозреваемый в принадлежности к Американской коммунистической партии, поскольку он совершенно случайно снимал квартиру в доме, где располагалась штаб-квартира коммунистической партии в Вашингтоне, а также в «подрывных связях» с известным немецким режиссером-коммунистом Э. Пискактором, драматическую студию которого он посещал в Чикаго и даже участвовал в постановках в качестве актера и начинающего режиссера в студенческие годы. Однако уже гораздо позже, после тщательного изучения всех документов компетентными органами, И. Вайль был полностью освобожден от всех этих безосновательных подозрений.

Под руководством Е.М. Кулишера, как считает автор мемуаров, значительно возросло как его знание русского языка, так и истории и культуры России. Он отмечает, что наставления и советы его учителя, который был представителем «старой русской интеллигентской традиции», неоценимо помогли ему и стали «в некотором смысле школой» [Вайль 2016: 92]. Он пишет: «...То образование, которое я получил путем тщательного и широкого обзора советской прессы, вместе с историческими комментариями человека, обладавшего высочайшим, совершенно необычным интеллектом, которому пришлось жить в водовороте этих событий, сформировало мой научный фундамент» [Вайль 2016: 93]. С ним молодой человек мог и дальше успешно осваивать «многоликую реальность» российской истории, культуры и литературы.

В 1954 г. Фонд Форда учредил систему грантов для тех, кто хотел специализироваться в области русистики. И. Вайль воспользовался этой возможностью, получив грант на один год. Он поступил в Гарвардский университет на факультет славистики для получения докторской степени, после чего работал там в качестве ассистента преподавателя до 1958 г.

В Гарварде, этом интеллектуальном Олимпе Новой Англии, с одной стороны, по его словам, царило «безграничное высокомерие», которое подчас «принимало форму грубости и снисходитель-

ного отношения к другим людям» [Вайль 2016: 94], в том числе и к самому И. Вайлю. С другой стороны, он был рад и горд, что на факультете преподавали русские эмигранты – люди «высочайшего интеллекта» [Вайль 2016: 94]: блестящий специалист-филолог Р.О. Якобсон, бывший дипломат М.М. Карпович, создавший там свою школу изучения истории России, итальянский славист Р. Поджиоли, идеи которого не имели ничего общего с идеями формализма, получившими большое распространение в вузах США и образовавшими новый академический подход к изучению литературы под названием «новая критика», к которому сильно тяготел и В. Набоков. Рассуждения Р. Поджиоли о гигантах русской литературы были выдержаны в рамках культурно-исторического метода и, как отмечает автор, достаточно близко подвели американского читателя и слушателя лекций «к пониманию нравственной и художественной мощи этих гениев» [Вайль 2016:95], имея в виду Пушкина, Толстого, Достоевского и других русских писателей.

Представляют интерес воспоминания автора мемуаров о лекциях Д. Чижевского, Вс. Сечкарева. Один семестр в отсутствие М. Карповича на факультете преподавал В. Набоков, которому предложили прочесть курс лекций по творчеству Л.Н. Толстого. Многие преподаватели хотели, чтобы известный писатель продолжил свою работу в Гарварде, но этому сильно воспротивился Р. Якобсон. В результате Набокова не приняли на факультет, что было, конечно же, несправедливо по отношению к нему как талантливому преподавателю русской литературы, проявившему себя на этом поприще в других университетах и колледжах США, о чем эмоционально пишут в своих воспоминаниях его студенты.

Находясь в среде этих ориентированных на классическую русскую литературу замечательных ученых, И. Вайль решил, к их разочарованию, написать диссертацию о жизни и творчестве М. Горького, имя которого стало известно в Америке еще в начале XX в. Его работа увенчалась успехом. В 1966 г. в издательстве «Рандом Хаус» в Нью-Йорке, а в 1993 г. в Москве (в русском переводе) вышла его книга «Горький: его литературный рост и влияние на советскую интеллектуальную жизнь», которая также внесла несомненный вклад в горьковедение.

С 1958 по 1965 г. И. Вайль работал в Университете Брендайса вначале в качестве старшего преподавателя, а затем и профессора

русского языка и литературы. Его ученики, как отмечает автор, преуспели в науке и творческих профессиях: русская литература и культура их безусловно обогатили. Однако после семи лет преподавания ему предложили покинуть университет. Долгие годы он работал в должности секретаря-казначея Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL), которая ежегодно в течение многих десятков лет и по сей день проводит в США и Канаде международные научные конференции, где выступают не только преподаватели и ученые из США, но и русисты из других стран Европы, Азии и Латинской Америки, в том числе и российские исследователи. До сих пор эта организация поддерживает свободный обмен мнениями между представителями разных школ и направлений и способствует не только взаимопониманию, но и углублению объективных знаний о русской литературе и языке. Как участница нескольких конференций AATSEEL, проходивших в США и Канаде в 1990-е гг., могу засвидетельствовать присутствие там доброжелательной, чисто научной атмосферы и уважительное отношение к исследованиям российских ученых, выступавших с докладами на секциях.

Одновременно с 1966 г. в течение полувека И. Вайль являлся профессором Северо-Западного университета: он читал там курс по изучению литературы и культуры СССР. В те нелегкие времена его коллеги даже жаловались на него президенту университета, говоря, что он «друг Советского Союза». И. Вайль вспоминает, что президент ответил следующим образом: «А что вы хотите? Он преподает советскую литературу. Вы бы хотели, чтобы он ненавидел то, что преподает?» [Вайль 2016: 104]. На этом, как пишет автор, инцидент был исчерпан.

Начиная с 1960 г. И. Вайль более ста раз посещал СССР, а затем и Россию. В середине 1950-х – начале 1960-х гг. наступило время «хрущевской оттепели», и в 1958 г. была образована Комиссия по международному обмену, поэтому студенты и аспиранты из США и СССР могли стажироваться в вузах этих стран. И. Вайль был на стажировке в МГУ и в Институте мировой литературы, где хранился обширный архив жизни и творчества М. Горького. Одновременно он по собственной инициативе завязывает контакты как с выдающимися представителями интеллигенции, так и с простыми людьми: «Эти люди покорили меня моментально», пишет И. Вайль,

отмечая «дружеское и доброжелательное отношение» советских людей [Вайль 2016: 109].

Важной вехой на пути своего исследования И. Вайль считает встречу и постоянное общение с К. Чуковским, который стал ему «вторым отцом» [Вайль 2016: 138]. К. Чуковский в молодости работал под руководством Горького в издательстве «Мировая литература», которое с 1920-х гг. выпускало в СССР лучшие произведения мировой литературы с целью нести высокую культуру в массы. С этим издательством сотрудничали высококвалифицированные литературные специалисты, считавшие художественный перевод неотъемлемой частью литературы. Так, в XX в. в СССР появилось семнадцать переводов «Гамлета», один из которых принадлежал Б.Л. Пастернаку. И. Вайль высоко оценивает переводы Шекспира, выполненные М.Л. Лозинским, а из современных – совместные переводы Р. Пивера и Л. Волхонской – американца и русской: в этом творческом тандеме они создали переводы многих литературных произведений.

И. Вайль также вспоминает о своих встречах с Б.А. Бяликом, ведущим специалистом по творчеству Горького, В.И. Кулешовым, профессором филологического факультета МГУ, которые весьма доброжелательно отнеслись к его исследованию, о знакомстве с поэтом Е.А. Евтушенко, объективно отмечая сильные и слабые стороны его таланта, как и некоторые аспекты творчества И. Эренбурга. Он восхищается мужественным поведением А.И. Солженицына, размышляет о трагических судьбах М.А. Булгакова и О.Э. Мандельштама, высоко оценивая их произведения, пишет об истории создания романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и драматических последствиях присуждения писателю Нобелевской премии. В мемуарах хорошо передана напряженная атмосфера московской интеллектуальной жизни 1960-х гг., а также изменения, происходившие в 1970–1980-е гг. и, наконец, распад СССР в 1991 г., что на Западе, по мнению Вайля, вначале было расценено как «смена вывески» [Вайль 2016: 181]. В них присутствуют и его интересные рассуждения о системе Станиславского, и главы о музыкальных деятелях, например, о всемирно известном композиторе Д.Д. Шостаковиче, посетившем в 1973 г. Северо-Западный университет, при этом его гидом и переводчиком во время его пребывания в Эванстоне был сам И. Вайль, о чем он подробно пишет в своих мемуарах. Есть глава о композиторе С.С. Прокофьеве, его драматической судьбе и

встрече И. Вайля с его репрессированной супругой Линой, а также глава о его общении с В. Набоковым.

Мемуары И. Вайля заканчиваются на оптимистической ноте: «все то положительное, что я знаю о русских людях и их культуре в целом, обязательно возобладает над всем отрицательным... русское общество сможет мобилизовать свои лучшие черты и построит такое будущее, в котором будут возможности для развития огромного таланта, таящегося в этой необъятной стране» [Вайль 2016: 181].

И. Вайль более полувека своей жизни отдал не только изучению русского языка и литературы, русской культуры и истории, в чем он безусловно преуспел, как и в обучении этим предметам американских студентов. Но главное, что он совершил, – он внес огромный вклад, пребывая то в нашей стране, то у себя на родине, в избавление окружающих его людей от распространенных ложных стереотипов восприятия наших стран на инациональном уровне, боролся за появление новой объективной информации, в чем бы она ни заключалась, и против безудержной пропаганды, навязываемой обычным людям средствами массовой информации.

За его неустанные усилия по распространению русского языка и литературы и выдающийся вклад в сближение между нашими народами он был награжден Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) медалью Пушкина, которую ему торжественно вручил посол СССР в США А. Добрынин. Также он получил звание Почетного профессора Российского государственного гуманитарного университета в связи с тем, что своей преподавательской и просветительской деятельностью способствовал улучшению и углублению взаимопонимания и объективной оценке истории и культуры России и Америки, упрочению научных связей между этими странами. Мемуары И. Вайля – это честная, откровенная, эмоциональная повесть о его вхождении в мир русской культуры и литературной жизни, о его русских учителях как у себя на родине, так и в России, о гениях и простых русских людях, к которым он также испытывал глубокое уважение и благодарность за теплоту и душевное гостеприимство, неотделимое, по его мнению, от «русской натуры».

Другой друг нашей страны, представитель уже послевоенного поколения молодых ученых Джон Глэд (1941–2015) – известный американский славист, переводчик, профессор Мерилендского университета – также внес весомый вклад в популяризацию русской

литературы на Западе и особенно в США, как и в сохранение литературного наследия русской эмиграции.

Потомок хорвата-эмигранта, он в 17 лет начал изучать русский язык, на котором в дальнейшем говорил практически без акцента, и горячо полюбил русскую литературу. Будучи студентом американского университета получил степень бакалавра, а затем и магистра. В 1970-е гг. несколько раз посетил СССР, совершенствуя свои знания русского языка и литературы, которые затем передавал своим студентам американских университетов. Особенно тесно он общался с русскими эмигрантами всех трех волн, неоднократно брал у них интервью, в результате чего оставил в записи на пленке и видео уникальные трехчасовые беседы с Р. Гулем, Б. Филипповым, В. Войновичем, В. Некрасовым, В. Аксеновым, Ю. Алешковским, С. Соколовым, И. Бродским и др., в которых содержатся откровения писателей и поэтов, оказавшихся в США, их размышления о литературе, собственном творчестве и творчестве других русских литераторов, о стране, приютившей их, как и воспоминания о своей родине. Эти интервью легли в основу его книги, изданной в России: *Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье*. М.: Книжная палата, 1991. По приезде в Россию он безвозмездно передал огромные бобины с этими уникальными записями в фонд «Русское зарубежье», основанный А.И. Солженицыным в Москве, директор которого В.А. Москвин с благодарностью принял этот дар. В дальнейшем они были перенесены на современные носители информации и стали доступны посетителям фонда.

В 1999 г. Дж. Глэд опубликовал в США также уникальный по своему охвату и значению труд «Russia Abroad» в издательстве И. Ефимова «Hermitage» объемом 760 с., в котором он проследил четырехвековую историю русской эмиграции в Европу и США – начиная с князя Д. Курбского, современника Ивана Грозного. К сожалению, книга до сих пор не переведена на русский язык, хотя это, безусловно, насущная необходимость.

Помимо научной, педагогической и просветительской деятельности, он создал издательство «Березка», в котором издавались книги русских писателей и поэтов. Также, в совершенстве владея русским языком, он успешно и талантливо переводил на английский язык сложную для перевода поэзию Н. Клюева и О. Мандельштама, прозу В. Аксенова и В. Шаламова, стремясь сохранить метафоричность об-

разов, значение ключевых слов и лейтмотивов в их творчестве. Критика высоко оценила его переводы поэзии О. Мандельштама, сравнивая их с «россыпью бриллиантов». Его переводы произведений В. Шаламова сделали творчество этого писателя, проведшего двадцать лет в сталинских лагерях, очень известным на Западе и принесли его вдове солидные дивиденды, на которые она смогла подготовить и опубликовать шеститомное издание его прозы в России.

Дж. Глэд бескорыстно помогал эмигрантам из России, многие из которых сильно нуждались, предоставляя им свой кров и пищу, денежные средства, при этом старался любым способом облегчить эмигрантское существование даже незнакомым людям. В конце жизни он возглавил очень известный в США благотворительный Фонд им. Дж. Кеннана в Вашингтоне, который предоставлял гранты от трех до шести месяцев стажерам и специалистам из России: филологам, экономистам, юристам, историкам, социологам и представителям других гуманитарных специальностей, тем самым внося свой неоспоримый вклад в укрепление научных связей и взаимопонимания между двумя нашими странами – Россией и Америкой.

Большой вклад в распространение русской литературы в США и сохранение литературного наследия русской эмиграции внесло и уже упомянутое нами Издательство имени А.П. Чехова, созданное в Нью-Йорке в 1952 г. при финансовой поддержке Фонда Форда и просуществовавшее четыре года. Оно выпустило 178 книг 129 авторов и 7 антологий, в частности, «На Западе» (антология русской зарубежной поэзии под ред. Ю. Иваска), «На Перевале», «Опальные повести» (под ред. В. Александровой), «Пестрые рассказы» (под ред. В. Александровой), «Приглушенные голоса» (антология поэзии за железным занавесом под ред. В. Маркова), «Православие в жизни» (под ред. Верховского) и др.

Наряду с произведениями русской классики: «Повести» Н.В. Гоголя, «Соборяне» Н.С. Лескова, «Девять повестей» В.Ф. Одоевского, «Избранные стихи» Ф.И. Тютчева и др. – им издавались произведения М.А. Алданова, рассказы М.А. Булгакова, сочинения И.В. Бунина, романы В.В. Набокова, Р. Гуля, Е.И. Замятина, Д.С. Мережковского, Н. Нарокова, А.М. Ремизова, Л. Ржевского, проза М. Цветаевой, Б.К. Зайцева, рассказы М.С. Шмелева, М. Зощенко, драматургия С. Малахова, стихи А. Ахматовой, И. Елагина, Н. Гумилева, а также мемуарные и философские книги Г.В. Иванова,

П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Ю. Терапиано, Р.В. Иванова-Разумника, историко-философские эссе и другие книги. Была отдана дань и зарубежной классике: в переводе на русский язык были изданы произведения У. Сарояна, А. Труайя, Г. Уайлдера, а также историко-публицистические произведения иностранных авторов, главным образом американских. Материалы XX Съезда КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина, были восприняты в США как весомый аргумент для закрытия издательства в 1956 г., поскольку в Москве «восторжествовала правда», и было решено больше не тратить деньги на издание книг и исследований подобного рода.

Однако в 1970–1980-е гг. ему на смену пришло не менее продуктивное мичиганское издательство «Ардис», которое просуществовало почти 20 лет (с 1971 по 1991 г.). Оно было основано в университетском городке Анн Арбор в Мичигане: им руководили специалисты по русской литературе Карл и Эллендейя Проффер, и вскоре оно стало ведущим издательством в США, ориентированным на мир русской литературы.

Исчерпывающую характеристику его направленности дал отечественный критик И. Толстой: «Не гадание на политической гуще, не сомнительной достоверности домыслы, – но прежде всего верность тексту, глубокое почитание авторской воли, стремление по возможности воссоздать для читателя забытый облик давнего или прижизненного издания», – вот что, на его взгляд, отличает книги издательства «Ардис» и, по его мнению, позволяет выделить их «в группу исследовательских первоисточников»¹⁴⁰.

Не случайно руководителем издательства «Ардис» в качестве его названия выбрали топоним из романа В. Набокова «Ада»: там все его четырнадцать книг, написанные в Европе до Второй мировой войны, были переизданы в 1970–1980-е гг., поскольку сам автор передал чете Профферов все права на свои русские издания. К сожалению, в них полностью отсутствует комментарий, но сохранены все поздние английские предисловия Набокова к текстам его русских романов уже в переводе на русский язык. Кроме того, в эти годы там публиковались интереснейшие научные труды и объективные исследования известных американских ученых о проблемах творчества Набокова. Так, была издана монография Б. Бойда, автора двухтомной энцикло-

¹⁴⁰ Толстой И. Издательство «Ардис» // Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 187.

педически полной и тщательно выверенной творческой биографии писателя: это исследование о его романе «Ада» – «“Ада” Набокова. Место сознания», первоначальный вариант которой был написан в 1978 г. в виде диссертации, которую автор защитил в Торонто в 1979 г., а затем отправил К. Профферу, предложившему опубликовать ее в 1980 г.¹⁴¹ Им также были опубликованы получившие большую известность книги набоковеда Б. Джонсона «Распадающиеся миры» и Г. Барабтарло «Фантом факта». Сам К. Проффер дополнил издательскую «набоковиану» своим исследованием – книгой «Ключи к Набокову», а также изданием сборника «Всякая всячина о Владимире Набокове» под своей редакцией.

Супруга К. Проффера, его бывшая аспирантка Э. Проффер, составила и издала солидную биографию М. Булгакова, Р. Хэгглюнд – библиографию и творческую биографию Г. Адамовича периода эмиграции. Выходили и фотобиографии, посвященные М. Булгакову, М. Цветаевой, Б. Окуджаве, Н. Евреину, в которых особое место занимали фотоматериалы. Выходили и первые в мире исследовательские работы: книга Г. Кэма о «Серапионовых братьях», монография У. Брауна «История русской литературы эпохи романтизма», исследование Г. Браунинга о Б. Пильняке с подзаголовком «Скиф за пишущей машинкой», первая книга об О. Сомове Дж. Мерсеро и др. Многие произведения русских классиков Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чернышевского, Островского, Писемского, Сологуба, Погорельского и даже «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой и др. были изданы в переводах на английский

¹⁴¹ Судьба блистательного набоковеда Б. Бойда захватывающе интересна. Он родился и вырос в Новой Зеландии. В юности, увлекшись творчеством Набокова, он отправился в библиотеку, чтобы прочесть «Лолиту», однако ее не было в наличии, и ему предложили взять роман «Бледное пламя», который его просто потряс как своей необычной формой, так и неожиданным пародийно-авантюрным содержанием и богатством поэтики. Б. Бойд решил заниматься творчеством Набокова. По рекомендации К. Проффера он встретился с вдовой писателя Верой Евсеевной, которая, ознакомившись с его проникновенным исследованием об «Аде» и оценив его «приверженность фактам», разрешила ему работать с полным архивом В. Набокова и создать не только библиографию, которую тот планировал, но и новую биографию писателя, «которая могла бы опровергнуть и вытеснить из научного употребления» скандально известную биографию Э. Филда», опубликованную в 1977 г. (См. об этом: *Бойд Б.* Предисловие к русскому изданию // Бойд Б. «Ада» Набокова: место сознания. СПб.: Симпозиум, 212. С. 10.)

язык, хотя некоторые из них публиковались в оригинале, например, «Записки из подполья» Достоевского, не вышедшие в советское время отдельным изданием, факсимильный сборник дореволюционного издания двухтомника Киреевского и фотокопия «Путешествия в Арзрум» Пушкина, выпущенное в Париже под ред. М.Л. Гофмана и с предисловием С. Лифаря.

В переводах на английский язык была издана проза М. Цветаевой, А. Ахматовой, А.М. Ремизова, произведения М. Зощенко, Б. Пильняка, Ю. Олеси, Е. Замятина, О. Мандельштама, А. Грина, М. Шагинян, многочисленные антологии произведений писателей второго ряда и воспоминания Н. Мандельштам, Л. Брик и Л. Белозерской, объединенные в сборнике «Вдовы России».

Отдельными изданиями была выпущена современная проза А. Битова, Ф. Искандера, В. Аксенова, Ю. Нагибина, А. Гладиллина, Ф. Абрамова и др.; также там вышли сборники рассказов «Современная русская проза» (Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Шукшин), «Гласность. Новая советская проза» (Л. Петрушевская, Вик. Ерофеев, Т. Толстая, В. Попов и др.), интервью с поэтами-шестидесятниками: А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной и др. Были переведены на английский язык даже историко-литературные исследования отечественных авторов, ставшие классическими: М. Бахтина, Б. Эйхенбаума, Вас. Гиппиуса, Ю. Лотмана, К. Рудницкого, а также выпущены антологии критических и теоретических работ о Гоголе, русских символистах, истории развития западной русистики и т.д.¹⁴²

Важным начинанием издательства «Ардис» стала публикация в 1970–1980-е гг. «Русского литературного трехквартальника» – «Russian Literature Triquarterly» – весьма объемного журнала-альманаха, «уникального в своем роде издания во всем Западном мире», поскольку он целиком был посвящен русской литературе, с популяризаторской целью «предложить вниманию широкого читателя непереуведенные русские тексты», как пишет Э. Проффер, подводя итоги в последнем 24-м его номере в феврале 1991 г. Также она отмечает: «Журнал этот старался представить промежуточное поколение славистов, тех, кто не относился ни к марксистам, ни к поклонникам холодной войны. Их внимание было сосредоточено на

¹⁴² Более подробно об этом см.: *Толстой И.* Издательство «Ардис» // Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд. 1993. С. 187–190.

литературе, а не на политике – и не потому, что политика стремилась целиком вытеснить литературу даже в спорах о литературе. Сейчас положение счастливым образом изменилось, и поскольку картина русской литературы полна многочисленных переводов в отдельных изданиях, потребность в таком журнале уже отпадает»¹⁴³.

К этому времени советология, как и «новая критика», во многом утратили свои позиции: пришло время объективных научных трудов, которые начали выходить уже в 1970–1980-е гг., благодаря объединению научных усилий англо-американских исследователей и лучших представителей отечественной филологии.

Их отличает стремление к глубине и объективности изложения, интерес к малоизученным проблемам русской литературы, введение в научный оборот новых для западной академической аудитории имен, а также опора на достижения известных российских ученых-филологов. С другой стороны, лучшие достижения англоязычных ученых на ниве славистики, как и русистики, также широко издаются на русском языке в нашей стране: это энциклопедические труды Б. Бойда о В. Набокове, монография В. Александрова «Набоков и потусторонность», глубокие исследования П. Дебрецени о прозе Пушкина, творческая биография Чехова Д. Рейфилда, монография Д. Орвина о проблемах творчества Толстого, О. Меерсон о психологии творчества русских писателей, уникальная книга Дж. Глэда «Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье», вобравшая в себя его интервью с представителями трех волн русской эмиграции; рассмотренные нами мемуары известного русиста И. Вайля о его становлении как специалиста по русской литературе и культуре России, о его многочисленных творческих контактах с русскими эмигрантами в США и известными писателями и учеными в России и т.д.

Таким образом, современные англоязычные исследователи в своем большинстве, используя свой жизненный опыт, университетские знания и творческие контакты с российскими учеными, с большой долей объективности стремятся донести до западного читателя не только художественное совершенство русской литературы XIX–XX вв., но также морально-этические и эстетические взгляды великих русских писателей, а также правдиво отразить культурно-исторический фон описываемой эпохи.

¹⁴³ Proffer E. Russian Literature Triquarterly. 1991. February. № 24 (цит. по: Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. С. 187).

Литература

1. *Абрамов Ф.* На ком земля держится. Из архива // Литературная газета. 1985. № 10. 6 марта. С. 7.
2. *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. СПб: Алетейя, 1999. 318 с.
3. *Андреев Ю.А.* Массовая культура и культура масс // Звезда, 1982. № 7. С. 151–166.
4. *Barooshian V.D.* Russian Cubo-futurism, 1910–1930: a Study in Avantgardism, sec. print. Paris: The Hague Mouton, 1976. 176 p.
5. *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
6. *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2004. 928 с.
7. *Бойд Б.* «Ада» Набокова: Место сознания / Пер. с англ. СПб: Symposium, 2012.
8. *Борищук В.* Поле битвы идей М.: Сов. писатель, 1983. 415 с.
9. *Bowman E.* Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. L., Oxford; N.Y., 1973. P. 138–145.
10. *Brown C.* On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. L., Oxford, N.Y., 1973. P. 145–152.
11. *Brown D.* Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. 394 p.
12. *Brown E.* Mayakovsky. A Poet in Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. 386 p.
13. *Brown E.* Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antitopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1976. 61 p.
14. *Brown E.* Rec. on: Charters A. and S. I Love // The Russian Review. April. 1980. Vol. 39. № 2. P. 267–268.
15. *Browning G.* Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 259 p.

16. *Буасьер Р. де*. Письмо в ред. «Литературной газеты» // Лит. газ. 1982. № 7. 17 февр. С. 2.
17. *Burgess A.* 1985. London: Hutchinson, 1978. 272 p.
18. *Быков В.* Знак беды // Дружба народов. 1983. № 4. С. 38–126.
19. *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД Менская, 2016. 224 с.
20. *Charters A. and S.* I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. N.Y.: Farrar, Straus Giroux, 1979. 398 pp.
21. *Дебрецени П.* Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина / Пер. с англ. СПб., 1995. 398 с.
22. *Eimermacher K.* War Literature // Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia / Ed. by Kernig. Vol. 8, N.Y., 1972–1973. P. 326–329.
23. *Frankel T.* The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972. 198 p.
24. *Friedberg V.* Soviet Letters under Brezhnev // Problems of Communism. 1983. May-June. P. 51–58.
25. *Gibian G.* Soviet Writers of the “Little World”. Hamilton, Ontario, 1972. 29 p.
26. *Глэд Дж.* Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.
27. *Glad J.* Russia Abroad. N.Y.: Hermitage, 1999. 760 p.
28. *Harjan G.* Leonid Leonov. A Critical Study. Toronto: Arowhene Publ. Co., 1979. 233 p.
29. *Hingley R.* Preface: Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y., 1979. P. I–XVIII.
30. *Hosking J.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. L., Elek: Granada publ., 1980. 260 p.
31. *Ильин И.П., Соколова Е.В.* Уэллек Рене // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 415–416.
32. *James V.* Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. L., 1973. 146 pp.
33. *Козлов А.С.* Мифологическая критика // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 258–262.
34. *Lewis Ph.* Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // Soviet Studies, Univ. of Glasgo. 1976. Vol. XXVIII. October. № 4. P. 548–569.

35. *Lönnquist B.* Chlebnikov and Carnival: an Analysis of the Poem "Poet". Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1979. 127 p.
36. *Mandelstam O.* Collected Works in Three Volumes / Ed. by G.P. Struve and B.A. Filippov. N.Y., 1967.
37. *Марков Г.* Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI Съезда КПСС // Вопросы литературы. 1981. № 8. С. 3–21.
38. *Mathewson R.B.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed.: 1978. (rev. & enl.). 364 p.
39. *McVay A.* Esenin: a Life. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1976. 352 p.
40. *McVay A.* Isadora & Esenin. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1980. 335 p.
41. Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. By E. Brown. L., Oxford Univ. Press, 1973. 439 p.
42. Marxism and Art / Ed. By Solomon, N.Y., 1973. 649 p.
43. *Меерсон О.* Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. СПб., 2009. 432 с.
44. *Natov N.* Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970s // Russian Review. 1974. Vol. 33. October. № 4. P. 357–371.
45. *Oats J.C.* A Letter to C. Proffer // The New Republic. 1981. February 14th. P. 32.
46. *Орвин Д.Т.* Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб., 2006. 303 с.
47. *Овчаренко А.И.* Основные типы социалистического реализма // Социалистическая литература и современный литературный процесс. М.: Современник, 1975. С. 199–212.
48. *Proffer C.R.* The Widows of Russia and other Writings. Ann Arbor (Mich.): Ardis, XIV. 1987. 159 p.
49. *Proffer E.* Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. XIV, 670 p.
50. *Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова / Пер. с англ. Б.Г. С.-Пресс, 2010. 781 с.
51. *Ransom S.C.* New Criticism. Norfolk, 1941. XIII. 339 p.
52. Russia: The Spirit of Nationalism // Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.

53. *Shneidman N.N.* Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington (Mass.), 1973. 209 p.
54. *Tate A.* Reactionary Essays in Poetry Ideas. N.Y., 1936. XII, 240 p.
55. *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 204 с.
56. *Трифонов Ю.В.* Повести. М., 1978. 542 с.
57. *Tsvetaeva: Fotobiographia / Tsvetaeva: A Pictorial Biography / Ed. by E. Proffer Introduction by C. Proffer Ann Arbor (Mich.): Ardis. 143 p.*
58. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
59. *Цурганова Е.А.* Новая критика // Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 287–291.
60. *Understanding Poetry / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren N.Y., 1938. XXIV, 680 p.*
61. *Understanding Fiction / Ed. by Brooks C., Warren R.P. N.Y., 1943, XX, 608 p.*
62. *Vitins V.* Rec. on: Tsvetaeva M. A Pictorial Biography, ed. by Proffer E. Introduction by Proffer C. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1980 // Slavonic Review. Spring. 1982. P. 176–177.
63. *Vroon R.* Velimir Chlebnikov's "Chadži-Tarchan" and the Lomonosovian Tradition // Russian Literature. 1981. IX. P. 107–131.
64. *Wellek R., Warren A.P.* Theory of Literature. N.Y.; L., 1949. X, 403 p.
65. *West D.M.* Mandelstam: the Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. Vol. 10. Birmingham, 1980. 154 p.
66. *Wimsatt W.K.* The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry (with M.C. Beardsley). Lexington, 1954. XVIII, 299 p.
67. *Wimsatt W.K.* Literary Criticism: a Short Story (with Cl. Brooks). N.Y., 1957. 755 p.

References

1. *Abramov F.* (1985) By Whom the Earth Is Held. From Archives // *Literaturnaya Gazetta*. 1985. № 10. 6 March. P. 7.
2. *Aleksandrov V.E.* (1999) Nabokov's Otherworld. St.-Peterburg.: Aleteja Publ. 320 p.
3. *Andreev Yu. A.* Mass Culture and Culture of the People // *Zvezda*. 1982. № 7. P. 151–166.
4. *Barooshian V.D.* Russian Cubo-futurism, 1910–1930: a Study in Avantgardism, sec. print. Paris: The Hague Mouton, 1976. 176 p.
5. *Borstchukov V.* The Field of and Ideological Battle. Moscow, 1983. 415 p.
6. *Bowman E.* Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. L., Oxford; N.Y., 1973. P. 138–145.
7. *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The Russian Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press. 1990. 696 p.
8. *Boyd B.* Vladimir Nabokov: The American Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004. 928 c.
9. *Boyd B.* Nabokov's Ada. The Place of Consciousness. SPb.: Symposium, 2012. 480 p.
10. *Brown C.* On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. L., Oxford; N.Y., 1973. P. 145–152.
11. *Brown D.* Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. 394 p.
12. *Brown E.* Mayakovsky. A Poet in Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1973. 386 p.
13. *Brown E.* (1976) Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor (Mich.): Ardis. 61 p.
14. *Brown E.* (1980) Rec. on: Charters A. and S. I Love // *The Russian Review*, April, 1980, vol. 39, N 2. pp. 267–268.
15. *Browning G.* (1985) Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 259 p.
16. *Boissière R. de* (1982) A Letter to “*Literaturnaya Gazeta*” // *Lit. Gaz.* 1982. № 7. 17 February. P. 2.
17. *Burgess A.* 1985. London: Hutchinson, 1978. 272 p.
18. *Bykov V.* (1983) A Sign of Trouble // *Droozhba Norodov*. 1983. № 4. P. 38–126.

19. *Charters A. and S.* I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. N.Y.: Farrar, Straus Giroux, 1979. 398 p.
20. *Debreczeny P.* The Other Pushkin: a Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction. 1995. 398 p.
21. *Eimermacher K.* War Literature // Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia / Ed. by K. Kernig. Vol. 8, N.Y., 1972–1973. P. 326–329.
22. *Frankel T.* The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972. 198 p.
23. *Friedberg V.* Soviet Letters under Brezhnev // Problems of Communism. 1983. May-June. P. 51–58.
24. *Gibian G.* Soviet Writers of the “Little World”. Hamilton, Ontario, 1972. 29 p.
25. *Glad J.* Conversations in Exile: Russian Literature Abroad. M.: Knizhnaya Palata, 1991. 320 p.
26. *Glad J.* Russia Abroad. N.Y.: Hermitage, 1999. 760 p.
27. *Harjan G.* Leonid Leonov. A Critical Study. Toronto: Arowhere Publ., 1979. 233 p.
28. *Hingley R.* Preface: Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y., 1979. P. I–XVIII.
29. *Hosking J.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. L., Elek: Granada publ., 1980. 260 p.
30. *Ilyin I.P., Sokolova E.V.* Wellek Rene // Western Literary Criticism of the 20th Century. Encyclopedia. Moscow: Intrada, 2004. P. 415–416.
31. *James V.* Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. L., 1973. 146 p.
32. *Kozlov A.S.* Myth Criticism // Western Literary Criticism of the 20th Century. Encyclopedia. Moscow: Intrada, 2004. P. 258–262.
33. *Lewis Ph.* Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // Soviet Studies, Univ. of Glasgo. Vol. XXVIII. October. № 4. P. 548–569.
34. *Lönquist B.* Chlebnikov and Carnival: an Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1979. 127 p.
35. *Mandelstam O.* Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Sturue and B.A. Filippov. N.Y., 1967.

36. *Markov G.* Soviet Literature in its Struggle for Communism and its Problems in the Right of the XXVI Congress of KPSU's Decisions // Problems of Literature. 1981. № 8. С. 3–21.
37. *Mathewson R.B.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed.: 1978 (rev. & enl.). 364 pp.
38. *McVay A.* Esenin: a Life. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1976. 352 p.
39. *McVay A.* Isadora & Esenin. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1980 335 p.
40. Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. By E. Brown. L., Oxford Univ. Press, 1973. 439 p.
41. Marxism and Art / Ed. By Solomon. N.Y., 1973. 649 p.
42. *Meerson O.* Personalism as Poetics: the World of Literature in the Eyes of Its Inhabitants. SPb., 2009. 432 p.
43. *Natov N.* Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970s // Russian Review. 1974. Vol. 33. October. № 4. P. 357–371.
44. *Oats J.C.* A Letter to C. Proffer // The New Republic. 1981. February 14th. P. 32.
45. *Orwin D.T.* The Art and Thought of Tolstoy. 1847–1880. SPb., 2006. 303 p.
46. *Ovcharenko A.* The Main Kinds of Socialist Realism // Socialist Literature and the Modern Literary Process. M.: Sovremennik, 1975. P. 199–212.
47. *Proffer C.R.* The Widows of Russia and other Writings. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1987. XIV, 159 p.
48. *Proffer E.* Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. XIV, 670 p.
49. *Rayfield D.* A Life of Anton Chekhov. B.G.C.-Press, 2010. 781 p.
50. *Ransom S.C.* New Criticism. Norfolk, 1941. XIII, 339 p.
51. Russia: The Spirit of Nationalism // Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.
52. *Shneidman N.N.* Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington (Mass.), 1973. 209 p.
53. *Tate A.* Reactionary Essays in Poetry Ideas. N.Y., 1936. XII, 240 p.

54. *Tolstoy I.* Italics of the Epoch. Literary Notes. SPb.: Pushkin Fund, 1993. 204 p.
55. *Trifonov Yu.V.* Long-short Stories. Moscow, 1978. 542 c.
56. Tsvetaeva: Fotobiographia / Tsvetaeva: A Pictorial Biography / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1980. 143 p.
57. *Tynyanov Yu.N.* Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow, 1977. 576 c.
58. *Tsurganova E.A.* New Criticism // Western Literary Criticism of the 20th Century. Encyclopedia. Moscow: Intrada, 2004. P. 287–291.
59. Understanding Poetry / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y., 1938. XXIV, 680 p.
60. Understanding Fiction / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y., 1943. XX, 608 p.
61. *Vitins V.* Rec. on: Tsvetaeva M. A Pictorial Biography, ed. by Proffer E. Introduction by Proffer C. Ann Arbor (Mich.): Ardis // Slavonic Review. Spring. 1982. P. 176–177.
62. *Vroon R.* Velimir Chlebnikov's "Chadži Tarchan" and the Lomonosovian Tradition // Russ. Lit., Amsterdam. 1981. X. P. 107–131.
63. *Weil I.* From the Cincinnati Reds to the Moscow Reds. Memories. Moscow, 2016. 224 p.
64. *Wellek R., Warren A.P.* (1949) Theory of Literature. N.Y.; L., 1949. X, 403 p.
65. *West D.M.* Mandelstam: the Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. Vol. 10. Birmingham, 1980. 154 p.
66. *Wimsatt W.K.* The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry (with M.C. Beardsley). Lexington, 1954. XVIII, 299 p.
67. *Wimsatt W.K.* Literary Criticism: a Short Story (with Brooks Cl.). N.Y., 1957. 755 p.

Контрольные вопросы к третьему разделу

1. «Новая критика» в США (1920–1950-е гг.) как доминирующий фактор, тормозящий освоение русской литературы.
2. В. Набоков как приверженец «новой критики» в 1940–1950-е гг. Особенности его критического подхода.
3. Роль мифологической критики в американском литературоведении (1940–1960-е гг.). Положительные и отрицательные стороны этого критического метода.

4. Антикоммунистическая истерия в США в 1950-е гг. – «охота на ведьм».

5. Советология как «поле битвы идей» в эпоху «холодной войны» – эпоху идеологического противостояния двух систем. Ее негативная роль в восприятии на Западе и изучении литературы советского периода.

6. Разрядка международной напряженности в 1960–1970-е гг. Важная роль Межправительственных соглашений о прямых научных обменах стажерами и специалистами между СССР, США и странами Запада. Резкое возрастание доли объективных исследований в 1980-е гг.

7. Вклад молодых американских русистов И. Вайля, К. и Э. Профферов, Дж. Глэда, Б. Бойда и др. в объективное и углубленное изучение русской литературы в США в конце XX – начале XXI вв.

8. Переводы фундаментальных работ американских исследователей (В. Александрова, Б. Бойда, Г. Барабтарло, Н. Букс, П. Дебрецени, Дж.В. Коннолли, Э. Пайфер, В. Набокова и др.) и их публикации в 1990–2010-х гг. в России.

Рекомендуемая литература

Основная

1. Изучение русской литературы за рубежом в 1980-е годы: Аннотированный библиографический указатель (учебники, монографии, сборники) / Отв. ред. Т.П. Буслакова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 164 с.

2. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.): Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания) / Отв. ред. Т.Н. Белова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.

3. Русская классическая и советская литература за рубежом (изучение, преподавание, оценка) / Под ред. Т.Н. Беловой, В.В. Сорокиной, А.Г. Шешкен, Е.З. Цыбенко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 176 с.

4. Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов: Учебное пособие / Под ред. Е.З. Цыбенко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 160 с.
5. Русская литература в оценке современной зарубежной критики / Под ред. В.И. Кулешова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 288 с.
6. *Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 184 с.
7. История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.): Учебник для вузов / Под ред. А.П. Авраменко. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011. 706 с.
8. *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 416 с.
9. *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 408 с.
10. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Н.-Й., 1956.
11. *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета. СПб.: Симпозиум. 2001. 659 с.
12. *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум. 2004. 928 с.
13. *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство – СПб.: ОКБ «Набоковский фонд», 1998. 928 с.
14. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / Пер. с англ. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.

Дополнительная

1. *Анцыферова О.Ю.* Русская литература и художественные искания американских писателей конца XIX века (Г. Джеймс, У.Д. Хоуэллс, С. Крейн). Иваново, 2000. 132 с.
2. *Борищук В.* Поле битвы идей. М.: Сов. писатель, 1983. 415 с.
3. Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. / Под ред. О.Э. Тугановой. М.: Наука, 1987. 232 с.

4. *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати доо красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД Менская, 2016. 224 с.

5. *Глэд Дж.* Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.

6. Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.

7. *Милославская С.К.* И.С. Тургенев в оценке своих американских современников // Литература США. М.: Изд. Моск. ун-та, 1973. 271 с.

8. *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Изд. Пушкинского фонда, 1993. 203 с.

Учебное издание

Белова Татьяна Николаевна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ РУСИСТИКИ
в XIX–XX вв. на Западе

Учебное пособие

*Оригинал-макет подготовлен на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Компьютерная верстка и дизайн: А. М. Егоров

В оформлении использованы
фрагменты картины В. М. Васнецова
«Сирин и Алконост. Песнь радости и печали»

Подписано в печать 19. 12. 2018. Усл. печ. л. 9,75. Электронное издание сетевого распространения



ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>

Отдел реализации.

Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

